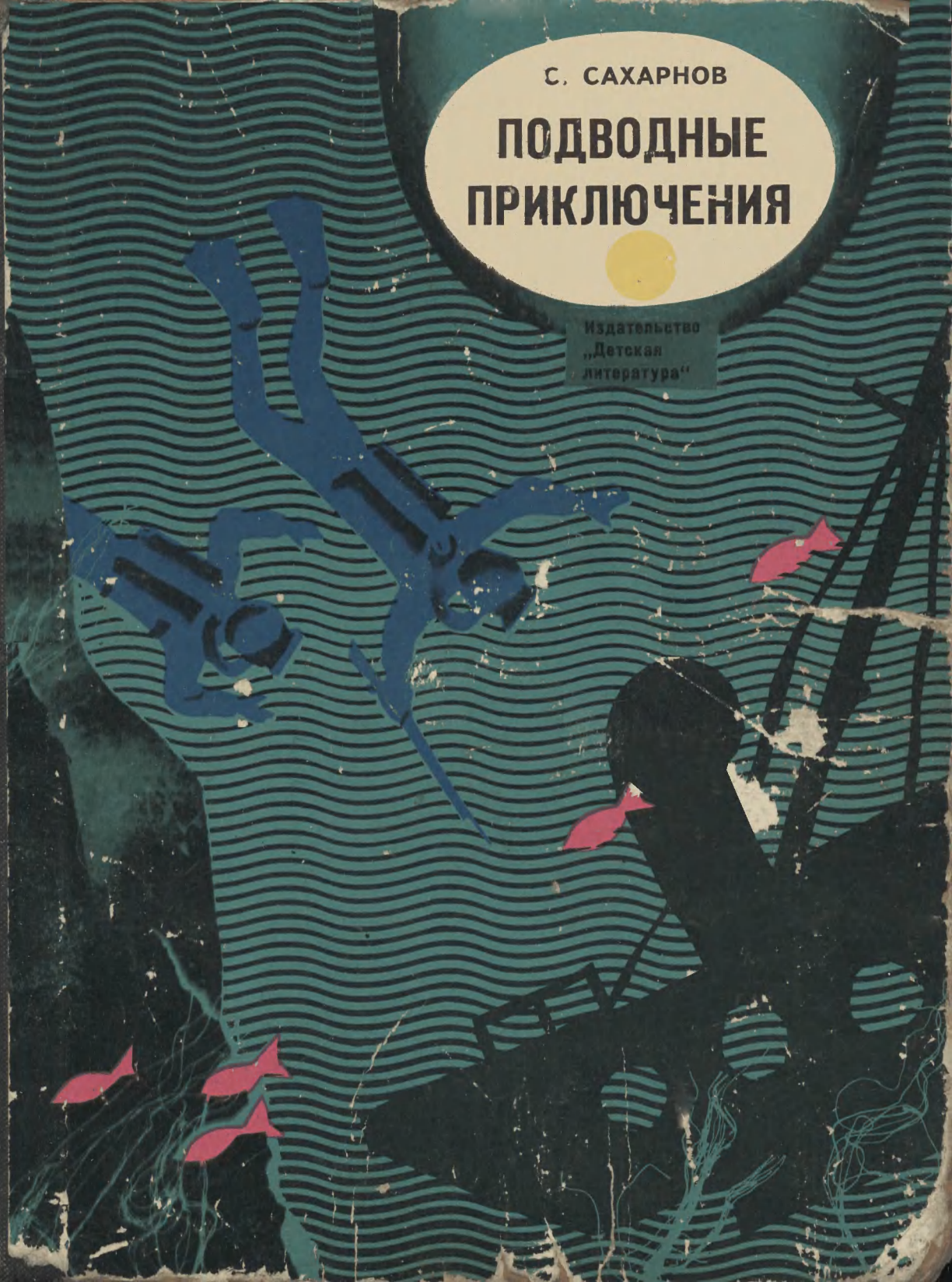

С. САХАРНОВ

ПОДВОДНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Издательство
„Детская
литература“

*Эту книгу я писал вот так.
О чём она?*

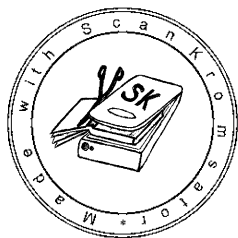
*Конечно, о водолазах. Ещё—
о подводных домах и затонув-
шем пароходе. В ней есть
дрессированный дельфин, не-
сколько осьминогов и трепан-
ги, ползающие по дну. Всё
морские животные. Правда,
есть и одна кошка, но она то-
же жила под водой.*

*А может быть, в книге есть
и что-то другое? Например,
как хорошо, когда человек лю-
бит своё дело. И как это важ-
но—верить в свои силы...*

С. САХАРНОВ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
1972

Scan AAW

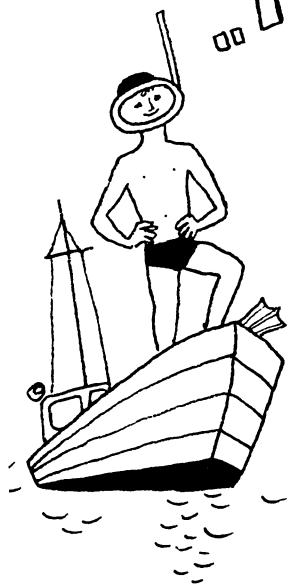
Рисунки

М. Беломлинского

*Фотографии автора,
М. Аронова, Н. Немцева*

Путешествие
на
"ТРИГЛЕ"

ЧЁРНОЕ МОРЕ, 1955 ГОД

НАЧАЛОСЬ ТАК

Больше всего на свете я боюсь показаться трусом.

Когда Марлен спросил: «Хочешь в экспедицию?» — я ответил: «Ещё бы!..»

Ночь я уже не спал.

За окном мне мерещились горбатые волны и зловещие плавники акул.

Марлен — учёный и водолаз. Он изучает морское дно.

А я — художник. Я плохо плаваю. Зачем мне всё это нужно?

ПРИ ЧЕМ ТУТ Я?

«ТРИГЛА»

На другой день с чемоданом в руках я пробирался сквозь толпу на пристани.

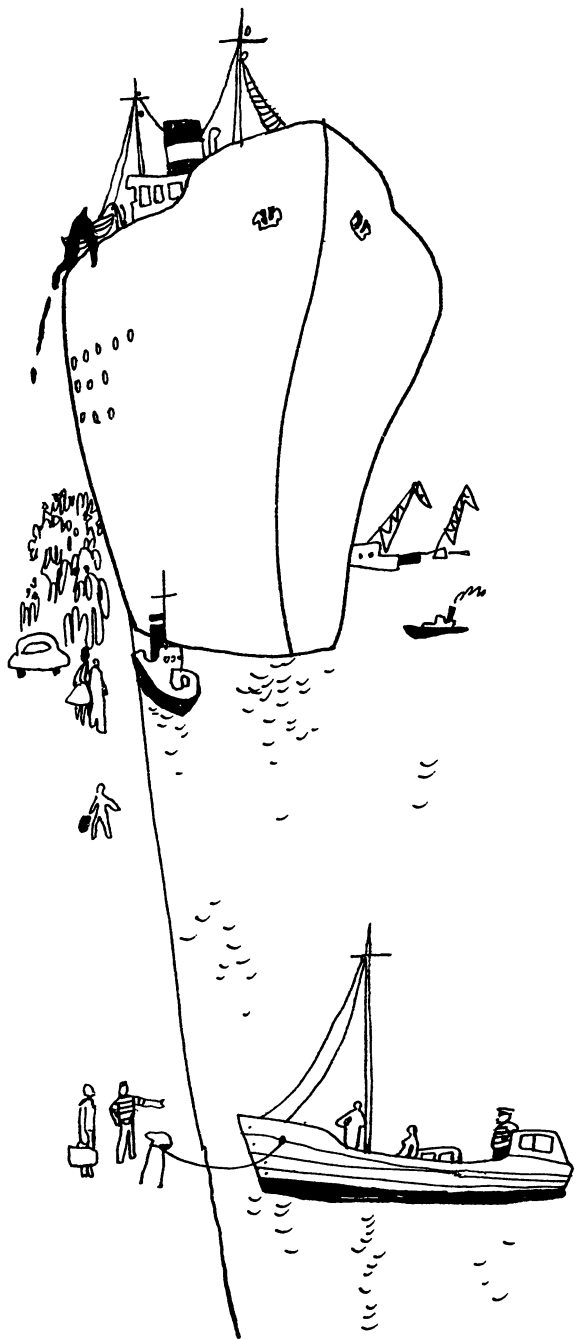
— Где здесь экспедиция? — спросил я мужчину в жёлтой соломенной шляпе.

Мужчина посмотрел на меня сверху вниз.

— Прямо.

Прямо передо мной возвышался белоснежный борт теплохода. На белой краске горели бронзовые окошки — иллюминаторы.

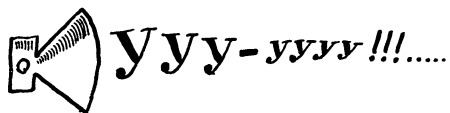
Загорелые матросы, как обезьяны, бегали по крутым лестницам.

А ГДЕ МАРЛЕН?

Грохнула музыка. Тонкие стальные канаты шлёпнулись в воду. Белый борт медленно пополз вдоль причала.

Теплоход описал по бухте широкий полукруг и вышел в море.

ВОТ ТАК РАЗ!.. А Я?..

Кто-то схватил меня за рукав.

— Ты что здесь делаешь?

Позади меня стоял Марлен.

— Живей, тебя ждут!

Рассекая толпу, как ледокол, он повёл меня вдоль причала.

В самом конце пристани стояла маленькая, выкрашенная в грязно-зелёный цвет шхуна. На её носу белыми буквами было написано:

ТРИГЛА

На палубе стояло несколько человек.

Шагнув через борт, мы очутились среди них.

Парень с бородой отвязал канат, оттолкнул ногой нос шхуны.

Затархтел мотор.

«Тригла», покачиваясь, пошла к выходу.

МАРЛЕН

Марлена я знал давно.

Мы вместе росли в деревне под Минском.

Из всех мальчишек в деревне он был самый отчаянный.

Однажды ему сказали, что к змеиному яду можно привыкнуть.

Марлен поймал гадюку и дал ей укусить себя в руку.

Рука вздулась и почернела. Марлена увезли в больницу.

Месяц он провалялся там. Мать плакала навзрыд. Рука из чёрной стала синей, затем жёлтой.

Через месяц он вышел, поймал вторую гадюку и дал ей ту же самую руку.

Горячего, как печка, с деревянной рукой, его снова увезли.

Пролежал он на этот раз неделю. Вернувшись, поймал змею и дал укусить себя в третий раз.

Рука немного покраснела. И всё.

И вот с таким человеком я должен плыть в открытое море! ЗАЧЕМ?

ЗАЧЕМ?

Затем, чтобы искать СЛЕДЫ ДОИСТОРИЧЕСКИХ ЗВЕРЕЙ.

Так объяснил мне Марлен.

Миллионы лет назад на месте Крыма бушевало море.

В море плавали ихтиозавры. Они были похожи и на рыб, и на ящеров. Длинные челюсти. Тело, покрытое чешуёй. Рыбий хвост.

Это были хищники. Они нападали на рыб, на спрутов. Устраивали драки между собой.

Когда рыбацкер погибал, тело его опускалось на дно. Оно

покрывалось известковой корой. Отпечатывалось на камне.

Шли годы.

Тонули и всплывали материки.

Там, где морское дно обнажалось, отпечатки оказывались на суше.

И вот однажды в Голубой бухте, на скалах, над самым морем, нашли отпечатки двух рыбащеров.

Скорченные, раздавленные, распластанные как листья, они равнодушно смотрели пустыми глазницами в небо.

Учёные переполошились.

Неприступные скалы? Пустяки!

Решили подогнать к берегу баржу, вырезать из скалы плиту с отпечатками ящеров, спустить её на канатах в баржу и увезти.

Помешала война.

В Голубой бухте шли сильные бои. Гремели взрывы. С моря по горе из тяжёлых орудий били корабли.

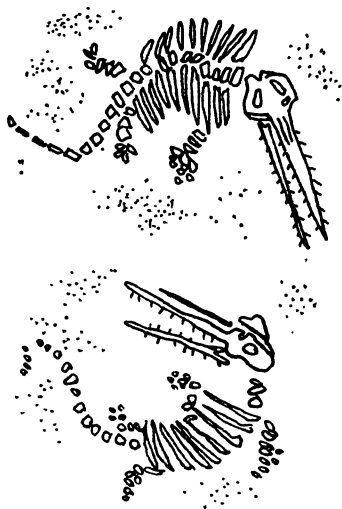
Отступая, немцы взорвали склад снарядов, устроенный на берегу.

Полгоры сползло в море.

Когда после войны в бухту вернулись учёные, отпечатков не было.

И вот Марлен предложил искать их ПОД ВОДОЙ.

ЗАНИМАЛСЯ БЫ ОН ЛУЧШЕ СВОИМИ РЫБАМИ.

В МОРЕ

«Тригла» вышла в море, и её начало качать.

Только чтобы не было шторма!.. Ах, как не нужен шторм!

О бурях на море я читал много.

Сначала волны ласково-ласково покачивают корабль.

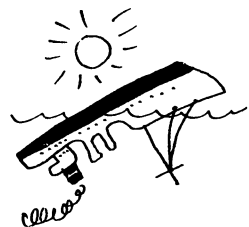
Затем они начинают захлёстывать палубу.
Пассажиры вступают в бой из-за шлюпок.
Наконец волны переворачивают судно.

Я с тоской оглядел палубу: всего одна шлюпка. Она лежала у борта, коротенькая и мелкая, как детское корытце.

**КОМУ-КОМУ, А МНЕ МЕСТО В НЕЙ НЕ ДОСТА-
НЕТСЯ!**

Удивительно, что шхуна ещё держится на воде!

Берег, такой милый и ТВЁРДЫЙ, отступал всё дальше и дальше.

МОИ ТОВАРИЩИ

— Знакомьтесь, — сказал Марлен, — наш новый товарищ.
Художник.

Я назвал себя:

— Николай.

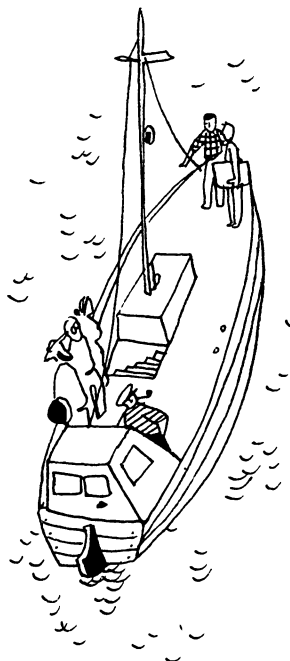
— Дима, — сказал парень с бородой.

— Кая.

— Вениамин.

— Капитан — у руля, — продолжал Марлен, — моторист — в машине. Вот и команда. Ну, как тебе здесь нравится?

— По-моему, мы идём слишком далеко от берега.

КАКОГО ЦВЕТА МОРЕ?

В детстве я знал, какой цвет у моря.

Я любил его рисовать. Брал кисточку, густо разводил кирпичик ультрамариновой краски и проводил в тетради яркую синюю полосу.

Потом я стал учиться живописи.

Стал присматриваться к морю.

Оно оказалось каким угодно, только не синим.

Однажды я прожил месяц на острове. Море было вокруг меня.

Утром, до восхода солнца, оно было белёсого, сероватого цвета. Как поле, посыпанное пеплом.

Поднималось солнце. Поле розовело, по нему ползли лиловые и синие полосы. Полосы росли, ширились, охватывали всё море. Небо голубело, тянул утренний ветерок — бриз, и море, как чаша, наливалось до краёв зелёной или голубой краской.

При облачном небе море так и оставалось на весь день серым.

Перед штормом оно чернело и только там, где светился солнечными лучами облачный разрыв — глаз циклона, — делалось изумрудно-зелёным.

Вернувшись в Ленинград, я снова начал учиться живописи. Я много читал.

Я узнал, что у тёплых берегов Африки и Азии вода зелёная-зелёная, густо настоенная на мелких, невидимых глазу, водорослях.

На Севере вода прозрачная, как кристалл льда.

Около устья рек в море всегда держится громадное жёлтое или коричневое пятно. Это река красит воду в цвет своих берегов.

Когда у пляжа из кварцевого или кораллового песка грохочет прибой, вода взбаламученная — серая, почти белая.

В Калифорнии есть залив. Вода в нём кроваво-красная от малюсеньких рачков — ночесветок. Ночью такая вода, если ударить по ней веслом, вспыхивает миллионами огоньков. А быстрый дельфин кажется в ней сказочным чудовищем, источающим синее пламя.

Преобразования моря нет конца.

Какого же оно цвета?

Этого не знает никто.

А «ТРИГЛА» ВСЁ ИДЁТ ВПЕРЕД.

Я готовлю кисть и краски.

Замечательные краски, на чистейшем растительном масле.

Я буду рисовать.

Уж если попал на эту посудину, так хоть напишу много-много картин.

ШТОРМ

Мы обогнули какой-то мыс, и шхуну начало качать.

сначала волны были небольшие
потом они стали всё круге и длиннее
и наконец — терпеть не могу — какие боковые и страшные

К горлу у меня подступил комок.

Я опрометью бросился к борту.

Потом я лежал в каюте на койке и тихо стонал. Лоб был в испарине. Руки болтались, как чужие. Во рту был вкус медной пуговицы.

НЕТ, КОНЕЧНО, ЗРЯ ПОШЁЛ Я В ЭТОТ РЕЙС!

Моя кисть и краски уже валялись под столом.

ОБЛАКО ПОД ВОДОЙ

К обеду волны улеглись.

Впрочем, мы не обедали.

Мы шли вперёд, к Голубой бухте.

Нас вёл капитан. Толстый, волосатый. Он стоял за рулём в одних штанах и фуражке. Сразу было видно — моряк. Всю

жизнь водил океанские пароходы. Плыть на такой букашке для него пустяк.

Мы обогнули мыс — высокий, обрывистый, с белой маячной башенкой наверху.

За мысом стояла на якоре шхуна — родная сестра «Триглы». Только серая, а не зелёная.

Марлен замахал шляпой.

— Привет киношникам!.. Под водой снимают, — сообщил он мне.

Мы подошли к шхуне.

— Ну как? — крикнул Дима.

Его бороду узнали.

— Порядок, — сказал главный киношник, в чёрном берете и очках. — Сняли взрыв под водой. Мина. Отличные кадры!

Тут я заметил, что невдалеке от шхуны расплывается чёрное маслянистое пятно.

— Ах, бесовы дети, — рассердился наш капитан, — вот это рванули!

Марлен сказал:

— Надо посмотреть, что там на дне!

Он нацепил ласты, маску и, не ожидая, когда капитан поставит «Триглу» на якорь, прыгнул за борт.

— Что они там натворили — жуть! — крикнул он, вынырнув. — Николай, иди посмотри!

Я?

Этого ещё не хватало!

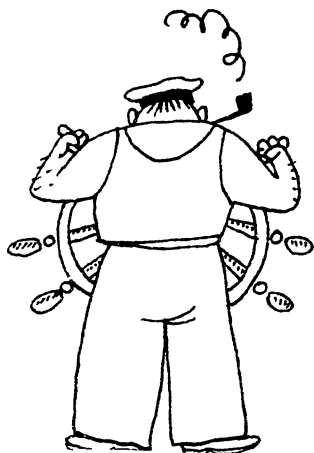
Пока я раздумывал, Вениамин принёс мне водолазную маску и ласты.

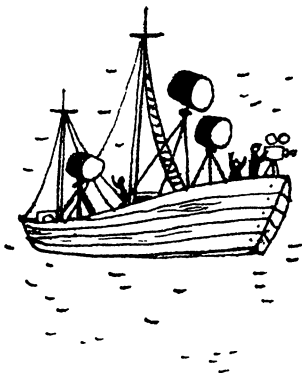
В ЭТОЙ МАСКЕ Я ОБЯЗАТЕЛЬНО ЗАХЛЕБНУСЬ!

С маской, надетой на лицо, я подошёл к борту.

Авось Марлен не дожждётся меня и вылезет.

Не успел я так подумать, как очутился в воде.

Я барахтался, как в молоке. Вокруг меня висела подвижная белая завеса. Тысячи мелких пузырьков.

Они клубились, как кучевое облако, а я медленно опускался сквозь него.

ВОТ УЖАС!

И тут я вышел из белой завесы. Подо мной было дно. Бурое, каменистое. Надо мной—белое облако. Я ви-

сел между дном и облаком. В камнях там и тут блестели серебряные полосы и за-
пятые. Рыбы. Это были рыбы!

Убитые или оглушённые взрывом, они лежали на дне.

На обожжённых взрывом камнях.

Мне сжало грудь.

ДЫШАТЬ! ДЫШАТЬ!

Я отчаянно замолотил руками по воде и, как пробка, выскочил на поверхность. Уф! Маска сползла на грудь.

За руки меня втащили на шхуну.

Марлен был мрачен, как туча.

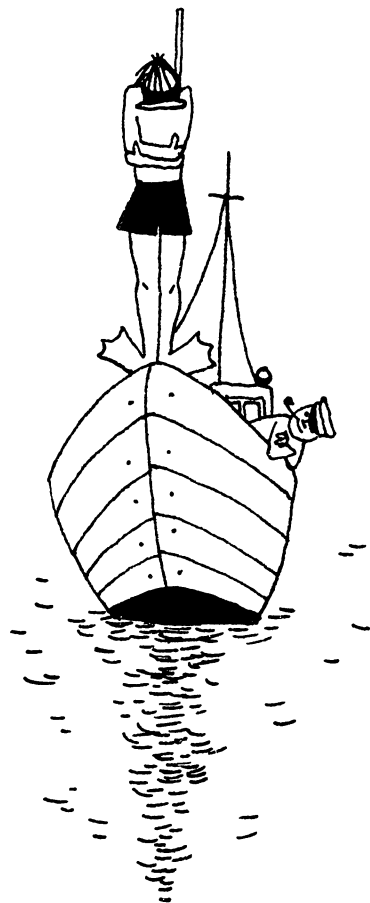
— Видал, — обратился он ко мне, — сколько рыбы погубили? «Отличные кадры»!..

— А пузырьри? — спросил я.

Он ответил не сразу.

— Белое облако?.. Это от взрыва.

**ИНТЕРЕСНО, КАКАЯ ЗМЕЯ ТОЛК-
НУЛА МЕНЯ В ВОДУ?**

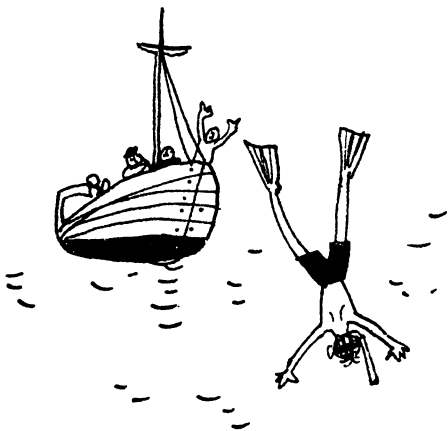

ВЕНЯ

Вениамин толкнуть не мог. Он был чересчур занят.

Бормоча что-то себе под нос, он гото-

вил аппаратуру. Термометры, вертушки. И пробирки. Сотни пробирок.

А ещё микроскоп, сачки, марлю...

Дел у него неупорот. Он будет «делать станции»: брать пробы заборной воды, записывать её температуру и солёность.

Четыре толстенных журнала для записей ожидают его.

Некогда ему забавляться.

КАЯ

И Кая не могла толкнуть.

Она спала.

Она спала с той минуты, как шхуна отошла от берега.

Как выяснилось позже, она всегда спала. На ходу. Сидя. Стоя.

Кая была врачом. Легководолазам нужен врач. Он нужен им, как воздух, как насос, как ласты.

Она была самым удивительным врачом, какого мне только приходилось встречать.

В свободное время, когда она не спала, ОНА ТОЛКАЛА ЯДРО.

Тяжеленное ядро. Я как-то попробовал и вывихнул руку.

А она ничего. Ядро летело у неё, как из пушки.

Она была чемпионом города.

А сейчас она спала.

Спала не просыпаясь. Как Спящая красавица.

Как февральский медведь.

— ХР-РР-Р! ФФФ... ХР-РР-Р!

Где уж ей толкать меня!

ДИМА

Дима только-только окончил институт.

Он был специалист по доисторическим рыбам. ПО РЫБИМ ОТПЕЧАТКАМ НА КАМНЕ.

Дима—это маленький Марлен. Очень дельный и решительный. Только у Марлена бороды нет, а у него борода.

Замечательная борода.

— Вы не с Кубы?—спрашивали у него мальчишки.

— Нет, дети, я не с Кубы!—отвечал Дима.

— Врёт! Конечно, с Кубы!—Мальчишки шли за ним толпой.

Мог такой человек толкнуть меня? Нет.

А КТО ЖЕ?

Капитан стоял у руля. Моторист был в машине. Между прочим, я так его и не видел.

КТО ЖЕ МЕНЯ ТОЛКНУЛ?

Наверное, я сам себя толкнул в воду. Так сказал Марлен.

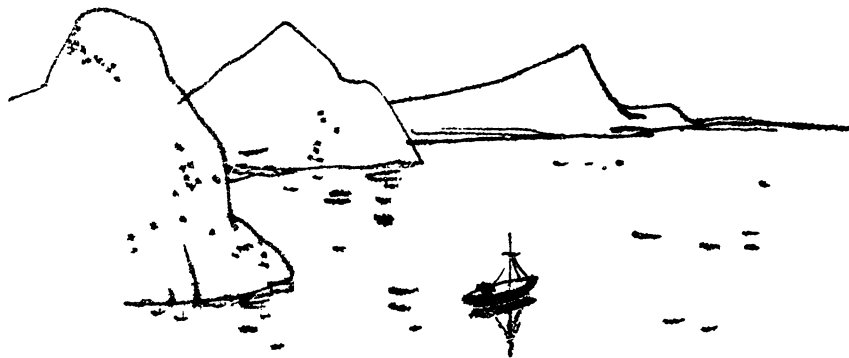

ГОЛУБАЯ БУХТА

Вечером мы пришли в Голубую бухту.

Я даже не понял, что это бухта.

Мы шли с моря прямо на высокий берег. Он рос, рос, отступил, выбросил в море справа и слева от нас два низких мыса.

— Пришли, — сказал капитан, — Голубая бухта, — и зевнул.

Ему, видно, надоели все бухты на свете.

Он поставил шхуну на якорь, сел и начал штопать носок.

НАСТОЯЩИЙ МОРСКОЙ ВОЛК!

Из машины послышался стук молотка. Моторист перестал управлять мотором и начал чинить его.

Интересно, покажется ли он когда-нибудь?

ПУШЕЧНЫЕ ЯДРА

«Тригла» стояла у самого берега.

Высокая каменная стена, освещённая закатным солнцем, уходила отвесно в воду.

Стена была покрыта круглыми глубокими вмятинами.

— Что это? — удивился Дима.

Капитан отложил носок.

— Нахимов, — сказал он и подошёл к нам. — А может, Лазарев. Кто их знает! Русские адмиралы, прежде чем палить в турок, учились здесь. Палили в стену. В упор всем бортом как ахнут! У Марлена в руках был бинокль.

Он внимательно осматривал каждый выступ.

— Нет отпечатков, — сказал он. — И той скалы нет. Сползла в воду... Показать её?

Он протянул мне фотографию.

Старую, пожелтевшую фотографию Голубой бухты. Одна из скал на снимке была помечена крестиком.

*Адмирал
Н.С. Нахимов*

*Адмирал
М.П. Лазарев*

Чёрная скала с белыми полосками.

— Это и есть отпечатки? — спросил я.

— Нет. Отпечатков на снимке не видно. Это кварц, минерал такой. Очень приметная скала.

Интересно, найдём мы её или нет?

А сейчас пора спать.

Маска

НОЧЬ

Это была моя первая ночь в море.

Мы спали на палубе. Вповалку.

Шхуна вздрагивала. Слабая волна то и дело поднимала её.

Поскрипывал узел, которым был завязан якорный канат. Поскрипывали доски, скрипел руль.

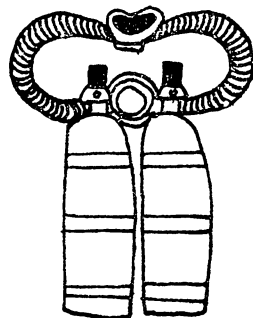
Надо мной в звёздное небо тенью уходила мачта. Верхушка её запуталась в звёздах.

Тонкий крючок луны цеплялся за вершины гор.

С берега доносился шум водопада; сладко пахло сухой травой.

НЕТ, НА МОРЕ НЕ ТАК УЖ ПЛОХО!

Вздохнув, я положил голову на шершавую Диминову ногу и уснул.

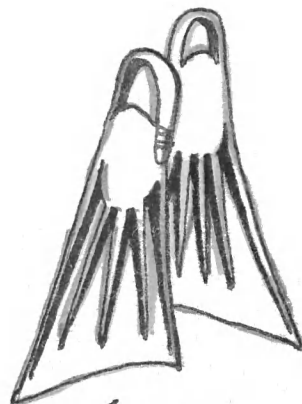
Акваланг

НАЧАЛОСЬ

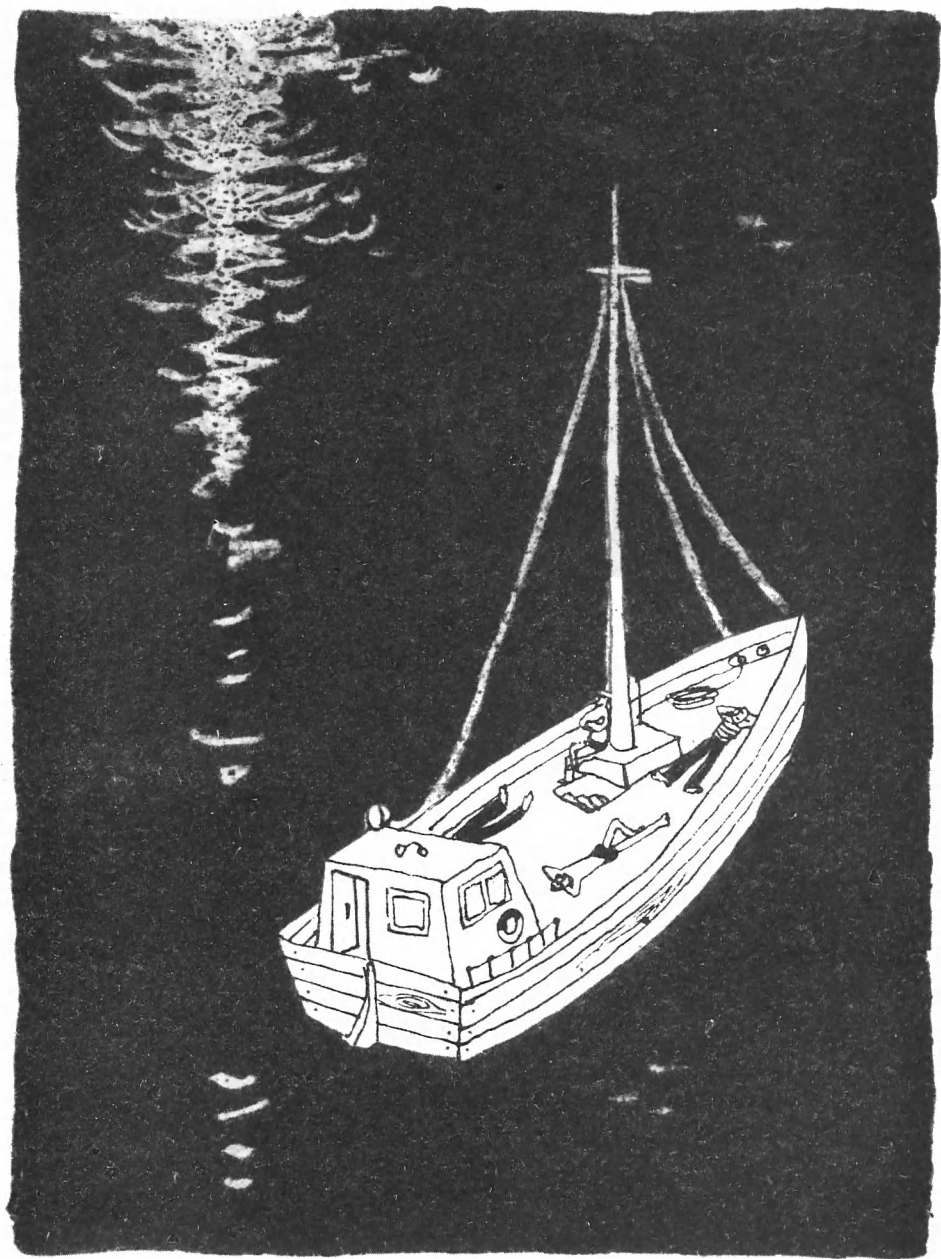
Когда я проснулся, моторист уже стучал внизу в машине.

Капитан протирал суконкой сигнальный фонарь.

Марлен и Дима готовились к спуску в воду.

Ласты.

Они надели акваланги — гулкие металлические баллоны, маски, ласты.

Кая вытащила на палубу сумку с красным крестом.

Марлен и Дима спустили за борт лесенку, сошли по ней в воду.

Там, где они исчезли, забили серебряные роднички пузырей.

Следом за ними в воду полез Веня. Без акваланга. Он будет дежурить на поверхности.

Мало ли что может случиться!

Медленно перебирая руками, он переплывал с одного места на другое. Лицо его было задумчиво.

Я уже знал, о чём он думает:

КАК БЫ ПОЙМАТЬ ВЕСЛОНОГОГО.

ДВАДЦАТЬ НОГ

Это Марлен рассказал мне, о чём мечтает Веня.

Он хочет сделать ОТКРЫТИЕ. Открыть новое, не известное науке животное.

Сделать это ужасно трудно.

Рыбы все открыты. Открыты киты, тюлени. Даже лягушки.

Остались одни рачки.

Малюсенькие.

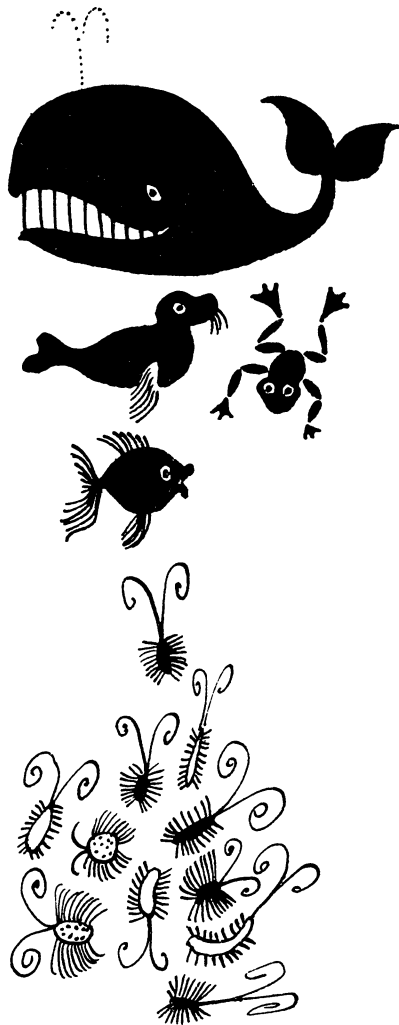
Малюсенькие.

Вот такие.

Рачков тысячи. Они отличаются друг от друга усиками, ножками, глазами.

Особенно много двадцатиногих рачков с ножками-вёслами. Каждый год на земле открывают нового веслоногого рачка.

ЗДЕСЬ, НА «ТРИГЛЕ», ВЕНЯ ОТКРОЕТ ЕЩЁ ОДНОГО.

...ХЕЛЬ

Когда Марлен вылез из воды, он сказал:

— Ну и дно! Ничего не понять: камни есть, а отпечатков нет. Придётся искать по всей бухте!

С его трусов падали круглые, как пяточки, капли.

Вот бы его таким нарисовать!

Стоит на палубе, за спиной ак-валанг, а с трусов падают большие бронзовые капли.

И небо — синее-синее.

— Николай, — сказал Марлен, — посмотри, что я нашёл.

Он протянул руку. В руке лежал красный осколок. Кусок пластмассовой крышки от коробки.

Немецкие солдаты во время войны хранили в таких коробках масло, сахар, соль.

Марлен нашёл осколок на дне, между камнями.

На нём было нацарапано по-немецки «hel».

— ХЕЛЬ... Видно, его звали Михель, — сказал Марлен. — Когда немцы взорвали склад, там было ещё много людей...

Он замолчал.

Я вспомнил: Марлен воевал под Севастополем. Тут, рядом Я как-то спросил его:

— Ты кем кончил войну? Офицером?

— Солдатом.

Очень странно!

Я часто представлял себе такую картину: бой, командира батальона убили, Марлен — лейтенант — принял командование, и враг разбит.

И вдруг — простой солдат!..

К нам подошёл капитан.

— Вот здесь, хлопчики, — сказал он, — высаживал я во время войны разведчиков. С мотобота. Кто-то с берега из пулемёта как полоснёт! Хорошо, была у нас дымшашка.

Но тут Марлен поднял руку.

— Дельфины! — сказал он. — Скорее к ним! Скорей!

ДЕЛЬФИНЫ

Дельфины нам были нужны.

Дима уверяет, что дельфин после человека самое умное существо на Земле.

Умнее собаки. Умнее лошади.

Дельфин может носить за человеком поноску, играть в мяч, прыгать через обруч. Может считать до десяти.

В Новой Зеландии был дельфин, который катал на себе детей. Прямо по воде. С седлом, как пони. И ни разу не уронил ребёнка.

ДЕЛЬФИНЫ — ЭТО ТЫСЯЧА И ОДНА ЗАГАДКА.

Они даже плавают как-то по-особенному, не так, как рыбы. А как, точно не знает никто.

А как они разговаривают друг с другом?..

Марлен давно мечтал попасть в стаю дельфинов. Поплывать с ними. Посмотреть на них из-под воды.

— Полный вперёд!

«Тригла» снялась с якоря и направилась к стае.

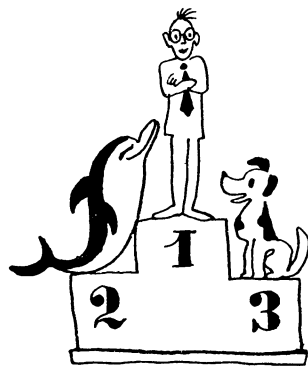
Но дельфинов мы нагнать не смогли. Ониплыли в десять раз быстрее шхуны.

Тогда Марлен предложил: он выбросится за борт, шхуна отойдёт в сторону, дельфины вернутся, и он окажется среди них!

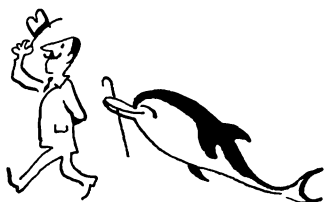
ЗДОРОВО ПРИДУМАНО!

Мы так и сделали. Марлен прыгнул за борт.

А мы ушли.

Через полчаса наша шхуна вернулась. На то же самое место. Тютелька в тютельку.

Но Марлена здесь не оказалось. — Что такое?!

Битый час мы ходили взад-вперёд, разыскивая его.

Марлена не было!

Уж не утонул ли он?

Наконец капитан заметил далеко от шхуны в воде человеческую голову. Человек вяло махал рукой.

Это был Марлен.

Его втащили на борт.

Он ослабел и ругался шёпотом.

Он проклинал нас, море, дельфинов.

Он говорил, что мы НАРОЧНО целый час ходили вокруг него. НАРОЧНО не замечали знаков. Один раз чуть было НАРОЧНО не зарубили его винтом.

Что за чепуха!

И только капитан догадался, в чём дело.

Со шхуны голова Марлена казалась точкой. На тёмной воде её не было видно.

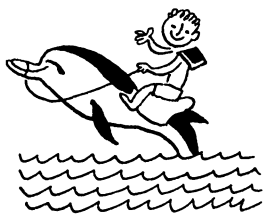
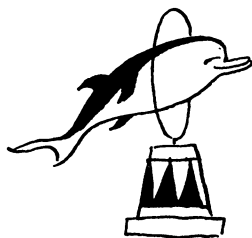
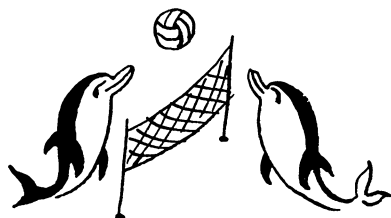
А для Марлена шхуна на фоне неба всё время была видна и казалась совсем рядом.

— А дельфины? — спросили мы.

— Не приплыли.

— Ещё бы, — сказал капитан, — так морской зверь к тебе и подплывёт! Он человеком обижен...

И мы услышали историю серого кита по прозвищу Боб.

СЕРЫЙ БОБ

Это произошло в Северной Атлантике.

Летом здесь собираются на промысел рыбаки. Они ловят сельдь.

Сельдь ходит громадными косяками на отмелях, прогретых солнцем. На отмелях, где тучами роится еле заметный глазу рачок, рыба нагуливает жир.

Ловят её здесь в несметных количествах.

Тысячи рыболовецких траулеров со всех концов мира ходят следом за лиловыми селёдочными косяками.

Траулеры, как чёрные муравьи, снуют по отмелям. Каждый тащит за собой сеть.

Стучат дизели. Стучат разделочные ножи. Густой запах солёной рыбы стоит над океаном.

И вот однажды среди кораблей появился огромный кит.

— Гляди, серый! — удивились рыбаки.

Серый кит — редкость.

Рыбаки сказали это на разных языках, но одинаково радостно. Даже кит — развлечение в эти однообразные дни лова.

В полдень с итальянского судна за борт упал человек. Он поскользнулся (кто-то бросил на палубе селёдочную голову) и не успел крикнуть, как очутился в воде.

На судне хватились его не сразу. Стали искать и, конечно, не нашли.

— Жаль Антонио, — сказал капитан, — он был хороший рыбак...

Он мог бы добавить: «И хороший отец». У Антонио было четверо детей.

— Надо искать его, капитан, всё время искать! — сказал молодой моторист. Он впервые видел, как гибнет в море человек.

Капитан молчал. Уж он-то знал: человека ищут НЕ ДОЛЬШЕ, ЧЕМ ОН МОЖЕТ ПРОДЕРЖАТЬСЯ НА ВОДЕ.

— Капитан, я вижу вон там что-то серое!

— Это сегодняшний кит. Гоняется за селёдкой.

— Но он кружится на одном месте!

Капитан пожал плечами.

— Можно посмотреть...

Траулер направился к киту.

Когда рыбаки подошли, серый великан отплыл в сторону.

В том месте, возле которого так долго и упорно кружилось животное, белела матросская куртка. Это был ослабевший, потерявший надежду Антонио...

С этого дня кит стал другом рыбаков и получил кличку Серый Боб.

Каждое лето Серый Боб появлялся на отмелях.

— Здорово, приятель! — кричали ему матросы.

Шумно вздыхая, Боб медленно проплывал между судами.

Дважды он попадал в сети. Одну порвал, во второй запутался. Его подтащили к борту траулера и осторожно разрезали сеть.

После этого случая Боб стал совсем ручным.

— Не кончится это добром! — говорили старые капитаны, глядя, как Боб лениво переворачивается перед самым носом у кораблей. — Где это видано, чтобы животное лезло на корабль?

И беда пришла.

К самому концу сезона на отмели появился английский траулер. Вместо дизелей у него стояла газовая турбина. Капитан его, молодой моряк, впервые получивший под своё командование судно, торопился. Нужно было до ухода рыбы с отмелей набить трюмы.

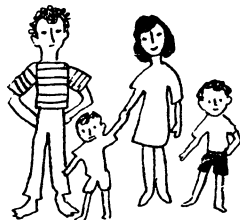
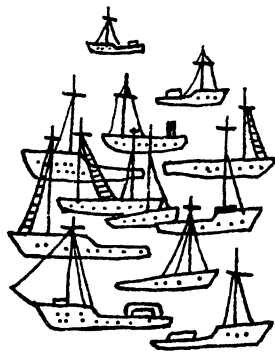
Кита он возненавидел с первого же дня.

— Этот проклятый зверь пугает рыбу, — зло повторял он. — Кому нужен в море цирк!

Однажды траулер, приготовив сеть, гнался за косяком. Неожиданно перед носом судна вынырнула громадная серая туша. Боб перевернулся несколько раз и, привлечённый необычным звуком моторов, приблизился к самому борту.

— Осторожнее, капитан! — крикнул кто-то из матросов. — Не пораньте Боба!

Капитан сделал вид, что не слышит.

Он уже заметил на горизонте фиолетовое пятно. Косяк!

— Право руля!

Корма траулера стремительно двинулась в сторону кита.

— Эй, приятель!

Но было уже поздно. Острые, как ножи, лопасти винта врезались в мягкое тело животного.

Боб рванулся и, оставляя за собой длинный кровавый след, ушёл на глубину. Больше его на отмелях не встречал никто...

— Капитан, это правда? — тихо спросила Кая.

Капитан с жалостью посмотрел на неё.

— Разве такое выдумаешь? .. — помолчав, сказал он.

— А кит... его убили?

— Н-не знаю. У кита на спине сала — полметра. Могли и не убить... Обиделся кит.

Мы молчали.

— А что стало с англичанином? — спросил Веня.

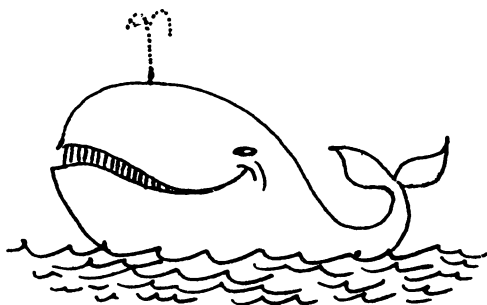
— Вернулся в Англию. Там вся команда списалась на берег. Пришлось уйти и капитану. Ни один матрос не хотел больше плавать с ним... Вот так. Пошли назад в бухту?

ЖЕЛЕЗНОЕ РАСПИСАНИЕ

Когда мы вернулись в Голубую бухту, Марлен распределил обязанности.

Он составил железное расписание.

Веня берёт станции. Каждые четыре часа.

Я веду перепись рыб.

Кая следит за водолазными спусками и заполняет Венины журналы.

Марлен и Дима два раза в день обследуют дно.

Всё по расписанию и ни шага в сторону!

Кроме того, я должен ВСЕМ ПОМОГАТЬ. Так... Так... Картины я, очевидно, должен писать ночью.

МЕНЯ УЧАТ ПЛАВАТЬ

— А ты, кстати, плавать умеешь? — спросил Марлен.

— Не очень... В общем, плохо.

— Тогда смотри!

И он мне показал, как надо плавать.

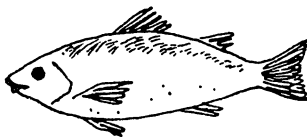
Надеваешь маску и ласты, ложишься на воду. В маске воздух. Она, как поплавок, держит голову. Дышишь через трубку. Шевелишь ногами. Ласты извиваются, как змеи, и ты плывёшь. Руки свободны для работы.

— Не переплыви сгоряча море! — предупредил Марлен.

В маске, с ластами я сполз за борт. Зашевелил ногами и — поплыл.

Долго плыл. Оглянулся — до шхуны шагов десять.

Так что зря Марлен беспокоился: море я не переплыву. Уж разве что сгоряча.

ПИСЬМО

Вторая ночь.

Я зажёл на палубе огарок свечи и написал письмо. ПИСЬМО МОРЯКА. На клочке бумаги. Огрызком карандаша. Под свист ветра и выстрелы пиратов. «Капитан, где моя шпага?..»

Вот что я написал:

Дорогие мама и Зина!

Не удивляйтесь, если письмо будет пахнуть смолой и солью, — пишу на корабле.

Второй день плывём по Чёрному морю. Всё идёт замечательно. Я боялся, что не будет ни одного шторма, но их здесь достаточно. На днях какие-то олухи взорвали в море мину. Я первый бросился за борт, чтобы обследовать дно.

Капитан и Марлен (наш начальник) — парни ничего. Если с ними что-нибудь случится, заменять их придётся мне. Больше некому.

Ваш сын и брат Коля.

Это дурацкое письмо я для чего-то запечатал в бутылку из-под нарзана и бросил в море...

УТРО

Проснулся я раньше всех.

По бледно-жёлтому небу ползли ватные облака.

Море было тихим и стальным.

Я вышел на корму и начал делать приседания.

— Раз... Два... Раз... Это что такое?

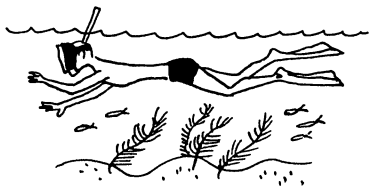
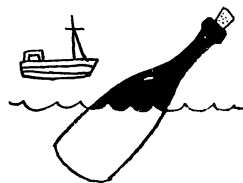
Метрах в десяти от шхуны покачивалась на воде бутылка,

МОЯ БУТЫЛКА С ПИСЬМОМ.

Я представил: её вылавливают, раскупоривают и читают вслух письмо.

СГОРЕТЬ МОЖНО СО СТЫДА!

Раздумывать было некогда. Я перевалился через борт.

Стуча по воде руками, как утопающий, я поплыл к бутылке.

Цоп!

Холодное скользкое горлышко очутилось в моей ладони.

— Ты что там делаешь?

Сонно протирая глаза, у борта стоял Дима.

Я судорожно глотнул воздуху и скрылся с бутылкой под водой.

Пробка была как камень!

Чуть не плача, я вырвал её зубами.

Буль-буль-буль! Бутылка пошла на дно.

— Уфф!

Я вынырнул, отдышался и, стараясь плыть НЕБРЕЖНО, вернулся на «Триглу».

— Сказочное утро! — бросил я Диме. — Люблю с утра поплавать!

ПЕРВЫЙ КОСМОПЛАВ

В это утро я отважился пуститься в настоящее плавание.

Я лежал на груди, быстро перебирая ластами, и плыл над подводным лесом.

Дно было покрыто лохматыми, похожими на еловые лапы, водорослями. Между ними чернели шербатые кривые камни да светились жёлтые россыпи гальки.

Морских рыб я часто рисовал для книг и теперь легко узнавал их.

На камнях сидели ерши — такие же чёрные и шербатые, как камни.

Колченогий краб, смешно взбрыкивая ногами, пробежал по гальке.

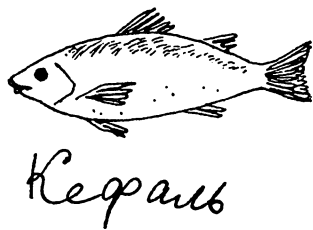
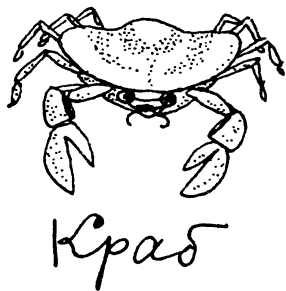
Пронеслись стаяй кефали — узкие серебристые рыбы, стремительные, как стрелы.

Мягкий, рассеянный свет без теней ложился на подводные леса и скалы.

Это был удивительный, какой-то космический мир.

А я — первый космоплав.

Я плыл, не чувствуя веса своего тела, не видя, где начинается и где кончается толща воды.

Перед моим лицом беззвучно ломалось и распадалось на куски серебристое зеркало.

Это играл свет на волнах.

Когда я вернулся на шхуну, то спросил Марлена:

— Ну как я плыл?

— Ничего,— спокойно ответил он.

Я обиделся.

— В общем, ничего,— повторил наш начальник,— только болтал головой и дрыгал ногами, как курортница.

Я захлопал глазами от неожиданности. Мне казалось, что я плыл велико-лепно!

БЕЛЫЕ МЕШОЧКИ

Мы работали по расписанию. По железному расписанию, которое составил Марлен.

Мне некогда было вздохнуть. Про кисть и краски я забыл.

Я крутился как белка в колесе.

На свет появились белые мешочки.

ЭТО ТЕПЕРЬ САМОЕ ГЛАВНОЕ.

В каждой мешочке лежала рыба приманка.

Пахучая-препахучая.

Мешочки я привязывал к шнурам. У каждого шнура были якорь и поплавков. Шнуры я бросал за борт везде, где останавливалась шхуна.

Я плавал от поплавка к поплавку.

Я вёл рыбью перепись.

Я висел, сгорбившись, в воде и писал.

Тупым гвоздём на алюминиевой пластинке.

Записывал рыб.

Шнур был туго натянут между якорем и поплавком. На каждом шнуре висели три белых мешочка. У самого дна, посередине и у поверхности.

Около мешочка толпились рыбы.

У верхнего — юркая серебристая мелочь.

У среднего — рыбы посolidнее, но тоже отливающие серебром.

У самого нижнего — ни на кого не похожие обитатели морского дна. Зелёные и бурые — под цвет камней и водорослей.

Теперь я совсем забыл, что плохо плаваю. Мне некогда было плохо плавать.

Я плавал хорошо.

ВПРОЧЕМ, В СЛУЧАЕ ЧЕГО, СПАСАТЬ МЕНЯ ДОЛЖЕН БЫЛ ВЕНЯ.

ПОДВОДНЫЕ ПТИЦЫ

Я вывернул один мешочек, и горсть бурых крошек закружилась около шнура.

Откуда ни возьмись, на них налетела стая чёрных бархатных рыбок.

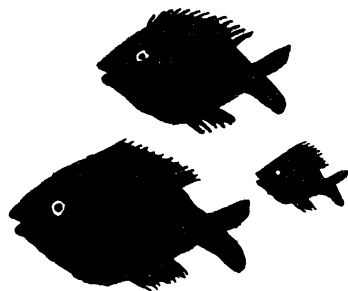
Хвостик у каждой был раздвоен.

Рыбки не стояли на месте, не плавали по кругу, как другие. Они причудливо порхали, переносясь с места на место. Чёрные хвостики не знали покоя. Рыбки вились вокруг медленно тонущих крошек.

Ко мне подплыл Марлен.

«Морские ласточки», — нацарапал он на дощечке.

Конечно, ласточки... Как же им называться ещё?

*Морские ласточки
(чокаси)*

ИГЛА

Прямо подо мной из водорослей торчала серая палка.
Вдруг я заметил, что палка

И
З
Г
И
Б
А
Е
Т
С
Я

— Живая!

Я решился, набрал воздуха и нырнул.

Я увидел полянку, поросшую бурыми водорослями, а среди них здоровенную рыбу-иглу. Рыбу-иглу, которых полно в матрасах, набитых морской травой.

«САМАЯ БЕЗОБИДНАЯ ИЗ РЫБ» — так пишется в книгах.

Я протянул руку.

Рыба тронулась с места и пошла на глубину.
В камни.

Она плыла ужасно нелепо, плыла СТОЯ — головой вверх, хвостом вниз. Глубже, глубже...

Я снова протянул руку, схватил иглу и...

МНЕ НЕ ХВАТАЕТ ВОЗДУХУ!!!

Изо рта выскочил серебряный пузырёк. Перед глазами пошли круги. Я потерял сознание...

Чья-то сильная рука тащила меня наверх...

Вот всё, что я помню.

О НОГАХ

Спас меня Марлен.

Это он заметил: со мной что-то неладное.

А Веня?

ОН ДУМАЛ О СВОИХ ДВАДЦАТИНОГИХ.

Обо мне он забыл.

НУ КОНЕЧНО, ВЕДЬ У МЕНЯ ДВЕ НОГИ...

У Марлена с ним был неприятный разговор.

Веня целый день потом ходил в пятнах. Как жирафа.

Двадцатиногие, и верно, не давали ему покоя.

То и дело Веня доставал из-за
борта ведро воды.

Воду процеживал через марлю.

На марле оставался комочек го-
лубоватой слизи.

ЭТО БЫЛИ РАЧКИ.

Вернее, в слизи было ЧТО УГО-
ДНО и рачки тоже.

Слизь он осторожно собирал на стёклышко и рассматри-
вал через микроскоп.

НОВЫЕ ВЕСЛОНОГИЕ НЕ ПОПАДАЛИСЬ.

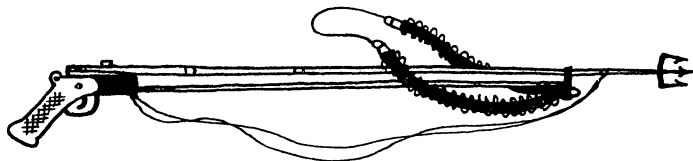
РУЖЬЁ

В каюте, над койкой Марлена, висело ружьё.

Необыкновенное ружьё. Для подводной охоты.

Оно стреляло гарпуном. Две стальные пружины вились
бок о бок вдоль металлического ложа.

— Этим ружьём можно убить кита, — сказал как-то
Марлен.

Я не понял, шутит он или всерьёз.

Разве можно такое страшное оружие оставлять на стене, без присмотра?

Однажды, когда Марлена не было, я снял ружьё со стены и попробовал взвести курок. Тяжёлые пружины едва шевельнулись.

Я понял, почему Марлен не боится за ружьё.

Кроме него, с ружьём никому не справиться!

БРИЛЬ

Мы ходили по шхуне растрёпанные и волосатые.

Один Веня в аккуратной соломенной шляпе.

— Очень милая шляпка. Где ты её достал? — спросила однажды Кая.

— Не твоё дело, — обиделся Веня.

— Позор! — сказал Марлен. Он давно присматривался к Вениной шляпе. — На корабле — такая панама! Нас примут за диверсантов и арестуют.

— Это бриль, — гордо возразил Веня.

— Вот и хорошо. Выброси его за борт.

Марлен до сих пор не простил Вене случай со мной.

МЫ ИЩЕМ, ИЩЕМ, ИЩЕМ...

Потянулись скучные дни.

Каждое утро «Тригла» снималась с якоря и шла в «точку» — к заранее намеченному месту.

Таких «точек» Марлен наметил сорок.

В «точке» Марлен и Дима осматривали дно. Веня брал станцию. Я записывал рыб.

Каждый день одно и то же.

Вначале мы с нетерпением ждали возвращения водолазов. А вдруг сегодня нашли!

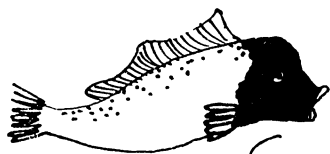
— Нет! — мрачно говорили они.

И мы привыкли.

Мы только вопросительно смотрели на них, а они в ответ только качали головами.

Потом мы перестали смотреть, а они перестали качать.

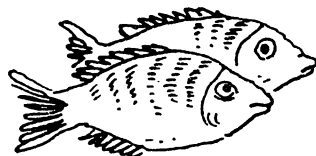
Тогда все стали пожимать плечами.

Морская собака

Зеленушка

Окуни смариды.

— Кто знает, где эти камни?— говорили мы.— Может, никаких отпечатков-то и не было?

Тогда Марлен вытаскивал из бумажника пожелтевшую фотографию.

— Отпечатки были вот здесь, — показывал он.

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ЯЩЕР

Я так много думал о древних следах, что как-то ночью мне даже приснился ихтиозавр.

Большой, серый. Сначала он шёл по берегу, а потом поднялся на задние лапы и вошёл в воду.

Он подошёл к «Тригле» и, подняв над ней маленькую злую головку на тонкой шее, зловеще замер.

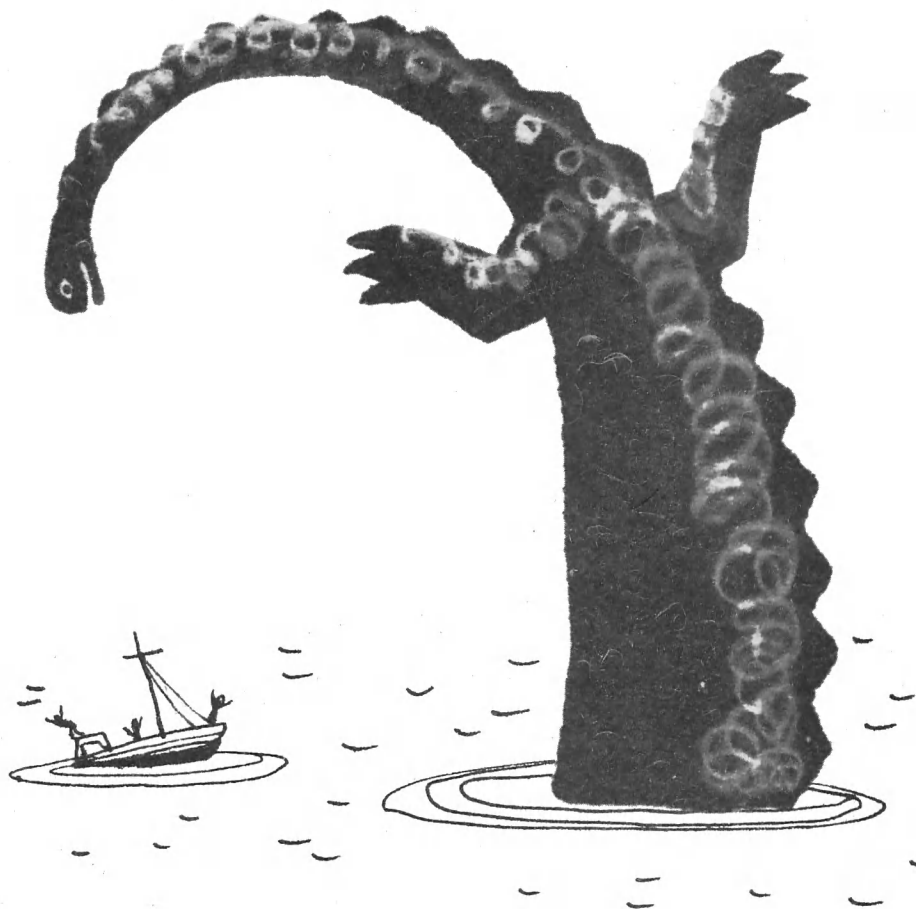
Я проснулся в холодном поту.

— Эх, ты! — сказал Марлен, когда я рассказал ему сон. — По-твоему, ихтиозавры на четырёх ногах? А ну нарисуй.

Я нарисовал.

— Это же бронтозавр, сухопутный ящер. А ихтиозавр — морской, вроде зубатого дельфина. Тоже мне художник! Правильного ящера увидеть во сне не можешь!

Больше неправильные ящеры мне не снились.

ГДЕ ЖЕ КАМНИ?

А дни шли.

Мы съели мясо, капусту. Хлеб зачерствел.

Мы перешли на консервы. За обедом капитан стал класть на стол, для желающих, сухари.

— Но где же камни?

Этот вопрос мучил нас.

— Кажется, я знаю, — сказал наконец Веня. — Камни выветриваются. За миллион лет камень теряет до половины своего веса.

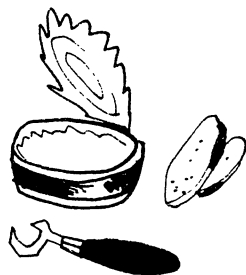
Марлен посмотрел на него уничтожающе.

И тут меня осенило.

А что, если...

Нет, не может быть! Слишком просто! Скажешь — засмеют.

И я промолчал.

шпиль

На носу шхуны стоял шпиль — здоровенная чугунная тумба.

Она соединялась с мотором.

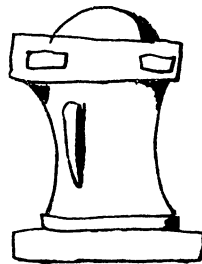
Когда нужно было вытащить якорь, капитан набрасывал на тумбу якорную цепь. Запускали мотор. Тумба, поскрипывая, начинала крутиться.

Цепь наматывалась на неё, якорь неторопливо и важно показывался из воды.

— Отличная машина! — говорил капитан и шлёпал ладонью по ржавой макушке шпиля. — Чёрта своротит!

Ночью Кая сушила на шпиле купальник.

Больше шпиль не интересовал никого.

якорь

Каждый раз, на ночь, мы проверяли, как лежит якорь. Хорошо ли зарылся в песок?

Однажды Веня, который нырял к якорю, вернулся обескураженный.

— Ничего не пойму, — сказал он, стянув с лица маску и разводя руками. — Вчера всё было в порядке, а сегодня якорь лежит поверх песка. Кто-то ВЫРЫЛ его.

— Это ещё что такое? — возмутился Марлен. — Дом с привидениями? Кто будет рыться на дне около нашего якоря?

— Морские дүхи, — сказал Дима.

— И всё-таки якорь вырыли, — настаивал Веня.

Дима сложил ладони лодочкой и пошевелил пальцами — это значило: **ВОТ ДО ЧЕГО ДОВОДЯТ ДВАДЦАТИ-НОГИЕ!**

КАК ВЕНЯ СОЧИНИЛ СТИХИ

Я сидел, привалясь к мачте, и смотрел, как опускается в море солнце. Оно было похоже на лимон. Жёлтое и расплющенное.

Рядом со мной сидел Веня.

Он шевелил губами.

— Знаешь что, — сказал он, — я, кажется, сочинил стихи. Хорошие стихи: тум-туру-рум-тум, тум-туру-рум-тум... Три строчки сочинил, а четвёртую не могу придумать.

— А ну прочти свои стихи! — сказал Марлен.

И Веня прочёл:

Шёл весёлый барабанщик,
Шёл весёлый барабанщик,
Шёл весёлый барабанщик...

— Громко плакал и рыдал, — сказал Марлен. — Можешь не стараться, эти стихи я уже где-то читал... Ну и команда! Один ходит в панаме, вторая спит, есть свой Айвазовский. Не хватало Пушкина. А между прочим, время — двадцать ноль-ноль. Кто будет за тебя температуру воды измерять? Раки?..

Двадцать ноль-ноль — это восемь часов вечера. По-корабельному.

Я давно уже понял: на корабле всё не так, как на суше.

Пол называется палуба. Комната — каюта. Наш капитан вместо «кóмпас» говорит «компа́с», вместо «мая́кí» — «мая́ки».

Но путаннее всего — время.

Дома у меня на столе стоял будильник. На нём были числа от 1 до 12. Половина пятого была половиной пятого. Стрелки я мог крутить как хотел. Время подчинялось мне.

На «Тригле» всё оказалось не так.

В первый же день ко мне подсел капитан и объяснил, что время бывает:

судовое,
солнечное,
звёздное,
среднее.

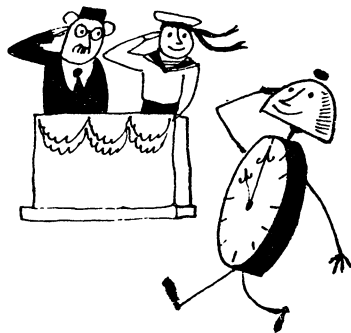
И каждое — разное. Половина пятого — это может быть:

и · 4.30,
и 16.30,
и 16.25,
и 23.10,
и всё что угодно.

На корабле есть такие часы — хронометр. К ним нельзя прикасаться. Когда с хронометром нужно что-нибудь сделать, его выносят на берег и специальные люди колдуют над ним.

Время — это наука.

Я понял: время подчиняется учёным и морякам.

ТРИГЛА

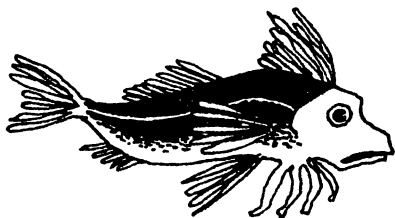
Я часто думал: почему наша шхуна называется «Тригла»?

— Три иглы?

— Три угла?

В оркестре есть такой инструмент — триангль. Треугольник. Если по нему ударить палочкой, раздаётся звон: денн-н-нь...

Как-то утром мы решили половить рыбу. Я, Дима и капитан.

*Морской петух
(тригла)*

За борт на капроновых жилках были опущены крючки с наживкой.

Капитану повезло. Его жилку сразу потащило в сторону. Он дёрнул. Жилка задрожала. Неторопливо смотав её, он вытащил на палубу рыбу.

Замечательную рыбу. Пёструю как птица, большеголовую, золотисто-бурую с голубыми плавниками.

— Морской петух, — сказал капитан, — тригла.

Так вот оно что! Наша неказистая шхуна называется именем этой красавицы!

Я долго разглядывал триглу, а когда вернулся к своей жилке, она тоже была туго натянута.

Я дёрнул — что-то сопротивлялось.

Все лица с любопытством повернулись ко мне.

Я торопливо начал выбирать удочку.

Наконец в воде показалось что-то жёлтое. Ещё одна диковинная рыба!

Я потянул — из глубины всплыл Венин бриль, аккуратно насаженный на крючок.

Бессовестные!

Я дёрнул... и — о счастье! — бриль отцепился. Поблёскивая полями, он снова погрузился в море.

Я оглядел шхуну.
Кая и Марлен смотрели в сторону.
Веня улыбался. Его чёрные волосы
свободно развевались по ветру.

— Кого поймал? — спросил, подходя,
Дима.

Лицо у него было каменное.

— Триглу, — как можно небрежнее
сказал я. — Сорвалась.

— Ах вот что!.. — Губы у Димы за-
дрожали от смеха. — Рыбу не мог выта-
щить, — сказал он и ущипнул себя за бо-
роду. — А ещё Айвазовский!

*Памятник
И. К. Айвазовскому
в г. Феодосии*

АЙВАЗОВСКИЙ

Айвазовский был художник.

Он жил на берегу моря, в городе Фео-
досии.

В шторм он раскрывал настежь окна
своего дома и писал картины.

Солёные брызги летели на неокончен-
ное полотно.

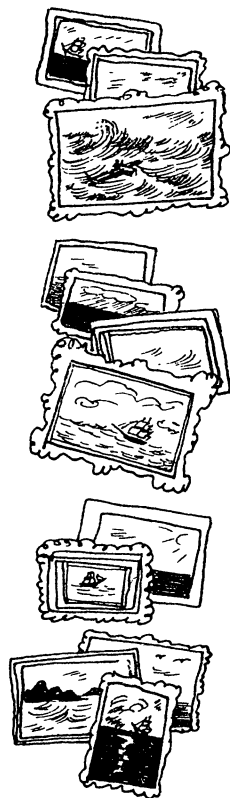
Он писал много.

Он написал очень много картин. Не-
сколько тысяч.

И на всех было море.

Море утреннее и вечернее, море спо-
койное и в бурю, море у берегов России,
Италии, Африки.

У Айвазовского есть картина «Наполе-
он на острове Святой Елены». Этот остров
находится в Атлантическом океане. На
картине бушуют волны. Они пенятся у
подножия отвесной скалы. На вершине
скалы стоит маленькая фигурка Напо-
леона.

Айвазовского не интересовал французский император. Его интересовало только море.

КАК РЫБЫ СЪЕЛИ МОЮ КАРТИНУ

А мои картины не писались.

Картонки, заготовленные для них на берегу, сырели и покрывались плесенью.

Я уставал. Я работал в воде часами. На шхуне я только спал.

И вдруг мне в голову пришла блестящая мысль. А что, если написать картину под водой?

Там так здóрово!

Я сказал об этом товарищам.

— Для такого дела не жалко и акваланга, — сказал Марлен. — Пустим тебя на конце, чтобы не утонул. Будешь писать рядом со шхуной.

Конец — тонкая верёвка. Её прицепили мне за пояс. Чтобы кисти не всплыли, к ним привязали гайки.

Алюминиевый лист — вместо картона — принёс из машины капитан.

На меня навьючили акваланг, и я полез в воду.

Пять метров глубины.

Светло как в студии!

Отчаянно пузыря и болтая ногами, я стал устраиваться. Положил лист, краски. Сидеть на дне оказалось страшно трудно. Я всё время всплывал и переворачивался вверх ногами.

Тогда я стал плавать вокруг листа. Подплыву, сделаю мазок — и поплыл дальше. Мазок за мазком.

И картина начала получаться.

Я писал подводный лес — бурые разлапистые водоросли и лиловую даль, чёрные камни и кроваво-красных рыбок-собачек.

Очень хорошо!

Но тут появились зрители.

Стайка чёрных монашек-ласточек остановилась около

меня. Подплыл круглый, как блюдо, с чёрной отметиной на хвосте карась-ласкирь. Он уставился плоскими глазами на картину и начал задумчиво жевать губами.

Подошли серебристые кефальки. Самая храбрая из них подплыла к листу и клюнула его.

Её примеру последовали подруги.

Я не сразу понял, в чём дело.

Рыбы выскакивали одна за другой вперёд и — тюк! — ударялись губами о картину.

И вдруг я увидел: они едят краски! Замечательные краски, приготовленные на чистом растительном масле.

— Кыш! Кыш!

Я замахал руками и тотчас же очутился метрах в десяти от картины.

Разбойницы-рыбы почувствовали свободу. Они дружно бросились вперёд... и, когда я вернулся, на алюминиевом листе лишь кое-где пестрели остатки краски...

Я дёрнул за верёвку: «Тащите наверх!»

Картины не существовало.

ПЛОВ ИЗ РАКУШЕК

Мы работали в Голубой бухте уже неделю, а отпечатки, которые мы искали, всё не давались нам в руки. Мы отошляли, нам надоели консервы и чёрствый хлеб.

— Сегодня я приготовлю вам плов из ракушек! — сказал капитан.

ПЛОВ — ЭТО ХОРОШО!

По этому поводу Марлен объявил выходных полдня.

Капитан оживился. В его глазах зажглись огоньки.

Плов — это рис, масло, ракушки.

Рис и масло были в шкафу.

Ракушки — на морском дне.

— Надрать мидий!— распорядился Марлен.

Бросили жребий.

Лезть в воду досталось Диме и мне.

Мы не заставили себя ждать.

Вот и дно. В некоторых местах ракушки ковром покрывают камни. Но отрывать их ужасно трудно. Висишь вниз головой, отколуываешь по одной, ломаешь о них ноги.

Мы надрали целое ведро ракушек.

Мы сломали семь ногтей и порезали четыре ладони.

Мы устали.

Только надежда на вкусный обед поддерживала нас.

УХ КАК БУДЕТ ВКУСНО!

ОБЕД

На шхуне капитан варил рис.

В кухню не допускался никто. Масло летело в кастрюлю ложками.

Когда рис был готов, мы уже истекли слюной.

Но капитан не спешил.

Он ножом извлёк каждого моллюска из раковины и обжарил его на сковороде.

Запахло водорослями.

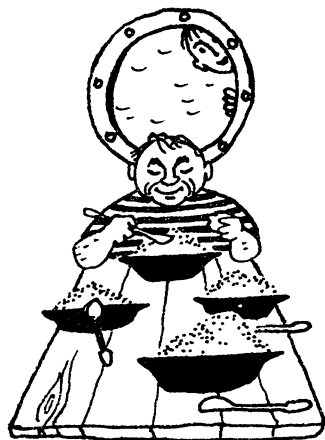
Мы насторожились.

Жаренные на чистом сливочном масле мидии были брошены в кастрюлю и перемешаны с рисом.

Каждому навалили по тарелке плова.

Мы набросились на него, как голодные волки.

Каждый сунул в рот по полной ложке и...

Я понял: ЭТО ЧТО-ТО НЕ ТО!

Первым положил ложку Дима: ему надо посмотреть, как уложены аква-ланги.

Он ушёл.

Вторым сбежал Марлен: оказалось, ему нужно подтянуть **ЯКОРНУЮ ЦЕПЬ**.

Кая взглянула на меня большими испуганными глазами. Можно, она сходит за солью?..

Соль стояла на столе.

Мы с Веней стеснялись. Нам ужас как не хотелось обидеть капитана.

Может быть, придёт моторист?

Он опять чинит мотор...

Я жевал холодного моллюска полчаса.

Из тарелки пахло йодом и сырой капустой.

Я не мог спокойно смотреть на кастрюлю. Мне казалось, что моллюски в кастрюле

ЩЕВЕЛЯТСЯ

Наконец сбежали и мы.

На палубе нас встретили хохотом.

Марлен заглянул через люк в каюту. Капитан доедал третью тарелку.

Моторист так и не пришёл.

МОЁ ОТКРЫТИЕ

Чем дольше мы работали в бухте, тем веселее становился Веня.

Каждый комок слизи, отцеженный из ведра, приближал его к победе. Новый вид рачка мог быть открыт с минуты на минуту.

Его микроскоп горел на солнце, как золотое оружие героя.

Картины писать мне было уже нечем. Кисти съели тараканы...

Мне тоже захотелось славы учёного.

Выждав момент, когда Веня спустился в каюту, я набрал ведро воды и добыл из него немного слизи.

Острым кухонным ножом я соскоблил слизь с марли на тарелку, комочек слизи размазал по стеклу.

Вот стекло под микроскопом. На светлом поле копошились прозрачные многорукие твари.

— Что это?!

Мои глаза полезли на лоб.

Прямо посередине светлого поля судорожно двигался по стеклу пятиногий рачок.

— Ого!

Я поперхнулся от радости.

А вон ещё... ещё... Шестиногие, четырёхногие, семиногие рачки так и кишели под микроскопом. Один из них был даже одноногий.

КАКОЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ!

— А, и ты смотришь? — Веня стоял рядом и сочувственно моргал близорукими глазами. — Есть что-нибудь?

— Кое-что есть...

Я небрежно уступил ему место у микроскопа.

ВОТ СЕЙЧАС ОН АХНЕТ!

— Господи! — Из Вениной груди вырвался стон. — Что ты сделал? Ты их всех разрезал! Разве можно скоблить их острым ножом?

Я сделал вид, что люблюсь облаками.

Облака медленно плыли над морем.

Два облака плыли отдельно.

Одно было похоже на одноногую лошадь. Второе — на трёхгорбого верблюда.

КАПИТАН

Как-то мы с капитаном чистили якорь-цепь.

— Вы правда много плавали? — спросил я его.

— Много, — ответил он.

— Вам, поди, это всё надоело?

Капитан промолчал.

Мы сидели на носу.

Рядом с нами Веня опускал за борт термометры.

Говорят, у капитана на берегу дом, сад с вишнями.

Зачем ему торчать с нами в этой бухте?..

Кая сегодня наступила на тьюбики и выдавила всю краску.

ШАШКА ДУСТА

За то, что меня взяли в экспедицию, я решил отплатить добром.

На шхуне водились тараканы.

Тараканы были рыжие и усатые.

Им ничего не стоило прокусить насквозь ботинок.

Их не брало никакое море. Говорят, на железных кораблях не живут ни собаки, ни кошки. Тараканы же чувствуют себя как дома.

Вся команда ненавидела их.

А мне тараканы не были страшны.

В чемодане у меня лежала шашка дуста.

**НОВЕЙШЕЕ СРЕДСТВО ОТ МУХ,
КОМАРОВ И ПРОЧИХ НАСЕКО-
МЫХ!**

Когда все вышли из каюты на палубу, я достал шашку из чемодана, поставил её на пол и, чиркнув спичкой, поджёг.

Из шашки показалась струйка зелёного дыма.

«Ага!» — радостно подумал я.

В шашке что-то затрещало.

«Разгорается!»

Я задвинул шашку в угол, откуда особенно часто вылезали тараканы.

Зашипев, она выбросила густую струю дыма.

В каюте сразу запахло аптекой. Защищало глаза.

Дневной свет померк.

Упав на колени, я пополз к выходу.

На палубе уже заметили дым.

— Что с тобой? В чём дело? Пожар?!

Из дверей каюты клубами валил дым.

Минута — и палуба скрылась в тумане.

Раздался кашель.

Шхуна окуталась густым зелёным облаком.

Ап-чхи!

За борт с шумом свалилось чьё-то тело.

СПАСАЙСЯ, КТО МОЖЕТ!

Я бросился в воду последним.

Отплыв метров на двадцать, я оглянулся.

Шхуна стояла, окутанная ядовитым зелёным облаком. Из облака торчала одна мачта.

В воде чернели головы команды. Раз, два, три, четыре, пять, шесть... А где моторист?

Через час, когда дым улетучился, мы вернулись на шхуну.

Я немедленно полез в каюту.

Вот где, наверное, побоище! Страшное дело — горы тараканьих трупов!

Первое, что я увидел, были два зелёных от дуста таракана. Они сидели на столе и грызли хлебную корку.

Из машины раздался стук. Моторист тоже был жив.

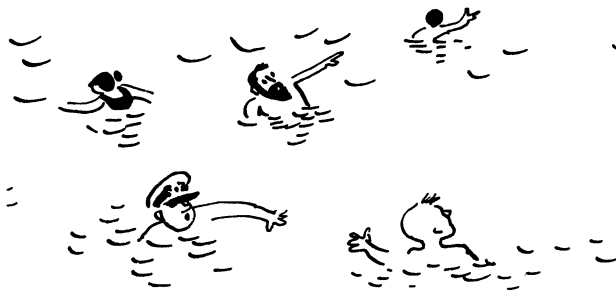
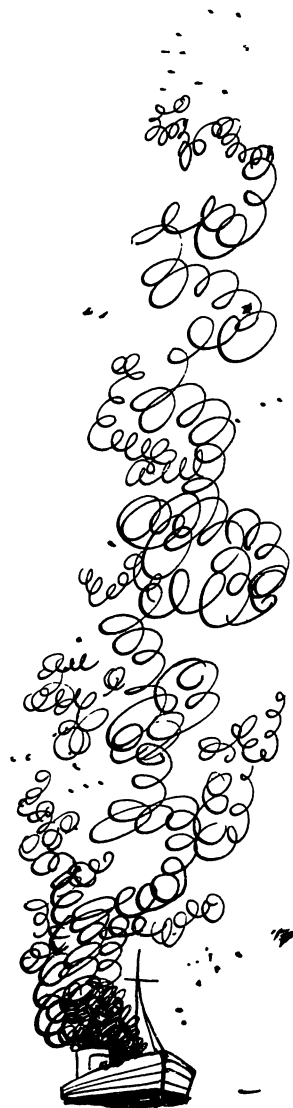
КАК МНЕ ПОПАЛО ОТ МАРЛЕНА

Ох и попало же мне от Марлена!

Я ВИЖУ ЧТО-ТО НЕПОНЯТНОЕ

Вечером я опять спустился с аквалангом — посмотреть закат под водой.

Заката я не увидел.

Подводный мир был объят какой-то непонятной тишиной. Света становилось всё меньше и меньше. Рыбы исчезли.

И вдруг я заметил прямо под собой здоровенное чёрное пятно. Со стол величиной. Наверное, камень...

Затем посередине пятна появились две дыры. Появились и исчезли. Как чёрные пузыри. Появились — лопнули. И опять появились.

Я отплыл на всякий случай в сторону.

Когда я оглянулся, на том месте, где только что чернело пятно, стоял жёлтый столб муты.

Муть осела. Затаив дыхание я вернулся на старое место

Чёрное пятно исчезло.

ЧТО ЭТО БЫЛО ТАКОЕ?

ДИМА ПРЕДПОЛАГАЕТ...

Когда я рассказал про чёрное пятно, никто не засмеялся. Капитан пожал плечами.

— В море всё может быть, — сказал он. — Одних рыб сколько!

Марлен кивнул.

— Я не хотел говорить, — сказал Дима, — но дня три назад у берега я тоже видел что-то вроде громадной камбалы. Такая рыбина — сам себе не поверил!

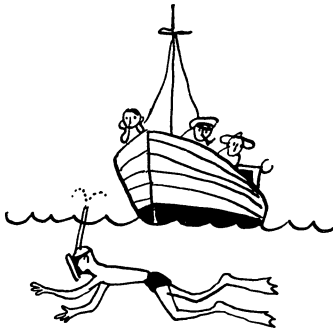
Веня задумчиво осмотрел всех нас.

— Знаете, — сказал он, — в библиотеке Академии наук я читал древние книги о морских змеях. И есть люди, до сих пор убеждённые в том, что морские змеи действительно существуют...

Кая зло посмотрела на него.

— Спасибо, — сказала она. — Первым они сожрут тебя...

НА СОРОК МЕТРОВ

— Что, если камни с отпечатками скатились на середину бухты, на самую глубину?

Мы уже знали: посреди бухты — впадина. Сорок метров.

— Надо искать и там.

Это сказал Марлен.

И время пришло. Марлен опустился на сорок метров.

Он стоял на палубе в голубой майке, голубых ластах, с аквалангом за плечами.

Поднятая на лоб маска блестела, как лягушачий глаз. Всплеск — и Марлен ушёл в воду.

За ним, в жёлтой майке и жёлтых ластах, свалился Дима. Я с трубкой и маской сошёл в воду последним.

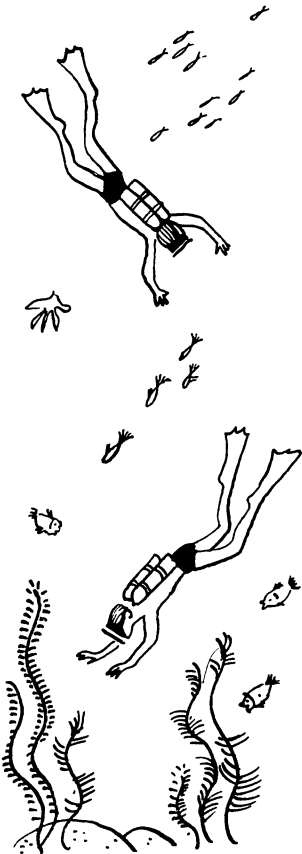
Кая уселась на борт. У ног её, как всегда, стояла сумка с красным крестом.

Мы плыли в три этажа.

На поверхности плыл я. Из трубки, торчавшей над моим затылком, фонтанчиками вылетала вода.

На глубине десяти метров держался Дима. Он двигался, как жёлтый краб, едва перебирая руками и ногами.

Ниже всех, у самого дна, шёл Марлен. Его не было видно. Только иногда в глубине вспыхивали голубые зайчики — солнечные лучи, отражённые от ласт.

За Марленом и Димой, шипя, поднимались белые гирлянды пузырей.

Через двадцать минут мы подплыли к борту.

— Камней нет, — сказал Марлен. Он дышал тяжело, как кит.

ГРОТ «МАШИНА»

Мы целый час сидели на борту свесив ноги и отдыхали. Потом Марлен спросил:

— Видишь пар?

Напротив шхуны из узкой расселины в скале вырывалось белое облачко.

— А может, это не пар? ..

-- Посмотрим?

Я кивнул. Недалеко, можно посмотреть.

Плыли мы недолго. Вот и расселина. Под скалой тень. Холодина — брр!

Волна, идущая с моря, складывалась здесь с отражённой от стены волной. Мы заплесали на воде, как пробки.

До расселины было рукой подать. Она оказалась низкой пещерой, гротом, в который свободно входила вода. Улучив минуту, Марлен проскочил в грот. Я последовал за ним.

Осторожно раздвигая руками ледяную воду, мы держались на месте. В глубине грота чернело отверстие.

Крадучись, в грот вошла пологая волна. Она подняла нас, затопила отверстие, и тогда из-под воды с шумом вырвалась струя сжатого воздуха.

Пшш-ш!

Ш-ш-шшу!

Так вот оно что! Мы дождались следующей волны, и в лица нам снова ударила холодная струя. Отверстие в глубине грота вело в небольшую камеру. Вода входила в неё, сжимала воздух, и тот с силой вырывался наружу.

Пшш-ш!

Точно как пар из машины!

Марлен показал мне жестом: НАЗАД!

Я поплыл за ним.

Со шхуны за нами следили.

— Ну как? — спросил капитан. — Видели?

— Видели.

— Ну и что?

— Как — что? .. Ничего.

— Паровая машина — вот что. — Капитан сурово оглядел нас. — Десять лет работает. И никто, хлопцы, не знает — как.

Марлен посмотрел на него. Капитан и глазом не моргнул.

Я понял: капитан хочет, чтобы там была машина. Чтоб у моря была ещё одна тайна. Пусть будет так.

ЧП

Пока мы плавали, на шхуне случилось чрезвычайное происшествие — ЧП.

Веня и Кая поссорились.

Ко всем женщинам Веня относился свысока. И к Кае тоже.

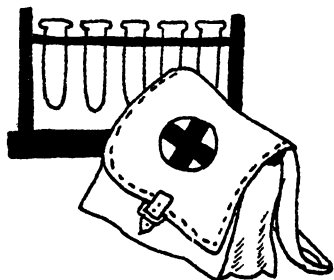
Когда мы с Марленом были в гроте, он затеял мытьё пробирок.

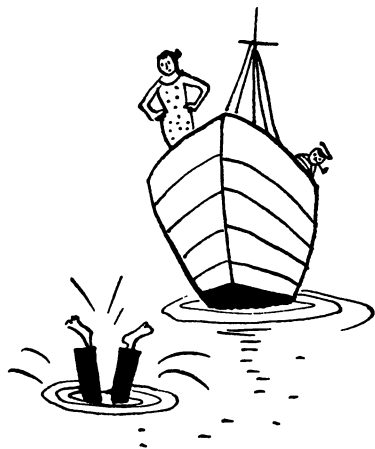
Мой себе на здоровье!

Но ему помешала санитарная сумка Каи. Она стояла рядом с пробирками.

Веня отодвинул сумку в сторону. Сумка упала.

Кая поставила её на старое место. Звякнуло стекло.

Веня крикнул.

Кая подняла бровь.

Веня отодвинул сумку ногой.

Тогда Кая молча поднялась, сгребла Веню в охапку и, не раскачивая, бросила за борт. Как ядро...

— Почему ты такой мокрый? — с удивлением спросил Марлен, когда мы вернулись из грота.

— Он купался, — мягко сказал Дима.

— В штанах?

Марлен пожал плечами.

Я ПРИДУМАЛ

Мы плавали в бухте уже десять дней.

На ногах у нас были лиловые синяки от ласт. Плечи гудели. Мы не справлялись. Бухта была очень велика.

Вечером Марлен нацарапал карандашом в блокноте какие-то цифры.

— М-да... — заявил он. — Если так искать, надо ещё двадцать дней. Почти месяц!

В кубрике воцарилась тишина.

Все сосредоточенно думали.

— Двадцать, а у нас еды всего на пять. И потом, ведь шхуна нужна другим. Нам её больше не дадут.

Тут у меня зачесалась нога и запершило в горле.

«К-гхе!»

Мне в голову пришла сумасшедшая мысль.

А ЧТО, ЕСЛИ...

...что, если прицепиться на буксир и плыть за шхуной. А? Ведь здорово? Ведь быстро? Можно успеть и в пять дней...

Я выпалил это вслух.

Веня фыркнул.

Дима покачал головой.

— Оборвёт! — сказал капитан.

Только Каю моё предложение привело в восторг.

— Вот хорошо! — сказала она. — Я хочу на буксир. Действительно: захотели полморя изучить за десять дней! Знаете, кто вы такие? СУМАСШЕДШИЕ!

Марлен сказал:

— М-м-м...

НА БУКСИРЕ

«М-м-м»... — это значило: не хватало ещё, чтобы нас учил художник.

И всё-таки Марлен рискнул.

Приготовили буксир — канат с палкой на конце.

Буксироваться решил сам Марлен; напарником он предложил быть мне.

ВОТ ЭТО ЗДОРОВО!

Буксир бросили за борт.

Мы с Марленом прыгнули в воду и уцепились за палку.

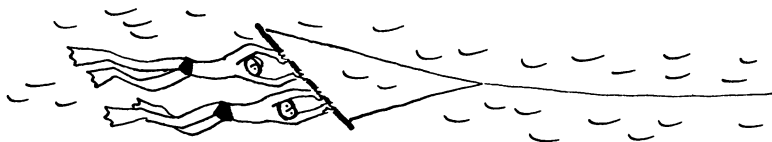
«Тригла» дала ход.

Нас потащило.

Вода, такая тёплая и ЖИДКАЯ, превратилась в жёсткий, холодный поток. Он налетел на нас, выбросил из глубины на поверхность, распластал по воде, с силой прижал к лицу маски.

— Ох!

Я вцепился что было сил в палку, втянул голову в плечи, осторожно глянул вниз.

Подой со страшной быстротой пронизанные солнечными лучами голубые глыбы воды. Дна не было видно. Какие-то белые, парящие в воде частички стремительно приближались, яркими искрами вспыхивали у лица и так же стремительно уносились прочь.

Руки быстро немели.

На шхуне сообразили, что идут далеко от берега. Они изменили курс.

Из голубой бездны выступили очертания дна. Промелькнули полянки, усыпанные белыми раковинами. Проплыли чёрные знакомые валуны. Розовым ковром потянулось дно, заросшее водорослями.

— Мои руки!..

Палка, за которую я держался, повернулась, прижалась к канату, придавив пальцы. Я выпустил её и, беспомощный, с маской, сбитой на ухо, забарахтался в остановившейся воде.

Вынырнув и сорвав маску, я увидел невдалеке от себя голову Марлена. Поодаль шхуна описывала широкий полукруг, направляясь к нам.

Нас подняли на борт.

Оказалось, что первым оборвался Марлен. Широкоплечий, он грёб воду, как плуг, и устал раньше меня.

Как хорошо иметь узкие плечи!

КТО ТОЛКНУЛ МЕНЯ ЗА БОРТ

Когда я стоял на палубе и сдирал с головы маску, ко мне подошёл Дима.

— Молодец, — сказал он, — здорово придумал... А знаешь, кто толкнул тебя в первый день?

— Кто?

— Мы все. Предложил я. Кая и Веня толкнули. Нам хотелось посмотреть, какой ты.

КАКОЙ Я!

— Пустяки! — ответил я Диме. — А что, если вместо палки на конце буксира сделать петлю?..

ОТЧАЯНИЕ

На буксире за шхуной мы в два дня осмотрели всю бухту. Камней с отпечатками не было.

«Тригла», как паук, сновала взад-вперёд. Тёмный след её винта паутиной ложился на поверхность моря.

Всё напрасно. Подозрительными камнями на дне были только те чёрные глыбы, около которых я едва не утонул, добывая иглу.

Мы по очереди облазили их. Осмотрели поверхности. Поковыряли ножом. Камни как камни.

Единственным человеком, который ещё не видел камней, была Кая.

ПОЛОСКИ КВАРЦА

Мы сидели понутив головы.

Марлен сказал:

— К чёрту! Камней не найти. Они рассыпались в прах. Дима крякнул.

Капитан почесал живот.

— Значит, конец, — рассудил он. — Завтра домой!

КАК ЖЕ ТАК?

Я хотел было сказать: «Может, ещё поищем?» — но меня опередила Кая.

Она с громом отодвинула ящик, на котором сидела, и подошла к аквалангам.

С лязгом нацепила на себя баллоны. Нахлобучила на лоб маску. Села на борт.

Шхуна качнулась.

Выпуская тучи пузырей, Кая ушла на дно.

Марлен угрюмо смотрел ей вслед.

Прошло полчаса.

Море было как зеркало. Солнце бронзовым жуком ползло вверх по горному склону.

Белая дорожка пузырей протянулась от берега к шхуне.

Вода раскололась. Из воды, фыркающая как тюлень, вылезла Кая.

Она грузно перевалилась через борт и стала перед Марленом.

— Ну как? — спросил Марлен. — Нашла?

— Нет.

Кая выжала волосы, и жёлтые струйки побежали по её плечам.

— Но я, кажется, знаю, где они, — просто сказала она.

И тут я не выдержал. Я вспомнил свою догадку. Когда Веня сказал, что камни выветриваются, я...

— У меня тоже есть мысль!

— Я тоже думал... — нехотя сказал Марлен. — Да разве...

Он не договорил.

— А ты? — обратился он к Диме.

Дима пожал плечами.

Марлен вытащил блокнот и вырвал из него пять листков.

— Вот, — сказал он. — Пусть каждый напишет, что он думает.

Огрызком карандаша мы написали, каждый на своём листке, ЧТО МЫ ДУМАЕМ.

Марлен собрал бумажки.

— Константин Федотович! — позвал он капитана. — Слушайте.

И он прочёл бумажки вслух.

*Камни могут лежать
откуда-нибудь вонз. Кая.*

А если он выше лица?

Без подписи. Так написать мог только художник...

Что если перевернуть
камень? Дима.

Мы ищем же так.
Веня.

Ценное замечание!.. И вот моя.

Он показал последнюю бумажку, на которой был нарисован такой значок:

8

— Я знаю, — сказал Дима. — Это корректорский знак. Он означает: перевернуть букву или рисунок.

Марлен кивнул.

— Вся штука в том, — усмехнулся он, — что камни руками не перевернёшь. Поэтому я и молчал. Надо было искать до последнего дня.

Капитан молча наблюдал за нами.

Бумажки его уже не интересовали.

— Переворачивать будем шпилем, — лениво сказал он. — Якорь отклепаем, цепь — за камень, и пошла! А потом...

Он не договорил. Кая, бронзовая и сияющая, подошла к нему, обняла мокрыми руками и звонко чмокнула в щёку.

ВИРА ПОМАЛУ!

Капитан метался по шхуне.
Во-первых, его поцеловали.
Во-вторых, он действительно придумал здорово!
Впервые я видел, чтобы он суетился.
Он сам вытащил на палубу якорь и отклепал его.

Он сам вплёл в свободный конец якорной цепи две петли.

Он кричал на Марлена и Диму. Он объяснял им, как надо ЗАВОДИТЬ за камень эти петли.

Марлен и Дима послушно кивали. Затем они ушли на дно. Выбрать камень.

— Камень нашли — будьте спокойны! — вынырнув, сказал Дима.

Капитан привязал к якорю пеньковый канат и поставил шхуну на якорь около этого камня — около пузырей, которые пускал над камнем Марлен.

В воду спустили якорную цепь.

— Петли заведены! — вынырнув снова, сообщил Дима. — Можно поднимать!

— Пошёл шпиль! — скомандовал капитан.

Затарахтел мотор, и круглая тумба шпиля начала вращаться. Цепь, полязгивая, выходила из воды и обвивалась вокруг тумбы ровными кольцами.

Вот она натянулась.

— Вира помалу! — сказал капитан.

Это значило «тяни наверх».

И мотор потянул.

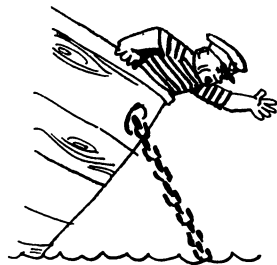
Шхуна накренилась. Шпиль, повизгивая, сделал три оборота и остановился.

«Ну и камень!» — подумал было я.

И тут что-то случилось. Шхуна качнулась и выпрямилась. Цепь глухо стукнула о борт. Шпиль легко завращался.

— Оборвало! — с досадой промолвил капитан.

Со дна поднялись облака рыжей мути и пузырей.

Вместе с пузырями всплыли головы Марлена и Димы.

Руками они что-то поддерживали в воде.

— Идёт! Идёт! — закричала Кая.

Из воды медленно вылез обломок скалы. Одна грань его была чистая и блестящая.

— Раскололся! — довольно пробормотал капитан. — Камень сломали! А?

Камень со скрежетом перетащили через борт и бережно положили на палубу.

Марлен, Дима, мы все сгрудились возле него.

Кая присела на корточки и начала бережно мыть камень.

Веня покорно таскал для неё воду.

— Вот... — неожиданно сказал Дима. — Смотрите!

И он показал пальцем на еле заметные неровности на камне.

Только когда Кая отмыла весь камень, мы увидели: на камне действительно были отпечатки чьих-то больших ЗУБОВ.

МОТОРИСТ

И вот тогда на палубе появился моторист.

До этого я часто думал: какой он?

Наверное, весь чёрный, заросший волосами, с большим носом и могучей грудью.

Как дух из подземной кузницы.

И вот наконец он.

Он вылез из машинного люка. Медленно и торжественно.

Человек как человек... Худенький, с птичьим носиком, тонкими руками и... лысый.

Ни единой волосинки на голове.

— А-а! — сказал он, наклонившись над камнем.

И всё.

Это всё, что он сказал за время нашего путешествия. Сказав это, он подмигнул Кае и снова полез в свою машину.

УРА!

Итак, мы достали камень. Пусть не целый, а только кусок. Кусок с отпечатками чьих-то зубов.

Неведомый зверь миллионы лет назад в предсмертной судороге сомкнул свои челюсти. Камень сохранил их след.

И вот теперь этот след у нас.

Скоро сюда придёт баржа с краном и поднимет все камни.

Камни будут стоять за стёклами в залах музеев, и тысячи людей, удивляясь, будут подходить к ним...

Мы нашли эти камни!

...Сегодня вечером мы уйдём из Голубой бухты.

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ

Остаток дня мы решили охотиться.

Охота на рыб с аквалангом — не охота, а избиение. Всё равно что охота на зверей из автомашины или с вертолёта.

Настоящие охотники на земле вымерли. Они остались только в воде. Это мы — пловцы без аквалангов, но в масках и с копьями.

У нас было два копья и Марленово ружьё.

Бросили жребий.

Одно копье досталось Диме, второе — Вене.

— Не плачь, — сказал мне Марлен. — Поплывёшь со мной.

Он плюхнулся в воду и поплыл, держа перед лицом свою машину, заряженную гарпуном.

Я плыл сзади. У меня в руках была сетка для добычи.

ОХ И НАБЬЁМ ЖЕ МЫ РЫБЫ!

Но скоро я понял: ЭТО ружьё не для ЭТОЙ бухты.

Для марленовского гарпуна вся здешняя рыба — мелочь.

Мы плавали битый час.

Мне надоело.

Но Марлен не сдавался.

И нам повезло.

СКАТ

Я отстал от Марлена, а когда догнал, то увидел — Марлен нырнул.

В светло-голубой воде он казался розовым великаном. Он висел вниз головой и старательно в кого-то целился..

Я подплыл ближе.

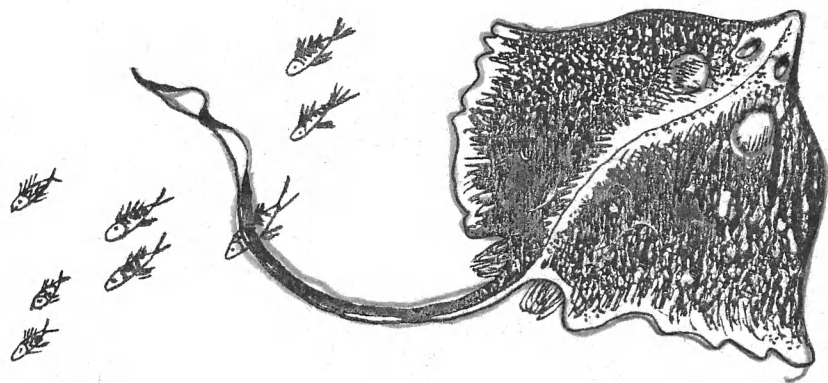
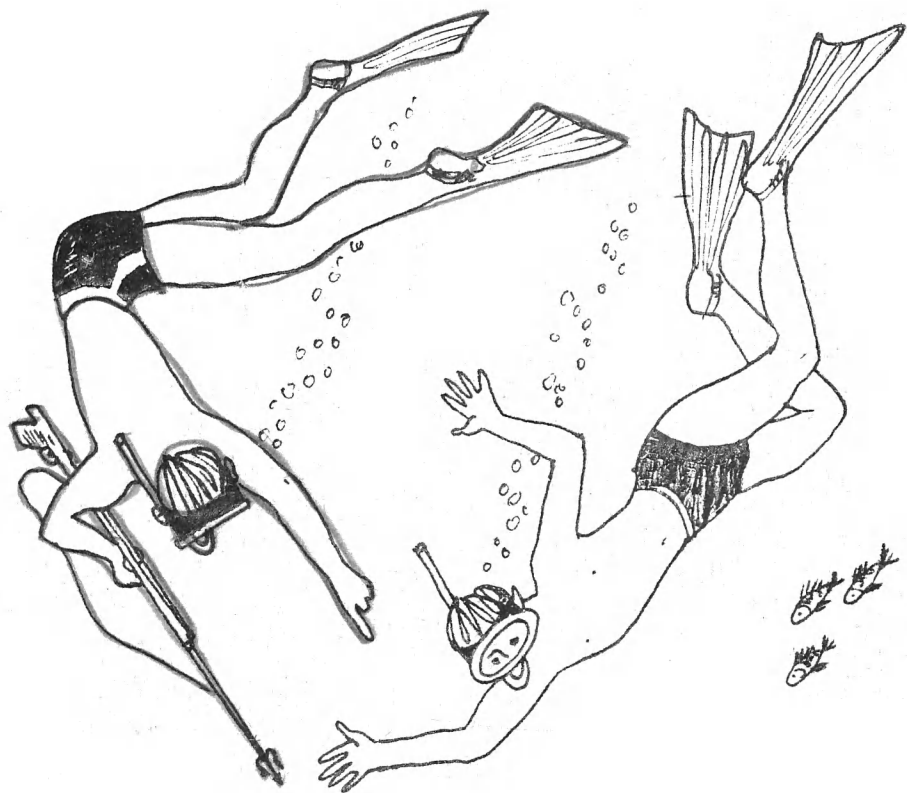
Прямо под Марленом раскинулась на песке громадная рыбина. Чёрный ромб с тонким, как плеть, хвостом. Скат!

Он мне показался величиной со стол.

Ба, да ведь это то самое чёрное пятно, которое когда-то испугало меня!

Скат лежал на песке, широко раскинув плавники-крылья и едва шевеля хвостом.

Два отверстия на голове — брызгальца — закрывались и открывались. Скат дышал.

Время от времени он рылся мордой в песке. Вот кто мог откопать наш якорь!

Я заглянул Марлену в лицо.

Он смотрел на ската как зачарованный. Ружьё в его руках ходило вверх — вниз, вверх — вниз.

Сейчас он будет стрелять!

Скат-хвостик

У ската на хвосте есть зазубренный костяной шип. Раненый скат может нанести этим шипом жестокий удар. Значит, Марлен будет бить наверняка.

Мне не хватило воздуха, и я на секунду всплыл.

Когда я вернулся под воду, скат медленно уплывал. За ним — Марлен.

Скат делал редкие взмахи крыльями и шёл как тень. Над самым дном.

Рыжие лохматые водоросли послушно склонялись перед ним.

Марлен с тяжёлым ружьём, нацеленным на ската, плыл позади.

Вот скат остановился.

Теперь или никогда!

Марлен направил стальное острие гарпуна на голову ската и вдруг, что-то решив, махнул рукой.

Движение испугало рыбу.

Скат резко сорвался с места.

Его громадные плавники поднялись, и он в один взмах очутился далеко от нас.

Он уходил, как огромная чёрная птица. Он то парил над морским дном, то взмахивал крыльями и удалялся всё дальше и дальше.

Мы вынырнули.

Марлен тяжело дышал.

— Что ж ты, а?.. — начал было я, но взглянул в глаза Марлена и осекся.

Я впервые видел у него такие глаза.

В них были восхищение и зависть. Замечательный пловец, он завидовал рыбе.

— Хочешь? — спросил он и протянул мне ружьё.

Я взял наперевес эту стальную махину с туго взведёнными пружинами и хищно заточенным гарпуном.

Около шхуны я прицелился и выстрелил в круглый коричневый камень на дне.

С коротким стуком гарпун рассек его пополам.

ДОМОЙ

Качаясь на волнах, точно утка, «Тригла» возвращалась домой.

Был вечер.

По небу плыли красные перья облаков.

Тёплый воздух дрожал над чёрными зубцами гор.

Мы сидели на палубе и слушали, как поёт Кая. Она пела без слов:

— А-а-аа-аа-а!..

Здóрово! Вечер. Закат. Песня. И мы.

Это мы набили каюту до потолка банками с водой, водорослями, рачками, рыбами.

Мы исписали четыре толстых журнала.

Мы за двенадцать дней ни разу всерьёз не поссорились и не пожелали друг другу зла.

НИЧЕГО, ЧТО У МЕНЯ НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ НИ ОДНОЙ КАРТИНЫ.

«Тригла», покачиваясь, шла вперёд.

Небо потемнело, и у горизонта зажглась зелёная закатная полоса.

Мы уходили всё дальше

и дальше

от Голубой бухты,

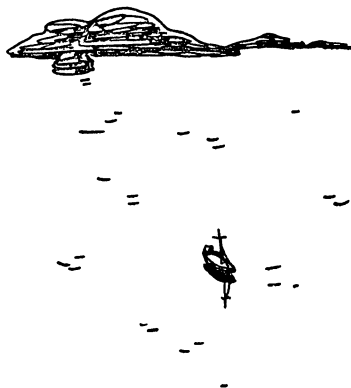
на дне

которой

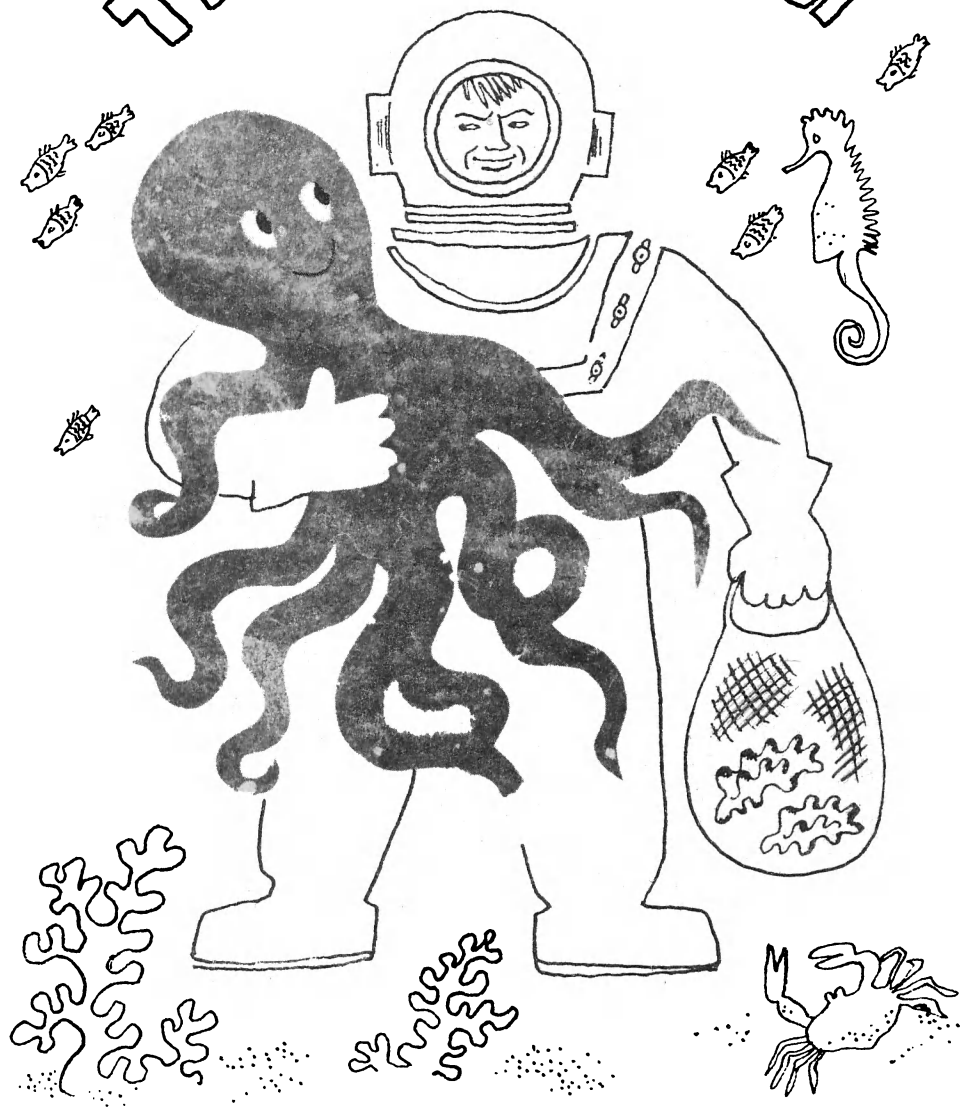
лежали

наши

камни.

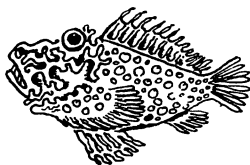

ТРЕПАНГОЛОВЫ

ЯПОНСКОЕ МОРЕ, 1966 ГОД

ЖИЛ СТАРИК СО СВОЕЮ СТАРУХОЙ

Однажды я сделал рисунки к сказке о рыбаке и рыбке.

— М-да, — сказали в редакции, где я работал, — ну и рыбак у вас получился! Не рыбак, а молотобоец. И старуха тоже — прямо борец. А это что — корыто?

— Корыто.

— Корыто лучше. Это рыбка?

— Рыбка.

— Рыбка совсем хорошо. Вы её по памяти рисовали?

— По памяти. Это черноморский карась-ласкирь. Видите, на хвосте у него чёрное пятнышко?

Я рассказал все ласкирьи приметы.

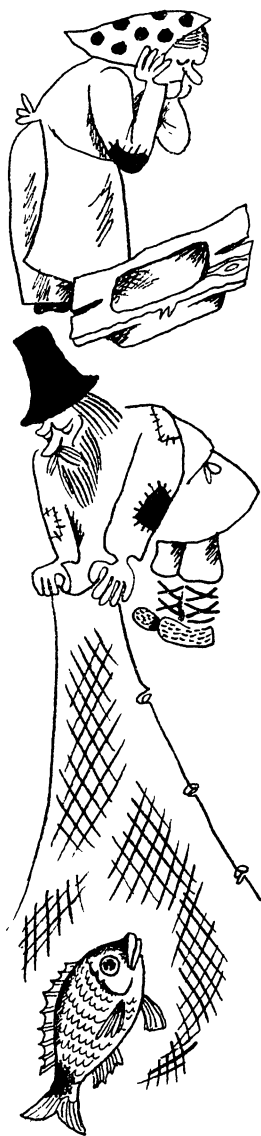
— Э-э, батенька, — сказали мне, — какие у вас знания! Так, может быть, вам не старух надо рисовать, а рыб? Может, вам съездить на Дальний Восток? Там готовится книга «Морепродукты». Попробуйте её иллюстрировать.

— Что ещё за морепродукты? — удивился я. — Консервы?

— Нет, животные. Рукопись пока не поступила. Во Владивостоке её пишут для нас двое учёных — муж и жена. Им уже сейчас требуется художник. Так поедете?

— Раз посылаете, — сказал я, — придётся ехать. А как будет со сказкой?

— Не пойдёт. Вы только прислушайтесь: «Жил старик со своею старухой...» Это Пушкин. Музыка! А у вас что? Одно корыто. Да рыбка.

СОБИРАЮСЬ В ДОРОГУ

Дома меня ждали сестра Зина и мать.

— Как — ехать? Да ещё на Дальний Восток! — всполошились они.

— Вот так. Посылают.

— Это же так далеко!

— Тихий океан... Мой чемодан не видели?

Начали собирать меня в дорогу.

— Альбом, краски, карандаши, — бормотал я.

— Галстук! — предупреждала сестра.

Галстук я потихоньку вытащил.

— Батон и кусок плавленого сыра. Я завернула его в тряпочку, — говорила мать.

— Фотоаппарат, катушки с цветной плёнкой...

— Ложка, стакан, соль...

— Босоножки...

— Стоп! Зачем мне босоножки?

— Как — зачем? Сейчас лето, все ходят в босоножках.

— Но ведь это ДАЛЬНИЙ ВОСТОК!

— Ну и что же?

Зина положила босоножки рядом с плавленым сыром.

— А бокс? — вспомнил я.

— Какой бокс?

— Водонепроницаемый, для аппарата. Такая жёлтая камера с ручками.

— Она лежит в ванной.

Я принёс бокс и тоже уложил его в чемодан.

Теперь, кажется, всё.

У меня получилось всего два места: тяжёлый чемодан и лёгкий альбом для рисования. Широкий большой альбом — пупырчатые ватманские листы.

Потом я поехал на аэровокзал и, к своему удивлению, купил билет на тот же день, на вечер.

Мы начали прощаться.

— Коля, ты ничего не забыл из нужных вещей? — спросила мать.

— Ничего.

— А если пойдёт дождь?

-- Сейчас лето.

— А вдруг?

Зина протянула мне свой зонтик.

Я отстранил его.

Я подошёл к вешалке и снял плащ. Старый, поношенный плащ. У него был такой вид, будто он объездил весь земной шар.

Все моряки носят плащи. В плащах бьют китов и открывают новые земли.

— Коля, не ленись писать. Обещай присылать письма.

— Мама, это же далеко. Будем обмениваться телеграммами.

— Ну хорошо. Только пиши все подробности. Нас интересует каждая мелочь. Вдруг с тобой случится несчастье. Не вздумай скрывать от меня правду!

В САМОЛЁТЕ

От Москвы до Хабаровска лететь считанные часы.

Я уселся на своё место, сложил на животе руки и стал думать.

Несколько лет назад я плавал на шхуне «Тригла» по Чёрному морю. Там я впервые опустился под воду.

В Чёрном море ласковая прозрачная вода. От аквалангиста, когда он плывёт под водой, во все стороны исходит сияние. Это отражаются от его тела солнечные лучи. На Чёрном море вся вода пронизана солнечным светом.

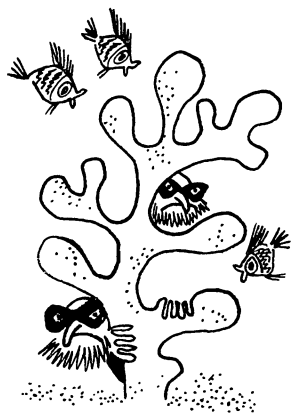
Когда плывёшь, над головой ломкое белое стекло: это ко-

лышется поверхность моря. Внизу дымится лиловая глина...

Вот я плыву, вытянув руки вдоль тела. Внизу дно — фиолетовое, поросшее бурыми кустиками цистозир. Подо мной на камне лежит ёрш-скорпена. Это золотой ёрш — он в жёлтых причудливых пятнах. Вся голова у него в выростах-веточках. Завидя меня, ёрш снимается с места и начинает всплывать. Он приближается, растёт и становится большим, как собака. Он прижимается мордой к моей ноге и начинает толкать её... Толк! Толк!

Я просыпаюсь. Я сижу в кресле, вытянув ноги в проход между креслами. Девушка-стюардесса осторожно носком туфли отодвигает мою ногу в сторону.

Я говорю: «Простите!» — и начинаю устраиваться поудобнее. Откидываю кресло — плохо. Наклоняюсь вперёд — ещё хуже. Сваливаюсь на бок. Некуда деть ноги!

Я снова вытягиваю их в проход. На них тотчас же наступает пассажир.

ЧТО ЕМУ НЕ СИДИТСЯ?

Я заталкиваю ноги под переднее кресло. Пробую убрать — ноги застряли. Я потихоньку расшнуровываю ботинки и вытаскиваю по очереди: сперва ноги, потом ботинки.

Тогда я укрепляю перед собой столик, достаю блокнот и карандаш. Я начинаю рисовать. Я рисую самолёт, девушку-стюардессу, аквалангиста, от которого исходит сияние, и пятнистого ерша-скорпену.

Потом я рисую МОРЕПРОДУКТЫ. Они похожи на людей — с бородами, в масках, очень таинственные.

ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

От Хабаровска до Владивостока я доехал поездом.

На вокзале меня встретили учёные — муж и жена. Те, что пишут книгу.

Он был большой и шумный, она — тихая и маленькая. Оба в очках и с портфелями.

Мы шли по владивостокской улице.

— Морепродукты? О-о-о! — кричал на всю улицу учёный-муж. — У них огромное будущее. Мировой промысел нерыбных уже достиг пяти миллионов тонн. Из них моллюсков — три миллиона, ракообразных — миллион. Десять лет — и рыбы останутся позади. Правда, Лиза?

Учёная-жена кивнула.

— Моя фамилия Букин! — продолжал кричать он. — А это Лиза. Зовите нас так.

Он бросился на мостовую и остановил такси.

Мы поехали в институт.

В институте вдоль стен стояли стеклянные шкафы. В каждой комнате было много столов. За столами сидели сотрудники и что-то писали.

— Из морепродуктов Дальнего Востока нас больше всего интересуют... Вы записываете?

Я достал блокнот.

Букин подвёл меня к стеклянному шкафу.

— Вот они. Трепанг... Ещё трепанг... Морской ёж. Мидия. Устрица...

— Я ел устрицы...

— Раковина трубача. Водоросль анфельция, осьминог и...

— Кальмар, — подсказала Лиза.

— Конечно, кальмар. Но лично я уже много лет работаю над изу-

чением трепангов. Трепанги съедобны и, как утверждают японцы, целебны. У трепангов интересное строение. Полюбуйтесь на них. Красавцы!

Трепанги в шкафу были сморщенные, похожие на чёрные капустные кочерыжки.

— Не забудь, что товарищу надо успеть на катер, — сказала Лиза.

— Я помню. Всех, кого я назвал, вы должны нарисовать в книге. В ней будут рисунки и фотографии.

— Я взял аппарат.

— Прекрасно. А мы всё устроили: вы будете жить на острове Попова. Там рыбокомбинат, приветливые, знающие рыбаки. Ловят они не рыбу, а морепродукты. То, что нам нужно. Морепродукты...

— Прошу вас, — сказал я, — не повторяйте так часто это слово. У меня от него мороз по коже.

Лиза рассмеялась.

— До свидания, — сказала она. — Катер ходит от городского причала два раза в день. Не опоздайте. На остров мы послали письмо. Вас там ждут... Адрес острова? Хорошо, мы сообщим его сегодня в Москву.

ОСТРОВ ПОПОВА

Катер был весь белый и закрытый. Только в носу у него был кусочек открытой палубы.

Он шёл, ударяясь носом о волны. Волны взлетали и падали дождём на палубу.

Пассажиры были сухие. Они все сидели внутри под крышей. Все в плащах и резиновых сапогах. Сразу видно — моряки и морячки.

Я вышел на палубу.

Мы проходили маяк. Маленький маяк на конце длинной косы. Волны, которые шли с моря, останавливались около неё.

Город был уже позади. Катер поворачивал, и за кормой двигался порт: мачты, трубы, краны на причалах, жёлтые и серые дома на сопках.

Впереди показалась скала. Она стояла отдельно, одна в море, и была из двух половинок. Одна половинка — задранный вверх, как нос тонущего парохода, вторая — наклонная, как труба.

Громадный остров заслонил Владивосток. Он закрыл от меня причалы, трубы. Одна телевизионная мачта осталась торчать в небе.

Мы плыли вдоль берега.

Через час показался зелёный край нового острова.

— Кто тут спрашивал остров Попова? — сказал матрос, выходя из рубки. — Вам выходить, гражданин.

ТЫ, БАТЮШКА, КТО?

По деревянному широкому причалу пассажиры сошли на берег. Они шли, повизгивая резиновыми сапогами. Только я не повизгивал. На мне были лёгкие чёрные полуботинки. Я поднял чемодан, взял под мышку альбом и пошёл следом.

Рыбокомбинат начинался у самого причала.

За дощатым невысоким забором стояли на берегу катера. Бревенчатые подпорки держали их. Подпорки упирались в смолёные катерные днища. Днища блестели. Берег пах смолой и рыбой.

У ворот комбината дежурила старуха.

Я поставил около неё чемодан.

— Ты, батюшка, куда? — спросила старуха.

— Я из города. Мне бы начальство найти.

— Наниматься пришёл?

— Плавать.

— Ты, случайно, не трепанщик?

Я не понял.

— Я по казённому делу. Командировочный. Где правление комбината?

— Контора? Вон она.

В конторе моему появлению не удивились.

— Знаем, было письмо, — сказала кудрявая секретарша. — Директор приказал принять и разместить. Жить будете в общежитии, плавать на МБВ-10.

— МБВ — что? — переспросил я.

— Десять. Морской бот водолазный номер десять. Фамилия шкипера Телеев... Клава, где сейчас МБВ-10? — спросила секретарша.

— В море, — донеслось из-за стены.

— Тогда ждите до утра. Вот вам записка в общежитие, к коменданту.

Когда я опять проходил ворота, старуха вытащила из сумки чемодан, посмотрела на меня и сказала:

— Нет, батюшка, ты не трепаншик!.. Комнату снимать будешь? Есть у меня, недорого.

— Не надо.

Кое-как я нашёл общежитие.

Громадная, с прямой солдатской спиной, женщина-комендант прочитала записку, сказала: «Комната, так точно, есть» — и повела меня в конец коридора.

— Только кровать плохая, — объяснила она на ходу, — я вам завтра хорошую дам. Вот ваша комната.

Она открыла дверь.

Я внёс в комнату вещи, разделся и повалился на скрипучую, шаткую кровать.

В голове у меня ревели моторы, стучали колёса поезда.

Я лежал с открытыми глазами до тех пор, пока из вечерней темноты не выплыла скала, похожая на тонущий пароход. Она заслонила для меня весь мир.

КАКАЯ УДИВИТЕЛЬНАЯ СКАЛА!

Я уснул.

ТЕЛЕГРАММЫ

Утром мне неожиданно принесли телеграмму:

**ИЗ МОСКВЫ
ВОЛНУЕМСЯ КАК ДОЛЕТЕЛ
ТЕЛЕГРАФИРУЙ ПОДРОБНОСТИ ПОЛЁТА**

МАМА ЗИНА

Как быстро они узнали мой адрес!

Я ответил на неё:

**ИЗ ПОПОВА
ДОЛЕТЕЛ БЛАГОПОЛУЧНО САМОЛЁТЕ ЗАСТРЯЛА НОГА
КОЛЯ**

Здесь всё было правда и были подробности.

ПРИВЕТЛИВЫЕ РЫБАКИ

Отправив телеграмму, я пошёл искать МБВ-10.

За забором, около которого я проходил в первый день, прямо на берегу стояли цеха. От цехов в море уходили причалы. Рыбачьи судёнышки побольше и поменьше покачивались около них.

— Где тут МБВ-10? — спросил я.

Мне показали.

В самом конце причала стоял низенький деревянный бот. У него был прямой нос, крыша над моторным отделением и рулевое колесо на корме. На носу лежали два зелёных водолазных костюма и стояли два медных глазастых шлема. Белые резиновые шланги, как змеи, свернулись около них.

На корме стоял матрос. Плотный, невысокий и совсем молодой — мальчишка.

— Скажите, не вы будете Телеев? — спросил я его.

Матрос перешёл к носовой каюте и крикнул вниз:

— Володя!

— Что?

— Спрашивают.

— Кто?

— Кто вы будете? — спросил матрос.

— Я, собственно говоря, художник.

— Художник.

— Здесь все художники.

Из каюты на палубу один за другим вылезли три человека. Все они были в ватниках, на одном ещё кепка-блин.

— Я должен вам объяснить, — сказал я, — что у меня есть задание. Директор комбината разрешил...

Человек в кепке сказал:

— Жаботинский, ватник!

Молодой матрос нырнул в каюту, вылез и положил передо мной на причал старую ватную куртку.

— Заводи мотор! — сказал человек в кепке.

Я понял, что это и есть Телеев.

— Я не умею заводить мотор, — сказал я.

Телеев поморщился:

— Я не вам. Заводи!

Моторист уже сидел в машинном отделении. Оттуда слышался лязг, мотор чихнул и зажёлся.

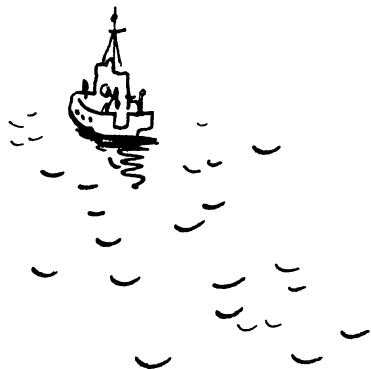
Я понял, что они уходят в море.

— Подождите, — сказал я. —

Я не ожидал, что всё будет так быстро... У меня нет с собой аппарата. Он в чемодане.

Мотор тарахтел. Палуба под ногами Телеева нетерпеливо вздрагивала.

— Какого аппарата? — спросил Телеев.

— Фотоаппарата. У меня «Зенит-ЗМ». У меня цветная плёнка.

— Глуши мотор! — сказал Телеев.

Мотор захлебнулся и умолк.

— В чём дело? — спросил моторист, высовывая голову из люка.

— У товарища есть аппарат, — сказал Телеев. — Он фоторепортёр. Надо подождать его.

— Я не фоторепортёр, я художник. И потом, сегодня уже не стоит. Мне надо разобрать вещи, привыкнуть. А то сразу так — в море...

— Как хотите. Сегодня — солнце.

— А завтра его не будет?

Телеев пожал плечами.

Моторист в люке тоже пожал плечами.

Они пожали плечами и переглянулись.

Я сошёл на причал. Моторист скрылся в машине.

Снова запустили мотор, матросы отвязали канат, и катер ушёл.

Он ушёл в море, а я отправился домой.

Сперва надо осмотреть остров.

Надо привыкнуть.

Я взглянул на часы — восемь часов утра.

ОСТРОВА НА ГОРИЗОНТЕ

Я шёл осматривать остров. Мне хотелось увидеть берег, скалы, открытое море.

Жёлтая дорога вела из посёлка в лес.

Лес был густой, непролазный. Высокая, по пояс, трава росла между деревьями. На деревьях висели, как плети, тонкие суставчатые лианы.

Я шёл по дороге.

Справа от меня между верхушками деревьев чернела большая сопка. Слева шумело море. На самой верхушке сопки виднелась ровная площадка.

Я шёл по лесу час, второй. Дорога не кончалась и не де-

лала крутых поворотов. Сопка всё время была у меня справа, море — слева. Только тень моя передвигалась: сперва она прыгала позади, потом забежала сбоку и, наконец, появилась спереди.

И тогда я понял, что кружу. Что дорога идёт по острову вокруг сопки и что если я пойду по ней дальше, то вернусь к рыбокомбинату.

Я свернул к морю, прямо на шум волн. Они шумели совсем неподалёку, но как только я сделал несколько шагов по лесу, то сразу попал в болото.

В невысокой траве лужами стояла вода. Глина не давала ей уйти в землю. Мелкому холодному болотцу не видно было конца.

Я вернулся обратно. Ноги уже совсем мокрые. Была не была! Я махнул рукой и пошёл вправо, напролом через лес к сопке.

Лес редел. Место становилось всё выше. Сопка была крутая и скользкая; изгибалось, лезло вверх и болото. Наконец я увидел море. Оно блестело на солнце.

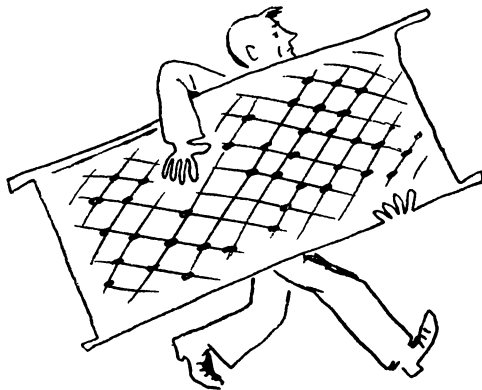
Я попал на тропинку. Несколько шагов, и моя голова поднялась над вершиной.

Вокруг до самого горизонта было море и острова.

Острова были зелёные. Они плыли по морю; приближаясь к горизонту, становились голубыми.

На вершине сопки кто-то выложил площадку из камней.
ЗАЧЕМ?

Наверно, кто-нибудь задумал когда-то строить здесь дом, заложил фундамент, а дом перетащить сюда не смог. А может, во время русско-японской войны на этой площадке стояли генералы и смотрели в подзорные трубы, как приближаются к Владивостоку серые японские миноносцы?

Дул ветер, сильный ветер, которого не было внизу.
На юге, в море, стояла розовая полоса тумана.
Я обошёл площадку кругом и начал спускаться по тропинке вниз. Идти было скользко.
ОТКУДА ЗДЕСЬ ТАК МНОГО ВОДЫ?

ДОЖДЬ

На следующий день я проснулся оттого, что кто-то барабанил по стеклу: тук-тук-тук...

Я поднял с подушки голову.

За окном шёл дождь. Небо было серое и плоское. С этого плоского неба на землю спускались серые нити. Крыши домов блестели. Блестели трава и листья деревьев. Дорога около дома потемнела. Из жёлтой она превратилась в коричневую.

В дверь постучали.

— Кто там?

— Получите кровать.

Я пошёл следом за комендантом в кладовую. Кровати все были с чугунными литыми спинками. Их нельзя было оторвать от пола.

— Тяжесть-то какая! — сказал я.

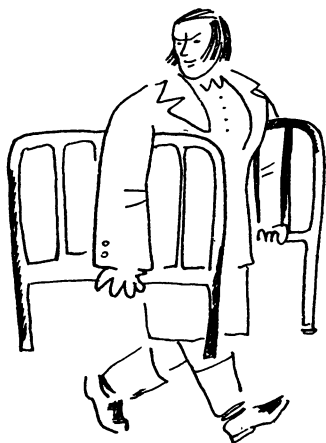
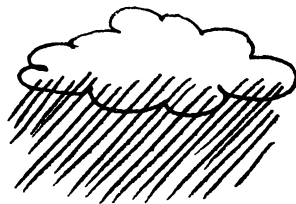
— Позвольте! — сказала комендант и подняла сразу две спинки, как пёрышки.

Следом за нею я потащил кроватьную сетку.

В комнате комендант поставила спинки — они стали как вкопанные, — бросила между ними сетку. Сетка с лязгом вошла в пазы.

— Готово, — сказала комендант, — сейчас постелю.

Она привела в порядок кровать, сдёрнула со стола старую скатерть, принесла новую, сменила в графине воду. Раз-два — и готово.

— Не понравится вам у нас, — сказала она на прощание, — быстро уедете.

— Почему вы так думаете?

— Знаю. Городским всем не нравится. Что тут — одно кино.

— Отчего же только кино? А природа? Острова кругом интересные.

Комендант посмотрела на меня с подозрением.

— Какие острова?

— Те, что рядом.

— Вы что, их видели?

— Вчера на верхушку сопки лазил.

Комендант вздохнула.

— А вот я там не была. Пятый год на острове и всё не собралась. Всё некогда. То приезжают, то уезжают, то бельё, то кровати... Красивые они?

— Острова? Очень. Все зелёные, а вода вокруг них голубая.

Комендант ещё раз вздохнула.

— Счастливо оставаться! — по-военному сказала она и вышла.

Мне надо было идти на катер.

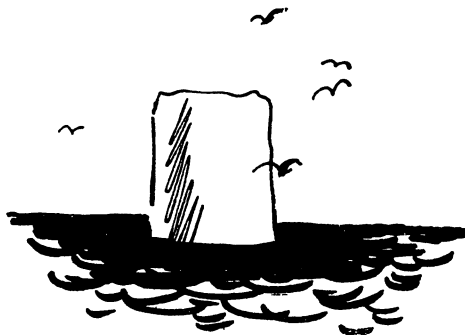
Я достал из чемодана плащ, надел свои чёрные полуботинки и вышел из дома.

Дорога раскисла и стала липкой. Она присасывалась к подмёткам. Полуботинки с писком отрывались от глины: чвик! чвик! Брызги летели во все стороны. Ноги тонули в лужах.

Когда я дошёл до причала, мои чёрные полуботинки стали жёлтыми.

На катере меня ждали.

Катер отошёл от причала.

К ОСТРОВУ СИБИРЯКОВА

МБВ-10 тархтел мотором, раскачивался на волнах, неторопливо шёл вперёд. На палубе, кроме меня, был один Телеев. Он стоял на корме за рулём и смотрел вперёд. Перед ним на машинном люке лежал бинокль.

Впереди был западный берег залива.

С неба падала мёрось. На люке, на медных водолазных шлемах — всюду были капли. У Телеева промокла кепка. Она была сплюснутая, как блин, и блестящая.

— Скажите, — спросил я, — что мы будем ловить?

— Трепангов.

— А где?

Шкипер пожал плечами.

Ветер был несильный, но с моря шла тяжёлая пологая зыбь. Она лениво раскачивала бот.

Мы подошли к берегу. Здесь зыбь вела себя совсем по-другому. Она выбегала на мелководье, поднималась горой и с рёвом обрушивалась на камни. Вода около берега была мутная, кипела и волновалась.

Вся команда вышла на палубу.

— Нельзя здесь работать! — сказал Телеев. — Придётся идти, прятаться.

— К Сибирякову?

— Туда.

Ко мне подсел один из матросов.

— Можно посмотреть? — спросил он и показал на фотоаппарат.

Прежде чем дать ему камеру, я сам посмотрел через неё на море. В зеленоватом стекле отражались хмурые берега. Шевелилась белёсая горбатая зыбь.

— Сейчас будем проходить кекур Колонну! — сказал матрос. — На ней нерпы живут. Вон она.

Катер проплывал мимо одинокой, торчащей из воды скалы. Она и верно была похожа на колонну. С одной стороны от скалы отходила в море коса. На косе лежало несколько чёрных тюленей — нерп.

Услыхав катер, нерпы нехотя поднялись.

Я взял у Телеева бинокль и стал их разглядывать. У нерп были усаые собачьи морды и блестящие — бусинами — глаза. Кипящая пена подкатывалась под их лоснящиеся бока.

Самая осторожная из нерп сползла в воду.

Катер отвернул, оставил кекур Колонну за кормой и направился к острову Сибирякова. Здесь в тихой, укрытой от волн и ветра бухточке Телеев отдал якорь.

Первым под воду полез он сам.

ПИТОМЗА

За бортом пузырилась вода. Гладкий след, который оставался за водолазом, шёл кругами.

Телеев бродил по дну.

— Как танк ходит, — с уважением сказал матрос.

Его звали Володя Шапулин. Пока мы шли к острову, он рассказал мне о команде.

Шкипер катера, он же старший водолаз, — Володя Телеев.

Моторист — Самойлов. Прозвище — Дед.

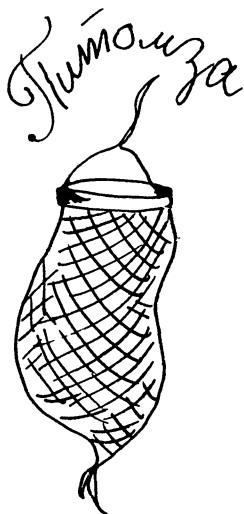
Матрос — Веня Жаботинский. Второй водолаз — он, Шапулин. И всё.

Команда четыре человека. Когда много работы, Телеев берёт с собой ещё одного-двух водолазов.

Сейчас работы немного.

— Трепанга стало меньше. Выбрали его, — объяснил Володя. — Надо новые места искать. Раньше, бывало, только спустишься, готово — полную питомзу набрал. А сейчас!..

Питомза — верёвочный мешок. В неё водолазы собирают трепангов.

Передо мной около телефона стоял Дед — Самойлов. Он слушал водолаза. Он был молод, белобрыс и на деда ничуть не похож. Только нос у него был действительно широкий, как у Деда-Мороза.

Телеев сделал под водой ещё круг и начал приближаться к катеру.

— Стой! — крикнули ему в телефон.

Пузыри всплывали уже у самого судна.

На дно опустили на верёвке карабин — стальной крючок с защёлкой. На карабине — пустую питомзу.

— Готов! — прохрипел телефон.

Верёвку стали тащить.

Наконец из глубины показался серый мешок, набитый чем-то блестящим, коричневым

Питомзу перевалили через борт, раздёрнули шнурок, которым она была завязана, и из мешка на палубу хлынул поток шишковатых, скользких, похожих на кедровые шишки червей.

Это были трепанги. Среди них были и большие — с ботинок, и маленькие — с кулак.

Пустую питомзу, которую опустили на крючке, Телеев снял и оставил у себя.

ЗВОНКОЕ СЛОВО: ПИ-ТОМ-ЗА!

РИСУНОК

Трепанги лежали на палубе, скользкие и безмолвные. Они шевелились чуть-чуть, почти незаметно.

Шапулин и Веня выпотрошили трепангов, промыли их, уложили в бочку. Поверх трепангов налили воды.

На палубе стояло три бочки. Это наша норма, наш план. Ради этих бочек мы и пришли к острову.

Я сунул в бочку руку и вытащил оттуда трепанга. На ощупь он был совсем как резиновая игрушка. Упругие шишечки на его спине торчали во все стороны.

Я вытащил альбом и нарисовал его.

Первый рисунок для книги готов.

ОНИ ОЧЕНЬ РАЗНЫЕ

Домой мы возвращались вечером.

Я сидел вместе с Шапулиным на люке. В ногах у нас стояли бочки с трепангами.

— Какие они все разные, — сказал я, — коричневые, жёлтые, пёстрые.

Шапулин кивнул.

— Очень разные, — сказал он. — Другой раз посмотришь на дне, каких только нет. Вон один с края лежит — совсем чёрный. Говорят, даже белые есть. Только мне не попадались.

— Белые как снег?

— Не знаю.

Сегодня Шапулин опускался последним. Сейчас он отдыхал. На нём был грубый шерстяной свитер, штаны, связанные заодно с носками. Он сидел как большая шерстяная кукла. В горле свитер был сильно растянут, и шея торчала из него.

— Я школу после восьмого класса бросил, в техникуме учился, — рассказывал Шапулин. — В сельскохозяйственном. Механизаторов из нас готовили. Я моторы хорошо знаю. Неделя осталась до экзаменов — уехал. Сюда завербовался на два года.

— Что же так?

— Не знаю, понесло меня... Здесь мотористом сначала был. На МБВ-5 плавал. Не понравилось: стучит сильно. И потом, всё время внизу, без воздуха.

— А как же ваш Дед?

— Так он настоящий моторист, а я — так.

На палубу вышел Жаботинский. Он потянул

ся, сделал упражнение — шпагат и полез на рубку набрать из бочки пресной воды.

Набрав чайник, он потащил его в кубрик. Из открытого люка повалил голубой ядовитый дымок. Загремели жестяные кружки. Жаботинский готовил чай.

— Говорят, все животные бывают чёрные и белые, — сказал Шапулин, — даже слоны. . . Я учиться зимой хочу. Школу, дурак, бросил. Как думаете, теперь смогу?

— Теперь тяжело. Не знаю.

— Зимой мы на берегу болтаемся. Я буду стараться.

БАМБУК

Рядом с бочками лежал кусок бамбукового ствола. Настоящее бревно, только пустое и с перегородками.

ЗАЧЕМ ОНО?

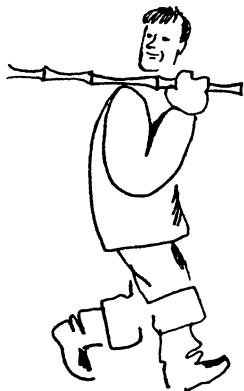
Когда про человека хотят сказать здесь плохое, про него говорят: «Бамбук!»

Придя домой, мы стали сдавать трепангов.

— Жаботинский — бамбук! — крикнул Телеев.

Ага!

Но Веня не обиделся, а поднял бамбуковый ствол. У каждой бочки была сверху верёвочная петля. Жаботинский продел бамбук в такую петлю и положил конец ствола на плечо. За второй конец взялись Дед и Шапулин.

Они подняли стокилограммовую бочку. За один конец двое здоровых парней, за второй — один, маленький квадратный Жаботинский. Осторожно ступая, они понесли бочку с катера в разделочный цех.

Я вспомнил: Жаботинский — знаменитый силач. Значит, Веня — по праву его однофамилец.

И ещё я понял, зачем на катере бамбук. Тут никакое другое дерево не выдержит.

БАМБУК — ЭТО ХОРОШО!

Дождь лил третий день подряд.

Я сидел в комнате, как в плену. Я не мог идти на катер. Я голодал.

Дорога превратилась в реку из жёлтой грязи. Лужайки за домом стали чёрными.

Я понял: мне нужны сапоги. Резиновые, высокие, как у всех на острове.

Я надел свои раскисшие полуботинки и отправился в магазин.

Магазин стоял на горе. Я лез к нему наверх по щиколотку в грязь. Я скользил, цеплялся руками за кусты. Жёлтые ручьи текли мне навстречу.

Я ввалился в магазин и прохрипел:

— Сапоги!

Девушки-продавщицы очень удивились:

— Вы о чём?

— Мне нужны сапоги. Резиновые. Сорок второй размер. Срочно. Высокие, до колен.

— Сапог нет, — ответили девушки.

Ноги перестали меня держать, и я упал на подоконник.

— Поймите, девушки, — сказал я. — Я приехал издалека. Мне надо всё время ходить. У меня есть босоножки. Но я не могу в них. Я тону в грязи.

— Сапоги все разобрали, — сказали девушки.

— Милые! — взмолился я. — Я приехал издалека.

— Катя, поищи, там какие-то ещё есть, — сказала продавщица постарше.

Та, что помоложе, принесла из задней комнаты маленькие резиновые сапожки.

— Только такие, — сказала она, — только детские, на пять лет.

— Мне не пять лет. — Я уже чуть не плакал. — Мне тридцать четыре. У меня ноги сорок второй размер!

— Странный вы человек, — сказала старшая. — Сапоги покупают заранее. Вам говорят ясным языком — взрослых сапог нет. Зимой. . .

Я покачал головой. Зимой меня здесь не будет. Я буду ходить дома, по асфальту, в галошах...

Стоп! Это идея!

— А галоши у вас есть?

— Сорок первый размер.

— Давайте.

Я заплатил деньги и получил пару блестящих, словно облитых маслом, галош. Я примерил их. На полуботинки галоши были малы. Ничего!

Я снял полуботинки и надел галоши. Я надел их просто так, на носки.

Я знал, что спасёт меня. БОСОНОЖКИ. Они меньше, а в крайнем случае их можно обрезать.

Пусть никто ещё не ходил в галошах, надетых на босножки. Я буду первый. Как Колумб.

Мне не страшна теперь никакая грязь.

Я вышел из магазина и пошёл самой серединой улицы. Я не шёл, а плыл по грязи. Я плыл как Колумб к Антильским островам.

На дождь я не обращал никакого внимания.

ТЕПЕРЬ ДОЖДЬ МНЕ НЕ СТРАШЕН!

ЛЕСНЫЕ ВОДОПАДЫ

Я шёл по лесу.

Лес был мокрый, сырой. В нём хорошо слышались все звуки.

За мной кто-то шёл следом.

Я сразу заметил это. Шагов слышно не было, но ветки позади то прошумят, то замолкнут. То сзади, то сбоку.

Я остановился и стал ждать.

И тут совсем рядом, под соседним деревом, кто-то как забарабанит. Я — туда. Никого.

Я постоял на месте, послушал и понял.

Шумели капли. Маленькие капли воды. Сорвётся капля с самой макушки, упадёт пониже на лист. А там на листе другая капля лежит. Сольются они, станет листу невмочь держать их, прогнётся он и уронит — уже две капли. А там, ниже, четыре... восемь... И рухнул вниз дробный лесной водопад.

Послушал я и пошёл дальше. Шёл, пока не наткнулся на развалины. Видно, стоял здесь когда-то дом. Только, наверное, очень давно. Тут фундамент когда-то был, здесь — стена... Всё погребено в траве, сквозь пол дерева проросли, водой залит подвал.

Хотел я кирпич поднять, ухватился за него, а он развалился в руке — раскис.

Видно, здесь когда-то самые первые поселенцы на острове жили. Лет двести назад.

Обошёл я развалины кругом. Куст, под кустом сухой кусок стены. На нём кто-то копотью вывел:

ЖИЛ В ЭТОМ ДОМЕ... фамилия неразборчиво и год: 1956.

Вот тебе и двести лет! Всего десять лет как ушёл человек.

В лесу как в воде: что упало, затянулось травой, плесенью, мхом — утонуло, ушло на дно.

Десять лет — как десять метров глубины: кое-что ещё рассмотреть можно.

Пятьдесят — и следов не найти.

ЕЩЁ РИСУНОК

— Николай, там осьминога привезли! — сказал мне Дед.

— Где?

— На первом причале. На сейнере лежит.

Я схватил альбом и побежал на первый причал.

У причала стоял малый рыболовецкий сейнер — МРС. На палубе в дощатой выгородке была навалена пластами рыба. Она тускло поблёскивала, как жёсть.

Поверх рыбьих приплюснутых тел лежало что-то фиолетовое, в пятнах. Это был осьминог. Он скорчился, застыл и был похож на лепёшку студня.

Вот он какой!

Я спросил рыбаков:

— Можно мне его взять?

— Варить?

— Рисовать.

— Поздно. Мы уже на завод сообщили. Сейчас его заберут.

— Я тут недолго.

Осьминога перенесли ко мне на причал.

Он был вялый и неподвижный. Ни одно щупальце не шевелилось. Я стал искать глаза. Их не было. Только по бокам головы были две плотно закрытые щёлки.

Я развёл ему щупальца. Присел на корточки и стал рисовать.

На рисунке я сделал осьминога не таким плоским и дряблым.

По-моему, получилось хорошо.

Только я кончил, пришли две женщины в ватниках. Они положили осьминога на носилки и унесли. Осьминог лежал на носилках как пласт. Тело его в такт шагам тряслось и покачивалось.

Итак, ещё один рисунок сделан. Есть ещё одно морское животное.

ПУСТАЯ КОМНАТА

Каждое утро, когда я шёл на катер и проходил ворота, меня останавливала старуха сторож.

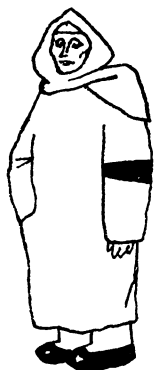
— А, это ты, батюшка? Всё ходишь? — спрашивала она.

— Хожу.

— Всё общим житием живёшь?

— В общежитии.

— А у меня комната пустая...

Старуха вздыхала.

Однажды я не выдержал.

— Бабушка, — сказал я, — не беспокойтесь, мне и там хорошо. А комната вам самой нужна.

— Не нужна теперь, — сказала старуха. — Сын прежде в ней жил.

— Он что — уехал?

— Погиб он... Водолазом был... Прошлым летом погиб...

Старуха стояла в воротах и как-то странно, просительно смотрела на меня.

Я смутился.

— Если кому-нибудь понадобится комната, я скажу. Я обязательно пришлю таких людей к вам, — сказал я. — Скоро мои знакомые из Владивостока должны приехать.

Я сказал и подумал, что Букину и Лизе незачем останавливаться у кого-то на один день.

Просто мне хотелось ободрить старуху. Уж очень невесёлой она выглядела.

ПОД ВОДУ

На катер для меня притащили легководолазный костюм и помпу.

— Только сначала сдашь зачёты, изучишь правила, тебя осмотрит врач, — сказал Телеев. — Чтобы всё было в ажуре. А то отвечай за тебя.

— Отвечать всё равно придётся, — сказал Дед.

Он не очень-то верил, что на Чёрном море я уже опускался в акваланге.

Для пробы меня опустили на пятнадцать минут около причала на глубину три метра.

Сначала надели костюм.

Костюм был как детская матрёшка: из двух половинок.

Рубаха и штаны надевались на широкое стальное кольцо-пояс. Поверх пояса затягивалось второе кольцо. Половинки соединялись, прижимались друг к другу. Шлем у костюма был мягкий, похожий на капюшон, только с маской.

Меня одели и начали опускать. Опускали постепенно. Вода была мутная. Ничего, кроме обросшей ракушками причальной сваи, я не видел. С моря шла зыбь. Меня качало и ударяло о сваю. Стук головой, стук! Я сразу попросился наверх.

— Написано в инструкции: первый раз держать пятнадцать минут, — ответил по телефону Телеев.

КАКАЯ ЕРУНДА!

Меня вытащили на шестнадцатой минуте.

— Вот теперь можешь опускаться с водолазами. Снимай и рисуй под водой сколько хочешь! — сказал Телеев. — Самочувствие как?

— Ничего. Сваи у вас что — железные?

— Железные.

— Чувствуется!

ЕЩЁ ТЕЛЕГРАММЫ

Не успел я прийти домой, как мне вручили новую телеграмму:

ИЗ МОСКВЫ

ТВОЮ ТЕЛЕГРАММУ ПОЛУЧИЛИ

ТЕЛЕГРАФИРУЙ ПОДРОБНОСТИ РАБОТЫ

МАМА ЗИНА

Я ответил:

ИЗ ПОПОВА

НАЧАЛ СПУСКИ УДАРИЛСЯ ГОЛОВОЙ О СВАЮ

КОЛЯ

Через два дня я опустился в водолажном костюме по-настоящему, в море.

Мы работали у восточного берега острова.

Берег был пустынный.

На нём стояли, как изваяния, каменные столбы.

— На острове Пасхи, в Тихом океане, есть очень похожие фигуры, — сказал я, — только они изваяны рукой человека, а эти?

— Ветер да море, — сказал Телеев. — Бывает, заштормит, так их водой как ножом режет.

Он сидел на перевёрнутом ящике и отдыхал, прежде чем пойти второй раз под воду.

Одели и меня. Я взял аппарат, пластмассовый мешочек на верёвочке, выждал, когда запустят помпу, проверил телефон, закрыл окошко маски и полез за борт.

Последняя ступенька лесенки. Я шагнул вниз. За окошечком запузырилась вода.

Меня опускали, держа за шланг и сигнальный конец, Шапулин и Жаботинский.

Опускали быстро. Мимо прошёл чёрный катерный борт. Наискосок в сторону убежал якорный канат.

Снизу вынырнуло из голубой тьмы и стало приближаться морское дно.

Я уже почти касался его ногами, как вдруг дикая боль вошла в уши. Будто в барабанные перепонки кто-то ввёл по острому гвоздю и, проткнув их, стал сверлить мозг. Я закричал.

— В чём дело? — спросил Шапулин.

— Стой!

Спуск прекратили.

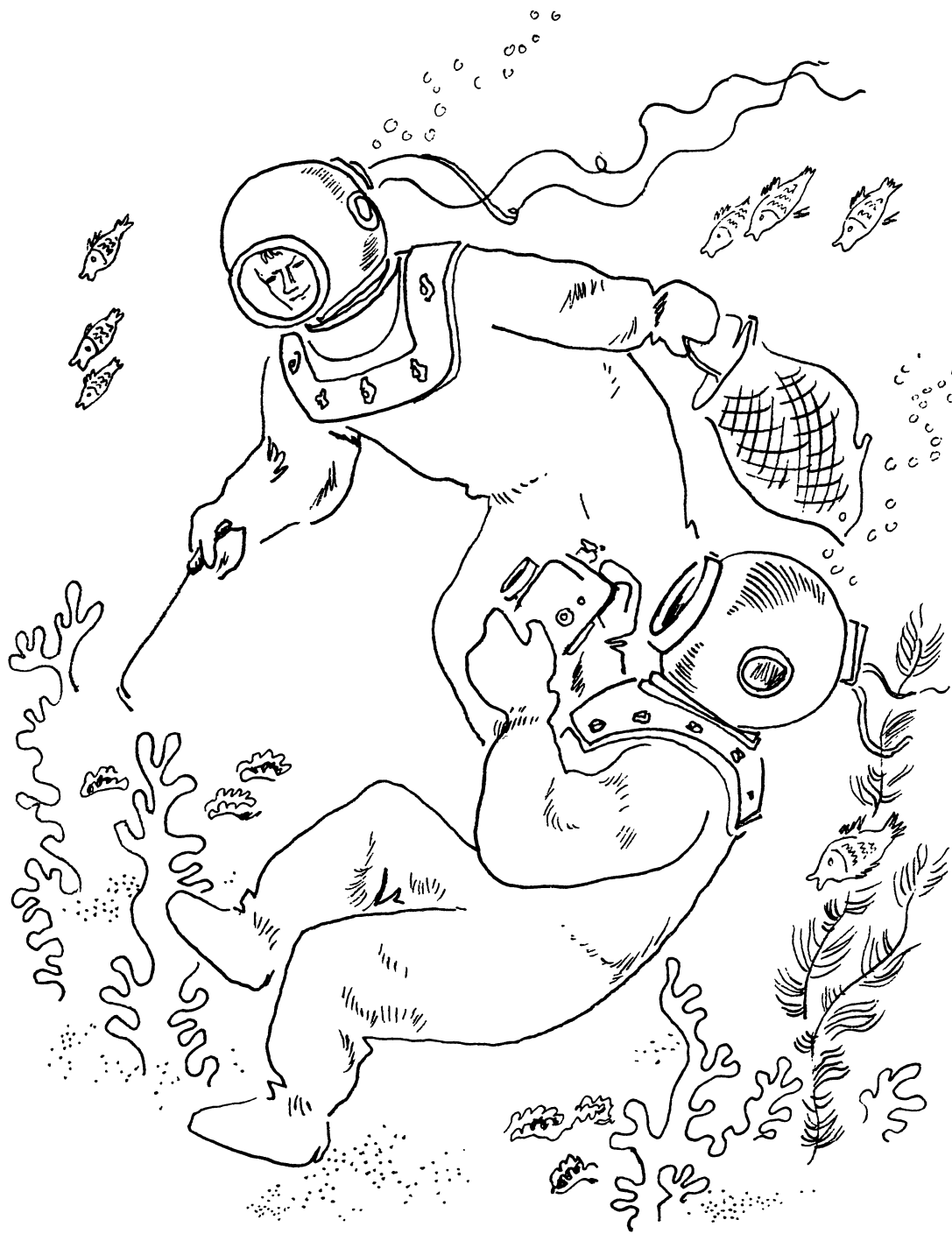
— В чём дело?

— Уши!..

Меня стали поднимать.

Я не чувствовал ничего, кроме боли в ушах. Только когда моё плечо стукнулось о дно катера, боль немного утихла.

— Ну как? — спросили по телефону.

Я молчал.

— Будете выходить?

— Повисю.

Я висел под катером, следил, как притупляется в ушах боль и раздумывал: как надо говорить—«вишу» или «висю»?

Ни одного правила грамматики вспомнить под водой я не мог.

НАВЕРНОЕ, «ПОВИШУ».

— Давайте опускайте! — сказал я наконец. — Только осторожно.

Потихоньку, с остановками, меня опустили на дно.

Дно было покрыто крупной белой галькой. Кое-где среди камней росли кустики бурых

водорослей. Пучеглазая камбала, увидев меня, подплыла и легла рядом.

Она, наверно, первый раз в жизни видела человека.

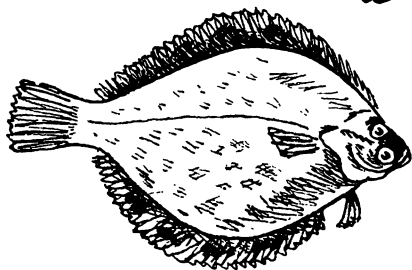
Я присел на корточки, протянул руку и потрогал её. Рыбина едва шевельнулась.

Я поднял бокс с фотоаппаратом, навёл его на камбалу, щёлкнул и сообразил, что не взвёл затвор.

Камбала терпеливо ждала.

Я снял её три раза подряд. Только тогда она уплыла.

Камбала

ТОТ САМЫЙ ТРЕПАНГ

Кто-то ухватил меня за ногу. Я испуганно дёрнулся.

Позади меня зелёной горой стоял Телеев. Через окошки в шлеме было видно, что он улыбается. На берегу или на катере я ни разу не видел, чтобы он улыбался, а тут — пожалуйста!

Я уселся, вытянул ноги и стал фотографировать его. Я фотографировал, как работает водолаз.

Телеев брёл по дну, сильно наклонясь вперёд. Он шёл как против ветра, рывками таща за собой шланг. В одной руке у него была питомза, в другой острый крюк с рукояткой — багорок.

Багорком он подбирал трепангов.

Трепангов было много. Они лежали толстые, шишковатые, изогнутые, припав плоскими животами ко дну.

Телеев подходил, накалывал трепанга, стряхивал его с багорка в питомзу.

Питомза волочилась за ним, как раздутая от проглоченной добычи змея.

Я пошёл было за Телеевым, но скоро отстал. Он и вправду двигался как танк.

Я не сразу понял, что идти надо, почти касаясь телом грунта, почти ложась и глубоко зарывая носки галош.

Каждый шаг давался мне с боя.

К тому же я забыл, что меня держит на месте шланг.

— Потравить? — спросил наконец Шапулин.

— Потрави.

Он дал шлангу слабину, и идти сразу стало легче.

Я не захватил с собой багорок и помогать Телееву не мог. Я уселся около якоря. От него отходил вверх канат. Прямо надо мной на этом канате, как дирижабль на привязи, плавал катер.

Я снял его и стал собирать в пластмассовый мешок жителей морского дна.

Их я зарисую на палубе сразу же, как только поднимусь. Пока они живые, пока не изменили форму и цвет.

На камнях сидело несколько бурых актиний. При моём приближении они спрятали щупальца, сжались, замерли и стали похожи на грибы.

Лиловые с красными пятнышками морские звёзды едва заметно копошились среди камней. Из-под одной звезды торчал белый раскисший хвост полусъеденной рыбыны.

Я положил в мешок звезду, актинию, несколько трепангов.

Рядом с полусъеденной рыбиной лежал на гальке ещё

один трепанг. Он был, наверное, дохлый или больной — бесцветный, желтовато-серый. Я не хотел его брать, но увидел, что шишечки на его спине шевелятся.

Я бросил и его в мешок.

— Поднимаем! — сказал Шапулин.

Поднимали меня осторожно, с выдержкой.

На палубе я снял рубаху и привалился спиной к борту.

В ушах потрескивало, ныло.

Телеев был ещё на дне. Он набирал уже третью питомзку.

Я вытряхнул содержимое своего мешка на доски.

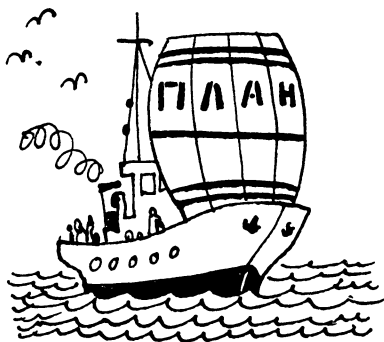
— О, — сказал Веня, — белый трепанг!

Я удивился.

Вот он какой знаменитый белый трепанг!

Очень обыкновенный.

САМОЕ ВАЖНОЕ В МОРЕ

Мы возвращались домой. Нашёл туман и закрыл берег. Через серую туманную полосу зелёным пятном пробилась луна.

Бот шёл вдоль туманной полосы.

Мы с Телеевым сидели на палубе. Веня стоял у руля. Остальные спали в кубрике.

— Знаешь, что самое важное в море? — спросил меня Телеев.

— Компас.

— А ещё?

— Карта.

— А если подумать?

— Мотор. Без мотора пропадёшь.

Телеев приподнялся, запахнул ватник.

— План, — сказал он. — Без плана не приходи домой. Он ушёл в кубрик, оставив меня раздумывать над значением своих слов.

Не выдержав, я полез за ним.

— Так что же, — шёпотом спросил я, — получается так: море, туман — ерунда? Ведь это не завод, а КАТЕР!

— Не ерунда, — ответил мне из темноты Телеев. — Только у нас жизнь такая: на первом месте план. Дай добычу... Спать-то ты будешь?

— Посижу наверху.

Луна и туман по-прежнему красили море во всё зелёное. Бот поскрипывал и покачивался. Он тёрся бортом о волны, и от этого по палубе растекался приятный шум.

Мы пришли на комбинат под утро.

СВАДЬБА

В общежитие я добрался — было светло, — открыл дверь и не узнал комнату.

Посреди пола чернела яма. Торчали сломанные доски, и в глубине висела паутина.

Кто-то кашлянул сзади. Я повернулся. В коридоре стояли комендант и ещё два человека. Плечистые мужчины в свитерах с растянутыми воротами. Сразу видно — водолазы.

— Извините, товарищ, — сказала комендант; — без вас авария получилась. Говорила я им — на цыпочках. А они — вприсядку.

Водолазы посмотрели друг на друга.

— Разошлись малость, — сказал один.

— Свадьба у нас была. Товарищ женился. Такое дело получилось.

— Вещички ваши я на это время уносила, — сказала комендант.

Я посмотрел на водолазов снизу вверх.

ЕСЛИ ТАКИЕ РАЗОЙДУТСЯ!

— И часто у вас бывают свадьбы? — спросил я.

— Часто.

— М-да. Я, знаете, сам люблю потанцевать. Но, конечно, вальс. А тут, как видно, танцевали всерьёз.

— Говорила им, чертям: легче, легче, — объясняла комендант. — Да разве послушают! Придётся вам мою комнату занять. Не в яме же спать.

— Спасибо, — ответил я и вдруг вспомнил старуху в проходной. — Мне здесь давно хорошую комнату предлагают. Очень спокойная семья. Не танцуют.

— Да бросьте вы, — сказал водолаз. — Мы вам быстро починим. Сейчас чурбачки подложим, доски набьём, покрасим. Денёк-два сохнуть будет, а потом — лучше старого. Пол мы вам теперь в две доски настелем.

— В деревнях на улице танцуют, — сказала комендант. — А тут нельзя: то дождь, то туман... Говорила я им: на цыпочках! Нет дисциплины у людей. Сразу видно — не были в армии!

— И всё-таки я уйду, — сказал я. — Мне там будет лучше.

ЕЩЁ СТАРИК СО СТАРУХОЙ

Я перетащил вещи к старухе.

— Давно бы так, — сказала она. — Вот твоя, родимый, комната.

Мы вошли в маленькую, очень чистую комнату. В ней стояли кровать и стол.

Стена над столом была вся заклеена фотографиями. На каждой фотографии был один и тот же парень — молодой, улыбчивый, в тельняшке или в бушлате.

— Ваня мой, — сказала старуха и печально кивнула, —

как с флота пришёл, так одежду военную не снимал. Правилась она ему.

— Видно, вы очень его любили. Вы часто ходите к нему на могилу? — спросил я.

Старуха покачала головой.

— Нету его здесь. В город увезли и нам не показали. Очень они тогда торопились — всё думали, что спасут. Там и похоронили. Только бумажку прислали. На фронте деда моего не убило, а сына тут — без войны... Вон дед идёт с причала, всё катера из города встречает.

К дому по дорожке поднимался старик. Он шёл прямо, не торопясь. Увидев меня в окне, не удивился, а подошёл к крыльцу, скрипнул дверью и — слышно было — ушёл к себе.

— Живи, батюшка, — сказала старуха. — Всё нам веселее... Так ты не трепаншик?

— Художник я.

— И это неплохо. Живи. Старика моего звать Иваном Андреевичем. Ты здоровкайся с ним, он это любит.

Она ушла.

Я остался в комнате, где были кровать, стол и много-много фотографий.

ОКТОПУС ВУЛЬГАРИС

Я шёл вдоль комбинатовского забора.

— Николай! — крикнул кто-то сзади.

Я оглянулся и увидел Лизу, Букина и какого-то солидного мужчину в чёрном берете и очках.

— А-а! — закричал Букин. — Я говорил, мы его быстро найдём. Знакомьтесь!

Человек в очках помахал рукой. Пальцы у него были толстые и вялые, как сосиски.

Я протянул ладонь. Человек вложил в неё две вялые сосиски.

— Очень приятно, — сказал он.

— Это известный кинорежиссёр, — объяснил Букин, — через неделю приезжает сюда его экспедиция. Будут снимать картину про осьминогов. Вы как художник и местный житель можете быть полезны.

Я посмотрел на режиссёра. Его лицо показалось мне знакомым.

— Простите, — сказал я, — мы с вами нигде не встречались?

— Возможно, возможно, — сказал он.

— Постойте. . . Чёрное море. . . Взрыв мины для учебного фильма. . . Рыбы на дне. . . Ну конечно, это вы! Помните, наша шхуна подошла к месту взрыва. Я ещё нырял, осматривал дно? Знаете, как мы вас называли тогда — Главным киношником.

— Ах, вот оно что! Припоминаю: был такой фильм. И шхуна, верно, была.

— А вы всё на морскую тему снимаете?

— Да, знаете, поручают. Один фильм удался, второй. . .

— Товарищ режиссёр снимает почти все фильмы о морских животных, которые делаются у нас, и он часто ездит за границу, — сказала Лиза.

— Так чем я могу помочь? — спросил я.

— Трудно сказать. Пока ясна только общая идея.

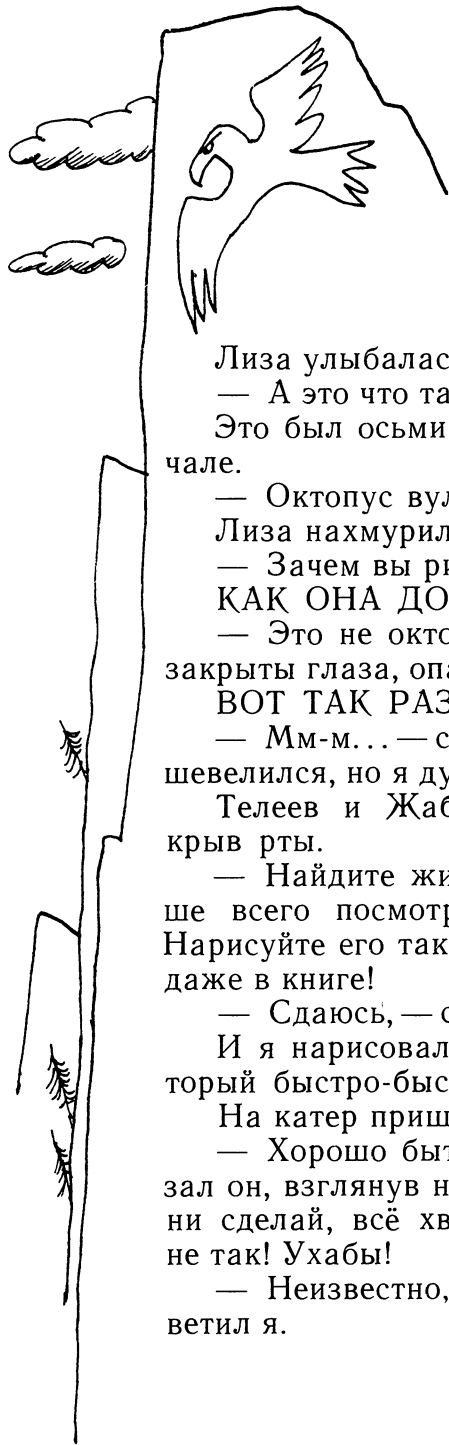
Главный киношник кивнул мне. Букин сказал: «Салют!» Оба ушли в контору. Лиза осталась.

— А нам надо работать, — сказала она. — Покажите, что успели нарисовать. Я привезла вам альбом «Животные Японского моря». Но предупреждаю: животные там невыразительные. Их не рисовали, а срисовывали. Где присядем?

— Все рисунки на катере.

— Идёмте туда. . .

Мы сидели на палубе, на потёртых нетвёрдых досках. Я доставал из папки по одному рисунку, Лиза смотрела их. На каждом она писала два названия животного. По-русски и по-латыни.

— А как будет осьминог? — спросил я.

— Какой?

— Обыкновенный.

— Октопус вульгарис.

Около нас сидели Телеев и Жаботинский.

Лиза улыбалась. Видно, рисунки ей нравились.

— А это что такое? — вдруг спросила она.

Это был осьминог, которого я нарисовал на причале.

— Октопус вульгарис, — гордо ответил я.

Лиза нахмурилась.

— Зачем вы рисовали его мёртвого?

КАК ОНА ДОГАДАЛАСЬ?

— Это не октопус, а безобразие! Видите, у него закрыты глаза, опали надглазные бугорки.

ВОТ ТАК РАЗ!

— Мм-м... — сказал я. — Он действительно не шевелился, но я думал...

Телеев и Жаботинский смотрели на Лизу открыв рты.

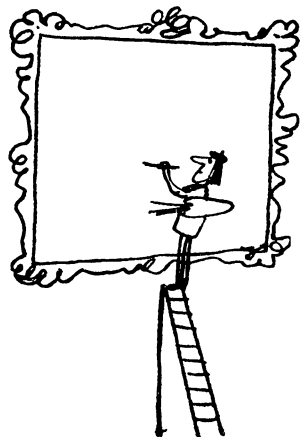
— Найдите живого и рисуйте. Лучше всего посмотрите его под водой. Нарисуйте его так, чтобы он шевелился даже в книге!

— Сдаюсь, — сказал я. — Такого?

И я нарисовал Лизе осьминога, который быстро-быстро шевелил лапами. На катер пришёл Букин.

— Хорошо быть художником, — сказал он, взглянув на мои рисунки. — Что ни сделай, всё хвалят. В науке, брат не так! Ухабы!

— Неизвестно, где их больше, — ответил я.

СПОР

И мы поспорили.

Я сказал:

— Художники — самые несчастные люди на земле. То рисуешь сказки, то копёр, который забивает сваи. А к чему настоящее твоё призвание, не знаешь. Или узнаешь, прожив полжизни. Вот один художник, говорят, двадцать лет ситец расписывал, горошинки на нём рисовал, а потом вдруг что-то ему стукнуло в голову, полез в горы, выбрал

высокую скалу и давай на ней орла выбивать. Зубилом и молотком. Два года в люльке, знаете, в которой маляры работают, висел. Еду ему в корзинке сверху со скалы спускали. Выбил орла, все посмотрели и ахнули — хороший орёл получился! Он сейчас же на другую гору. Вот так. А в науке всё ясно.

— Что ясно? — возмутился Букин.

— Над чем работать.

— Это не так, — сказала Лиза. — Каждый учёный — узкий специалист. Попробуй угадай, чем всю жизнь заниматься. Одни занимаются глистами рыб, другие — двадцатиногими рачками. Третьи — движением кальмаров. Переучиваться некогда. Кто сразу правильно не выбрал, привыкнет и сидит, коптит небо.

— У нас есть приятель, — сказал Букин, — так он всю жизнь просидел на рыбьих хвостах. Далеко, шельмец, пошёл — доктор наук!

— Работать надо, а не менять темы, как ты, — сказала Лиза. — Впрочем, когда всё время хвосты да хвосты, тоже плохо. . .

И она рассказала о страшной силе привычки, которая убивает всё лучшее в человеке и даже в рыбе.

ТОЛСТАЯ ЛУША

Её вытащили сетью тихим сентябрьским утром.

Маленькая белужка лежала на дне баркаса, разевая маленький кривой рот.

Ей повезло. Баркас принадлежал биологической станции. Весь улов привезли в Севастополь и пустили в аквариумы и бассейны.

Белужка попала в большой бассейн. Бассейн был круглый, в самой середине зала. Стены зала были стеклянные. За ними плавали освещённые слабым светом голубоватые рыбины.

— Белужка! — сказала тоненькая девушка в ватнике, которая пересаживала рыб. — Тебя-то нам и не хватало... Белужка. Лушка-бе!

Девушка была очень молода, любила выдумывать новые слова и прозвища.

Так маленькая белуга стала Лушкой.

Лушка оказалась в бассейне меньше всех. Меньше плоского, с кнутиком-хвостом, морского кота, меньше головастых лобанов — кефалей и уж давно меньше осетра, жившего на станции второй год.

Девушка не забыла Лушку. Она приходила каждый день, всегда в зелёном ватнике. Под ватником виднелось то голубое, то розовое цветастое платье. Ведь наверху, в мире, который никогда не видела Лушка, ярко светило солнце, стояла ещё летняя жара. А здесь сочились из каменных стен на пол холодные капли и мерно журчала вода, взятая насосами с самого дна моря.

Шло время.

Лушка плавала вдоль стенки бассейна — всё вперёд и всё влево, круг за кругом, час за часом, день за днём, месяц за месяцем.

Однажды она заметила, что лобаны, которым случается столкнуться с ней, уступают ей дорогу, и удивилась, почему они раньше казались ей большими.

Лушка совершенно забыла море, леса рыжих водорослей и песчаное дно, на котором так весело было гоняться за се-

ренькими крабишками. Среди людей, беспрестанно толпившихся в зале, она научилась узнавать девушку в зелёном ватнике. Завидя её, Лушка подплывала к краю бассейна и, тыча мордой в цемент, ждала, когда в воду полетят пахучие куски рыбьего корма.

Месяцы складывались в годы. Лушка уже переросла осетра. Потом осётр куда-то исчез. Менялись один за другим обитатели аквариумов, и только Лушка величественно и сонно делала свои круги по бассейну — вперёд и влево.

Она превратилась в большую, покрытую костяной бронёй пузатую рыбину.

— Ты теперь настоящая Луша! — сказала однажды девушка, наблюдая за неторопливым движением своей любимицы. — Четыре года здесь. Четыре года... Какая ты стала толстая!

Девушка грустно засмеялась, а маленькая Лушка с этого дня стала Толстой Лушей.

А вскоре, может быть через неделю, может быть через год, случилось ещё одно событие.

Толстая Луша заканчивала свой обычный круг по бассейну, когда здание станции вздрогнуло. Удар передался в воду и переполошил рыб.

С этого дня такие удары стали постоянными. Исчезли праздные посетители. Рыб стали кормить реже. Люди, забегавшие в зал, без конца повторяли слово «война», которое, как и другие слова, ровно ничего не говорило рыбам.

И вот настал день, когда в зале вновь сталолюдно и как никогда тревожно. Люди торопились. Они спускали из аквариумов воду, вычерпывали рыб, уносили их куда-то.

Среди этих людей работала девушка.

Очередь дошла до Луши. Большой сетью её выволокли на каменный пол, подхватили на руки и, как бревно, потащили длинным коридором.

Толстая Луша не билась, а только без-

звучно вздыхала, тяжело раскрывая громадный изогнутый рот.

Коридор соединял зал с набережной. На набережной у каменных плит тревожно бормотала вода. Из бухты, прощально перемигиваясь фонариками, уходили в море корабли.

Лушу с плеском бросили в воду. Она замерла, словно в растерянности, а затем начала тереться мордой о шершавый камень, обросший чёрными дольками мидий.

Девушка наклонилась к воде и помахала Луше рукой. Та привычно замерла, ожидая корма.

Принесли багор и багром кое-как оттолкнули Лушу от стенки. Поняв наконец, что от неё хотят, она повернулась мордой к морю и робко, нехотя шевельнув хвостом, поплыла.

Она плыла, медленно удаляясь от берега одним и тем же заученным движением — по кругу, вперёд и влево, как плавала много лет подряд.

Ошеломлённые люди молча стояли на стенке и смотрели ей вслед.

В тишине послышалось всхлипывание. Это плакала девушка.

Луша плыла, как всегда, у самой поверхности. Тёмные кольца от её движения всё удалялись и удалялись от берега, пока их не накрыла синяя полоса ряби. Шёл шквал — предвестник приближающегося шторма.

Ночью разыгрался ветер. Гудели ревуны на буях. Всю ночь по бухте сновали задержанные штормом корабли. . .

Прошли ночь и день. Вечером к причалу на северной стороне бухты прибило безжизненную тушу громадной рыбы.

У причала стоял последний уходивший из Севастополя миноносец. На борту его оказался работник станции. Он узнал Толстую Лушу. В её теле зияла рана. Левый бок почти до хребта был рассечён пароходным винтом.

Встретясь ночью с кораблём, белуга не смогла уклониться от удара и погибла, так и не сумев выйти из бухты. . .

Когда Лиза кончила рассказывать, я сказал:

— А я знаю, кто была эта девушка. Это были вы?

Она кивнула.

СЫН

Я решил, что пора рассчитаться с хозяевами за комнату.

— Бабушка, — сказал я однажды, когда старуха пришла ко мне убирать, — скоро месяц, как я живу.

— Ну и живи.

— Очень мне хорошо тут у вас. Хорошая комната. Тихо.

Старуха походила по комнате, остановилась перед фотографиями и сказала:

— Говорят, Ваня мой, сыночек, на помощь звал, а его не слышали. . . В город увезли, да так и не привезли обратно — непогоды сильные в ту пору начались. Кто хоронил, и хоронил ли, не знаем, а у нас только митинг на комбинате был, речи говорили. Старик мой ходил, а у меня сил не хватило. . . Учительница у соседей живёт, та и сейчас к нам приходит. Очень хорошая женщина, молодая. «Лучше вашего Вани никого не было», — говорит. Любила его, что ли. . .

Я молчал, не зная, что сказать.

Поэтому сказал ненужное:

— Деньги я вам хочу заплатить за первый месяц.

Старуха посмотрела на меня, силясь понять: к чему это?

— Один он у меня был сын, Ваня, — сказала она.

К РЕЙНИКЕ

— Мне очень нужен осьминог, — сказал я наконец Телееву. — Ходим, ходим. . . Всё трепанги да трепанги, а у меня тоже план.

Телеев промолчал.

— К Рейнике идём, — сказал мне на другой день Шапулин. — Там около острова меляк. Трепангов мало, зато осьминог есть. Он там живёт. Я, как опускаюсь, каждый раз его вижу.

Рейнике — самый крайний из здешних островов. Он как дерево на опушке леса. За ним — море.

Мы дошли до острова и стали на якорь. Опускался Шапулин.

Его одели, включили помпу. Телеев шлёпнул его ладонью по медной макушке. Шапулин отпустил руки, отвалился от катера.

Дробное пузырчатое облако за клубилось у борта.

К телефону — на связь — поставили меня.

В телефонной трубке было слышно, как шумит, врывается в шлем водолаза воздух. Шапулин скрипел резиной, что-то бормотал. Это он ходил по дну, собирал трепангов.

— Ну как? — то и дело спрашивал я.

Молчок.

И верно. Что «ну как?», когда надо работать.

Шапулин набрал одну питомзу, взял вторую.

Я по-прежнему стоял у телефона.

Однажды мне послышалось, что он сказал слово «ушёл».

— Кто ушёл? — всполошился я.

Шапулин не ответил.

И вдруг метрах в десяти от катера забурлило. Пробив медным шлемом воду, показался водолаз. На зелёной его рубахе извивалось что-то красное, бесформенное, ногастое.

— Осьминог! — завопил я. — Осьминог!

На палубу выскочили Телеев, Дед, Жаботинский.

Мы стали подтягивать водолаза к борту.

Он стукнулся шлемом о катер.

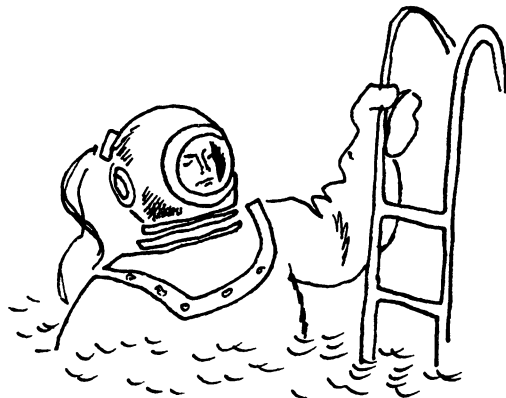
— Осторожно! — закричал я.

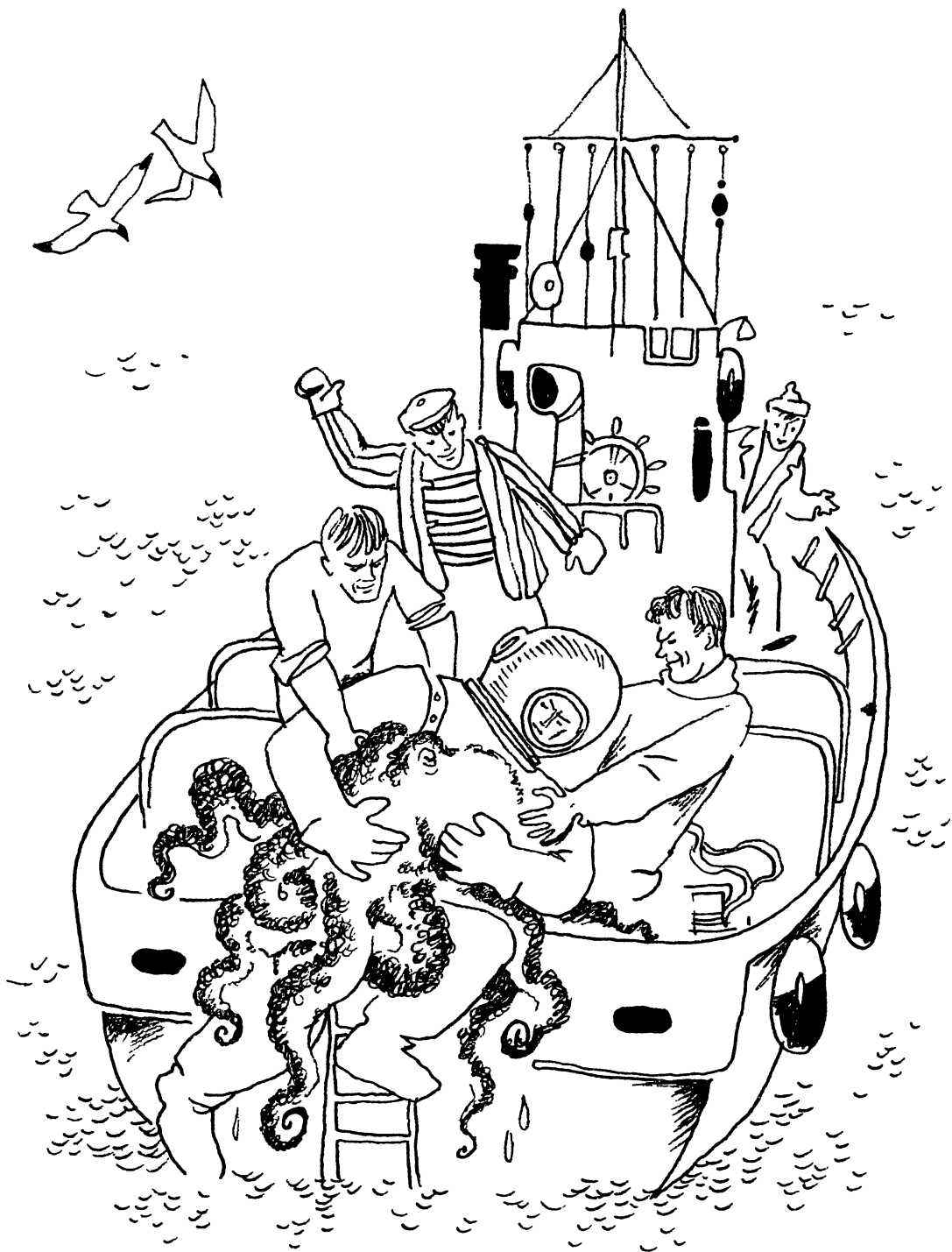
Про фотоаппарат, заряженный чудесной цветной плёнкой, я забыл. Он болтался у меня на шее, как маятник.

Я то бросался тащить водолаза, то хватался за осьминога. Осьминогу не хотелось на катер. Он присасывался к борту, к водолазному шлему, к лесенке.

Мы отлепляли его, тащили, кричали.

Наконец Шапулина вместе с осьминогом перевалили через борт.

Осьминог отпустил водолаза и шлёпнулся на доски.

Он был испуганный, красный. Шумно всосав в себя воздух, осьминог сгорбился и стал раздуваться, расти вверх. Розовые ноги его с белыми кольцами-присосками укорачивались.

Жаботинский выкатил из трюма пустую бочку.

Мы подняли и посадили в неё осьминога. Он зашипел. Из-под крайнего щупальца у него торчала белая трубка. Она то сжималась, то раздувалась. Через неё осьминог выпускал воздух.

Жаботинский плеснул в бочку один черпак воды, второй. Бочку налили до краёв. Осьминог всплыл, затем снова опустился на дно и там застыл, испуганно тараща из-под воды глаза.

С Шапулина сняли шлем. Он сел рядом с бочкой. Лицо у него было красное и мокрое. Он здорово устал, пока тащил осьминога.

— Что будем делать? — спросил Телеев.

Я подумал, что, если нарисовать осьминога в бочке, Лиза опять скажет: «Безобразие!»

— Надо бы его куда-нибудь на мелкое место, в скалы, — сказал я.

— Трепангов наберём и сходим, — пообещал Телеев. — Ты отдыхать будешь? — обратился он к Шапулину. — Раздевайся. Я за тебя пойду.

— Долго костюм снимать. Ладно, я ещё разок.

— Питомца где?

— Около якоря бросил. Найду.

Через несколько минут он снова полез за борт.

ОСЬМИНОГ НА ПАЛУБЕ

Осьминог сидел в бочке.

Он был по-прежнему красный как варёный рак, тяжело дышал. Над тем местом, где торчала вверх его трубочка, то закипал, то гас родничок. Это животное толчками выпускало из себя воду.

Я сел около бочки и стал рисовать осьминога по частям: щупальца, глаза, клюв.

Тело осьминога было всё покрыто мелкими серыми складочками. Как будто его посыпали пеплом. Чёрные глаза с белыми веками-шторками были полуприкрыты.

Один раз, когда осьминог повернулся, я увидел его клюв, кривой как у птицы.

Мы смотрели с осьминогом друг на друга. Каждый из нас думал о своём.

Осьминог не ждал от меня ничего хорошего. Это было видно по выражению его усталых глаз. От морщинок, которыми были окружены глаза, взгляд его казался стариковским.

А у меня мысли были весёлые. Наконец-то я смогу хорошенько нарисовать его!

ДВА БРАТА

— Идём к Двум Братьям! — сказал Телеев, когда две бочки были заполнены трепангами.

В третьей сидел осьминог. Сегодня из-за меня не будет выполнен план.

Мы снялись с якоря.

Скалу Два Брата я знал. Мимо неё мы проходили часто. Она лежит как раз напротив комбината.

До Братьев мы добирались почти час. Подходили осторожно. С кормы Телеев отдал якорь. В случае чего на нём можно стянуться назад.

Когда нос сел на мель, до берега оставалось ещё метров пять.

Мы шли по колено в воде. Осьминога нёс Шапулин. Он нёс его, перекинув через плечо.

Два Брата — это два больших камня. Когда-то это была одна скала. Потом она развалилась пополам. Между камнями получилась лагуна — тихая и закрытая. Воды в ней по пояс. Узкий проход соединяет лагуну с морем.

Проход мы забросали камнями.

В лагуну пустили осьминога.

Он опустился на дно, закрутился и покатился, как облако лилового дыма, по камням к выходу.

У меня в руках был аппарат в боксе. Пока осьминог полз по лагуне, я прыгал с камня на камень, снимал его.

Потом я влез по пояс в воду, опустил аппарат и стал снимать из-под воды.

Вода была ледяная.

Осьминог решил проскочить мимо меня. Он снялся с места и поплыл.

Он плыл легко, быстро, сокращая и раздувая зыбкое тело, с силой выбрасывая из себя воду. Он плыл как ракета. Сложенные плетью щупальца свободно развевались позади. Осьминог доплыл до заваленного камнями прохода и повернул обратно.

Я снимал, пока не остался только один кадр. Тогда я загнал осьминога в камни и стал медленно приближаться к нему.

Он снова покраснел, испуганно поднял щупальца, развернул их, как зонт.

Я щёлкнул затвором в последний раз, отвалил камни от прохода, вышел из воды.

Осьминог понял, что произошло. Он неторопливо выбрался из расселины, повернулся и поплыл в сторону моря.

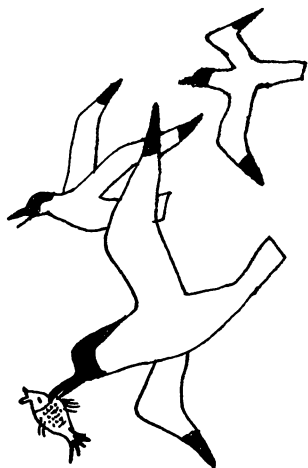
Он уже устал и плыл очень медленно.

Миновав проход в камнях, он наклонил туловище вниз, взмахнул на прощание, как плетью, щупальцами и исчез в глубине.

ЧАЙКИ

Мы шли по острову в обход скал обратно к катеру. Мы шли по галечному пляжу.

Под ногами хрустели остатки морских ежей. Весь берег был усеян ими. Белые известковые скелетики лежали грудами, как черепа.

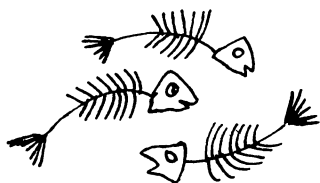
Над скалой метались чайки. Они криками прогоняли нас. Наконец самая храбрая, не дожидаясь, когда мы уйдём, кинулась вниз к воде, выхватила из расщелины чёрного ежа и полетела с ним к скале.

Пролетая над пляжем, она разжала клюв. Ёж кувырнулся в воздухе, стукнулся о гальку и покатился. Чайка опустилась рядом. Она перевернула лапой ежа и принялась клевать его в мягкий, не защищённый иглами, живот.

Берег весь был усеян скелетиками ежей. Он напоминал место побоища.

Значит, чайки не только прекрасные белые птицы, которых так любят рисовать художники. Это хищники — ловкие и злые.

Подобрав якорь-цепь, мы стащили катер с мели и ушли к себе на комбинат.

КАК БЫЛО

Я рассказал Телееву, что живу у старухи, у которой погиб сын-водолаз.

— Знал я Ивана, — ответил Телеев. — Вот как дело-то было. . .

Я записал историю, рассказанную шкипером.

Катер работал в тот день у Рейнике. На якорь стали неудачно. Косу, на которой водились трепанги, проскочили. Когда опустили под воду Ивана, он сразу сказал, что трепангов нет, надо искать.

Он пошёл к берегу. След его пузырей потянулся к мыску. Шёл он точно.

Белый шланг с красной паутинкой телефонного, примотанного к нему провода полз с катера в воду. Шланг шевелился как змея.

— Потрави! — просил Иван.

Он просил для шланга слабины. В телефоне получалось: по-по-по. . . Телефон барахлил.

— Починил бы ты его! — сказал мотористу шкипер. — А то случись что. . .

Моторист принёс из кубрика отвёртку, моток изоляционной ленты, начал искать, где плохой контакт.

По-по-по. . .

Больше слабины не было.

— Надо к нему подойти! — сказал матрос.

Моторист возился у телефона.

Шкипер сам спустился в машину, врубил муфту на самый малый ход, вылез и переложил руль на борт.

Нос катера сделал широкий полукруг. Натянутый шланг сразу ослаб.

— Шланг-то у тебя где? — крикнул матросу шкипер.

Тот метнулся к борту. Лёгкий, светящийся под водой шланг уходил под катер.

— Стой!

Как ударился шланг о винт, никто не слышал. Удар был очень тихий. Винт беззвучно перерубил резиновую трубку. За кормой вспыхнул пузырчатый родник и забурился.

— В воду! В воду! — закричал шкипер.

Матрос понял. Он сбросил только сапоги и в штанах, в рубашке кинулся за борт. Шланга он не поймал. Перерубленный винтом, он успел лечь на дно.

Вытащили отрубленный конец. На белую резиновую культяпку смотрели, расширив глаза.

В спешке одели второго водолаза. Опускался сам шкипер. Он кружил по дну до тех пор, пока под ноги ему не попал лежащий на гальке шланг. Он пошёл по нему и пришёл к обрубку. Торопясь и обливаясь потом, пошёл назад. Прикреплённый к шлангу, на дне лежал человек. Увеличенный водой, он был неподвижен.

Его подняли и на катере увезли в город. . .

— Жуткое дело!— сказал я, когда Телеев кончил рассказ.

— Подсудное, — ответил он. — Подходить под мотором к водолазу запрещено. Юлить надо.

Я не спросил, что значит юлить. Раз человек погиб, о чём спрашивать?

Перед моими глазами стояло наклонное, дымящееся известковой пылью морское дно. Голубой водолаз в раздутом от крика шлеме неподвижно лежал на нём.

ЗАЧЕМ ЖЕ С РУЖЬЁМ?

С Главным киношником мы встретились около магазина. Шёл дождь. Я был в галошах и босоножках.

Он — в блестящих резиновых сапогах.

ИНТЕРЕСНО, КАК ОН ИХ ДОСТАЛ?

— Здравствуйте!—сказал Главный киношник. — Что делаем?

— Рисуем.

— Ах да! Вас зовут...

— Николай.

— Чудесно! А ко мне уже приехали люди. Завтра будем снимать сцену: водолаз с ружьём против спрута. Приходите смотреть.

— Зачем же с ружьём? — удивился я. — Водолазы осьминога вам и так, руками, поймают. И снимутся с ним.

Главный киношник посмотрел на меня как на маленького.

— Как вы не понимаете. У нас научно - художественный фильм. У нас сценарий. По сценарию спрут нападает на водолаза. Человека спасает только ружьё.

Я пожал плечами. Но раз Букин сказал, что я могу быть полезным, я стал советовать.

— Сделайте так, — сказал я. —

Вы наденете водолазный костюм. Водолаз наденет костюм. Спуститесь вдвоём под воду. Водолаз поймает осьминога, отпустит, выстрелит, а вы снимете.

Главный киношник даже улыбнулся.

— Что вы! — сказал он. — Мы сделаем проще. За комбинатом мы выстроили аквариум. Три метра высоты, три метра ширины. Двадцать семь тысяч литров. Завтра нальём пожарными помпами в него воды, пустим осьминога. За осьминогом в аквариум опустится водолаз. Мне обещали дать самого лучшего. Осьминог атакует человека, человек убьёт осьминога, и всё будет в порядке. Просто?

— Не думаю.

— Сразу видно, что вы не работали в кино.

КИНОСЪЁМКА

На другой день в полдень мы все собрались около аквариума.

Пришло полпосёлка: женщины, дети, свободные рыбаки и водолазы.

Аквариум стоял на самом берегу. Он был высокий, как дом. Настоящая лестница вела наверх. Толстые прозрачные стенки из пластмассы блестели. Пазы в стенках были замазаны красной замазкой. Она пахла грушевым клеем. Я понюхал воздух. Прямо фруктовый сад.

Около аквариума бегали молодые киношники. Они устанавливали осветительную аппаратуру. Готовили свои шланги пожарники.

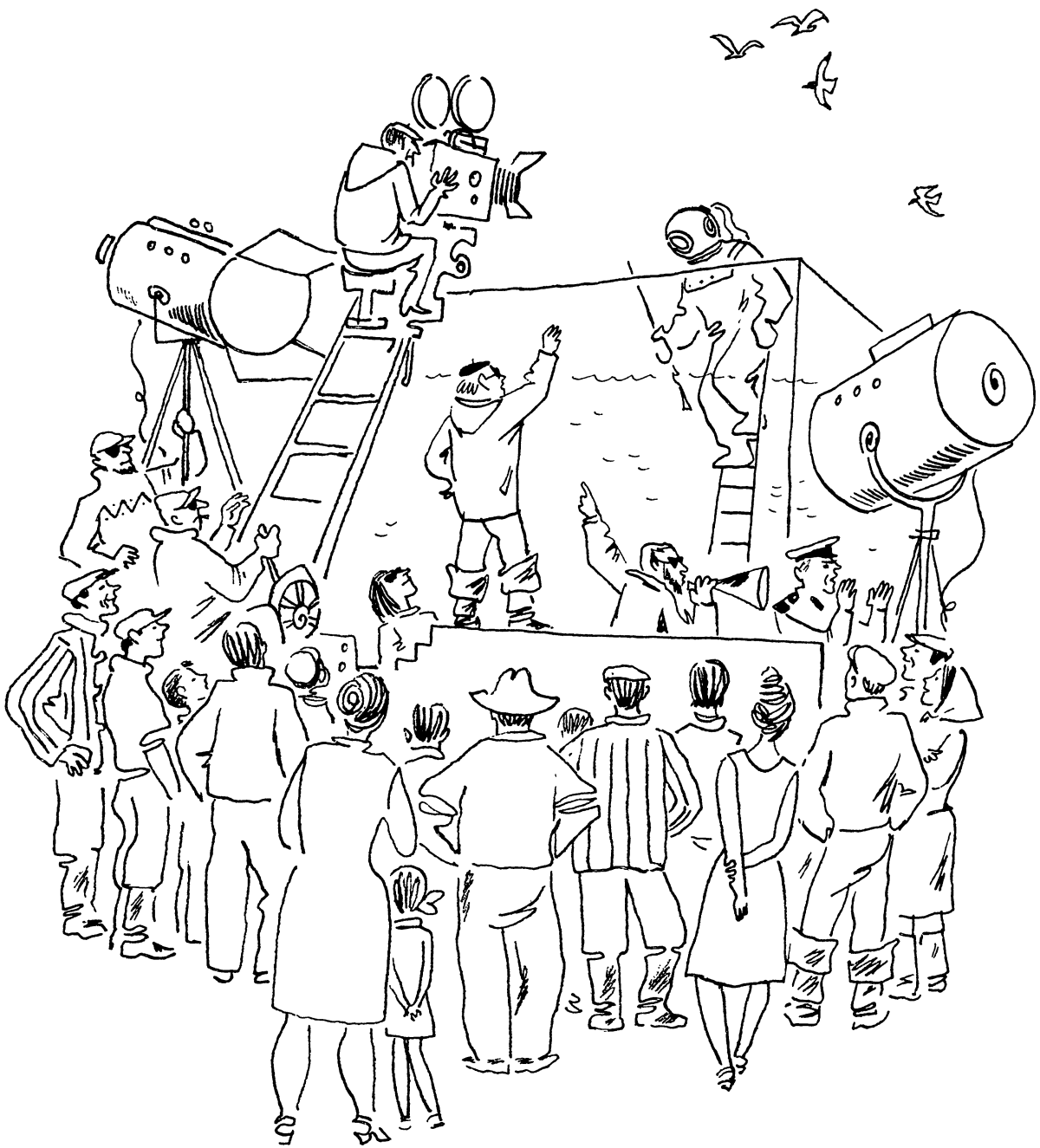
Главный киношник и Телеев стояли около самого аквариума.

ЧТО ЗДЕСЬ ДЕЛАЕТ ТЕЛЕЕВ?

И тут я вспомнил, что для съёмки обещали дать самого лучшего водолаза.

Пожарники развернули шланги, включили помпу и начали качать в аквариум морскую воду.

Светлая линия поползла вверх по прозрачной стенке. Стенка затрещала.

— Не лопнет? — спросил Телеев у Главного киношника.

— Не успеет. Мы быстро. Осьминог здесь?

Осьминог сидел рядом, в бочке. За ним специально ходил в море катер.

— Одеть водолаза!

Телееву уже привязывали к ногам медные галоши. Свинцовые подошвы его ушли в песок.

— Пустить осьминога!

Бочку подняли наверх и опрокинули в аквариум.

Через желтоватую стенку было видно, как осьминог, растопырив щупальца зонтом, медленно опускается на дно.

— Теперь так, — сказал Главный киношник, — будете стрелять, когда я махну рукой.

Мне было жаль осьминога. Телееву, наверно, тоже. Каждый день он встречается с осьминогами на дне, и никогда они не причиняли ему вреда.

Телееву дали в руки ружьё, заряженное гарпуном, и он полез по лестнице наверх.

Жаботинский нёс его шланг.

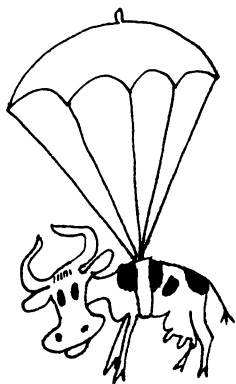
По короткой металлической лесенке Телеев слез в аквариум. За прозрачной стеной он казался очень большим и неповоротливым. По его медному шлему прыгали рыжие зайчики.

Осьминог увидел человека и забился в угол. Он не понимал, чего ждут от него.

Заметив в руках человека ружьё, он насторожился. Телеев нехотя поднял ружьё. Видно, он уже расхотел сниматься. Но было уже поздно. Главный киношник махнул рукой. Телеев навёл ружьё на осьминога. Осьминог испуганно метнулся в сторону! Бац! — гарпун вылетел из ружья и с размаху ударил в пластмассовую стенку. Стенка раскололась на куски, и двадцать семь тысяч литров воды хлынули на песок.

Телеев и осьминог вытекли из аквариума вместе с водой. Они лежали рядом. Вода с шумом стекала по песку в море.

Первым опомнился осьминог. Он со свистом вобрал в себя воздух, сгорбился и выбросил вперёд щупальца. Он полз по мокрому песку, переливаясь и блестя, как стеклянный шар.

Раз-раз — первые щупальца достигли воды. Осьминог скользнул в неё, повернулся. Сильная струя воды вылетела на берег. Осьминог исчез в глубине.

Около Телеева уже хлопотал Жаботинский. Он отвинчивал на шлеме окошечки. Телеев уселся и стал соображать, что произошло.

Народ шумел. По лужам бегали киношники и размахивали руками.

Главный киношник стоял наверху на помосте и смотрел в пустой аквариум.

Потом он спустился вниз и подошёл к нам.

— Какая силища, а? — спросил он и потёр руки. — Ничего, искусство требует жертв! Помню, бросали мы однажды с парашютом корову. Конечно, с самолёта. Дверь оказалась узкой. Корова зацепилась рогами и не проходит. Пришлось идти на посадку и заменить самолёт.

— Простите, — сказал я, — а зачем корове прыгать с парашютом?

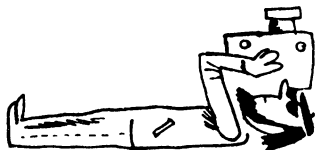
— Не помню. Наверно, так надо было по сценарию... Тэкс, а что же теперь делать нам? Время идёт.

— Я предлагал: опуститесь под воду.

— Это исключено. Придётся сделать так. Комбинированная съёмка. Отдельно осьминог — отдельно водолаз. Маленького осьминога снимаем в маленьком аквариуме. Стрелять в него будем с воздуха, через воду. Гарпун большой, но мы его потом уменьшим при печати. Затем — у меня есть где-то кадры — аквалангист на Чёрном море. Склеим аквалангиста и осьминога, и всё будет в порядке... Помню, однажды мы в Киеве устроили пожар. Подожгли дом. Дом горит, а артиста, который должен входить в этот дом, нет. Не приехал. Пришлось потушить...

Я не дослушал. Меня позвал Жаботинский.

Надо было раздевать Телеева.

ЕЩЁ ГАЛОШИ

На остров вернулось солнце.

Дождь перестал.

Дороги снова стали жёлтыми, а трава — зелёной.

Я вытащил из галош босоножки и положил их в чемодан. Ура! А галоши можно выбросить. Как они мне надоели! Даже походка из-за них стала у меня утиной.

Я хотел вышвырнуть их в окно, но побоялся. Мимо всё время кто-нибудь да шёл.

Я бросил галоши под кровать. . .

Вечером мы сидели около дома: я, старуха и старик.

За Амурский залив, за синие сопки опускалось коричневое солнце. Оно тускло светило сквозь коричневый дым из комбинатовской трубы.

— Мне скоро уезжать, — сказал я. — Почти два месяца у вас прожил. Хорошее место — остров.

— Чего хорошего, — сказал Иван Андреевич, — дождь да снег.

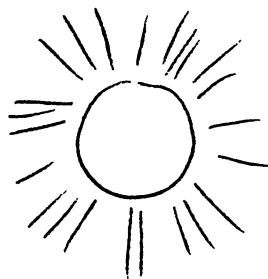
— Осень, говорят, тут очень славная.

— Тридцать лет здесь живём. До войны приехали, — сказала старуха. — Привыкли. Все нас тут знают. Кем мы ни работали: и матросами и сторожами. Иван Андреевич складом даже заведовал.

— Интересно, вот летом — катер, а зимой как? — спросил я. — Как до города добираетесь?

— Зимой проще: дорогу по льду накатывают. Машины, считай, каждый час ходят. Кроме нас, на острове и зверосовхоз и школа.

Я представил себе, как по

весне ломается лёд и эту дорогу уносит в море. Там она и плавает по кусочкам: льдина за льдиной — на каждой отпечатки автомобильных шин. А к острову в это время ни подойти, ни подъехать.

— Вы молодцы, — сказал я. — Шутка сказать — тридцать лет на острове! Прямо герои.

— Привыкли мы к тебе, — сказала старуха. — Хорошо ты у нас пожил. А я всё собиралась пирог спечь. Может, успею?

— Горят они, пироги-то, у тебя, — сказал старик. — Как поставишь, так дым.

Старуха вздохнула:

— Памяти нет. И откуда ей быть теперь у меня — памяти?

ЛАМПЫ И УДОЧКИ

На остров снова приехали Букин и Лиза.

— Идём за кальмарами! — сказали они.

У Букина под мышкой был переносный аквариум.

Около причала стояли два странных судна. Между мачтами у каждого был натянут провод. На нём висели голубые прозрачные лампы. Лампы были большие, как кастрюли.

На борта были навешаны катушки с капроновыми лесками. Лески блестели на солнце.

Я подошёл к одному судну.

Поверх лесок лежали разноцветные подвески с крючками.

— Это что за катушки?

— Удочки. А видите лампы? Люстры.

— А-а... — Я ничего не понял. — Я пойду с вами. Когда?

— Вечером. Идите на одном МРС, мы — на втором.

НОЧНОЙ ЛОВ

В район лова мой МРС пришёл к полуночи.

Включили люстры.

Яркий голубой свет вспыхнул над судном. Он упал на воду и проник в её глубину.

Рыбаки выстроились у обоих бортов. Они стали у катушек-удочек и начали крутить ручки. Лески с разноцветными подвесками побежали с катушек в воду.

Подняли — опустили. . . Подняли — опустили. . . Острые крючки царапали спокойную воду.

Крючки выходили из воды пустыми. Кальмаров не было.

И вдруг на одной из лесок что-то затрещало, забило. Облепив щупальцами подвеску, повиснув на крючках, в воздухе вертелся кальмар. Он бил по борту хвостом, брызгался.

Его подтянули. Кальмар перевалился через катушку, сорвался с крючков и шлёпнулся в жестяной приёмный жёлоб. По жёлобу он скатился на палубу.

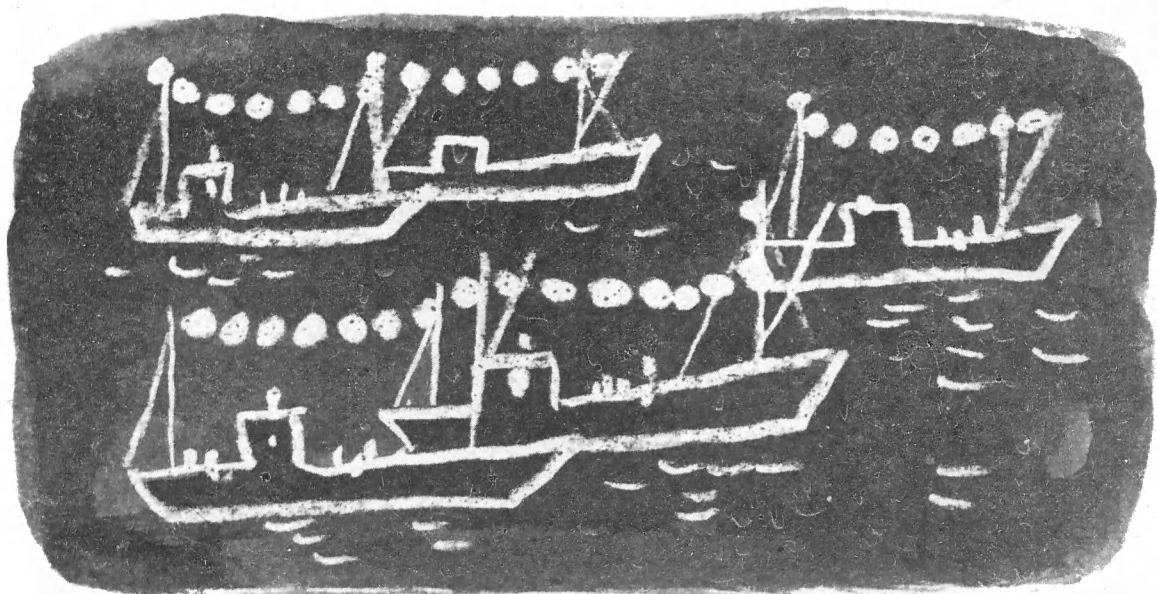
Я наклонился над ним.

— Осторожно! — предупредил меня рыбак.

Было поздно. Кальмар выпустил прямо мне в лицо чёрную струю жидкости.

— Немедленно промойте глаза! — сказал рыбак.

Глаза щипало и жгло. Я сбегал в умывальник. Вернулся.

Слезаящимися глазами я смотрел на то, что происходит на судне.

Из глубины всплывали на свет стаи кальмаров. Животные прятались в тени под днищем судна, набрасывались на пёстрые подвески, попадались на крючки и вместе с непрерывно движущимися лесками поднимались в воздух.

Слышался стук хвостов, шлёпанье и плеск.

Кальмары один за другим летели на палубу.

— Давай, давай! — покрикивали рыбаки.

Люди без отдыха крутили катушки. Если рыбак уставал, его сменял моторист или повар.

— А вы что стоите? — крикнул мне капитан. — Вон катушка свободная.

Я стал у катушки. Первый кальмар шлёпнулся к моим ногам.

— Давай! Давай!

Ловила вся команда.

К утру кальмарьи стаи ушли.

Подвески поднимались пустые.

Скользкая, залитая водой и чернильной жидкостью палуба была завалена телами кальмаров.

Их стали укладывать рядами в ящики...

— Вот вам и ночной лов! — сказал капитан. — Когда ловит флотилия, всё море залито светом. Целый город качается на воде. Художника бы сюда!

Тут я вспомнил, что совсем забыл про рисунки.

ПОСЛЕ ЛОВА

Судно, на котором пошли Букин и Лиза, задержалось. Я ждал их на причале целый час.

Наконец их сейнер вышел из-за мыса и начал подходить, увеличиваясь в размерах, описывая по бухте дугу. Между его мачтами устало покачивались голубые лампы.

Судно привалилось к причалу и замерло. Замолк дизель.

Около мачты стояли Лиза и Букин. Оба в плащах с поднятыми воротниками.

Я прыгнул к ним на судно.
— Ну как? — спросил Букин.
— Отлично!

На палубе, в низких открытых ящиках, лежали кальмары. Они лежали рядами, как бутылки.

Каждый был похож на трубку, в которую залезло глазастое десятирукое существо. К концу трубки прикреплён треугольный плавник.

— Смотрите, что у нас! — сказала Лиза.

Около мачты стоял их аквариум. В нём копошились два живых кальмара.

Им было тесно, они то и дело упирались щупальцами в стекло и поднимали крышку.

— Кыш! — сказала кальмарам Лиза.

— Знаете, — сказал я, — ведь ночью-то я ничего зарисовать не успел. Сейчас нарисую.

И присел около кальмаров.

Букин стоял надо мной.

— Мне кажется, — печально сказал он, — я напрасно связался с трепангами. Ну что такое трепанги? Черви. Вот кальмары — это да. За ними будущее. Сейчас в океане истребили кашалотов — расплодились кальмары. Это очень интересная тема. Надо менять профиль работы.

Лиза мрачно посмотрела на мужа.

СТАРИК

Я зарисовал кальмаров, проводил Лизу с Букиным на катер.

Они ушли во Владивосток.

На причале я увидел Ивана Андреевича.

Домой мы шли с ним вместе.

— Иван Андреевич, — спросил я, — зачем вы всё время ходите на причал?

Он не ответил, остановился, вытащил из грудного кармана записную книжечку. В книжечке лежала сложенная вчетверо вырезка из газеты.

ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Йошкар-Ола (ТАСС). В семью учителей Соколовых пришла радость. Во время войны из Ленинграда был эвакуирован вместе с детским садом и пропал без вести их четырёхлетний сын Гриша. Отец и мать тоже были разлучены и встретились только после войны в Йошкар-Оле. Здесь они остались работать. Сейчас оба учителя на пенсии. Неделю назад стол розыска сообщил, что их сын Григорий Акимович Соколов жив и работает в Кемерове. Вчера на перроне городского вокзала произошла трогательная встреча. Григорий Акимович вместе с женой и сыном приехал навестить родителей.

— Приехал навестить, — сказал одними губами старик. — Вместе с женой и сыном. Их сын Григорий Акимович.

Видно, он знал заметку наизусть.

Я отдал ему аккуратно вырезанный клочок пожелтевшей бумаги. На сгибе бумага была подклеена.

Мы молча пошли к дому. Над дорогой в кустах, где строили новую школу, кто-то упорно бил молотком в рельс: день... день...

ГОЛУБОЙ ОСКОЛОК

Всё было сделано, всё зарисовано. Я прощался с островом. Я бродил по берегу.

Среди белой и розовой обкатанной морем гальки чернели пятна золы. По воскресеньям в солнечные дни здесь гуляют семьями.

Подожвы взяли в пластах прелой зелени. Пузырчатые коричневые листья морской капусты щёлкали под каблуком.

Весь берег был усеян обломками раковин. Море выбрасывало их годами. Ломкие и побелевшие от солнца, они лежали грудами, так, как оставила их волна.

Один обломок раковины я поднял.

Он был не такой, как остальные. На вогнутой его поверхности сидела перламутровая шишечка.

Странное дело!

Бывает, что внутрь раковины попадает песчинка. У моллюска, живущего в известковом домике, нежное и мягкое тело. У него нет рук. Он не может избавиться от песчинки. Резкая боль заставляет его обволакивать песчинку корочкой перламутра. Один слой, второй. Получается блестящая молочная бусина — жемчуг.

Чтобы достать жемчуг, искусные пловцы ныряют на дно. Они отдирают от камней крупные иззубренные раковины, складывают их в мешочки у пояса.

Это очень тяжёлый труд.

А тут прямо под ногами, рядом с золою костров. . .

Я присмотрелся к осколку. Ещё недавно он был целой половинкой раковины, по краям — свежий излом, на выпуклой поверхности — мазутный след каблука. Кто-то наступил башмаком — крак! — и прошёл мимо.

Нарост в одном месте имел дырочку. Сквозь неё виднелось что-то тёмное и блестящее.

Что, если разбить? Может, из него выкатится тёмно-голубая жемчужина? А может, всего-навсего серый камешек?

Я сунул осколок в карман и пошёл дальше. Я знал, что никогда не разобью раковину. Она будет лежать у меня дома вместе со всякими редкостями. Будут приходить гости и, взяв в руки, рассматривать её и спорить.

А там внутри всегда будет ТАЙНА.

ЮЛИ-ЮЛИ!

Я уезжал рано утром. Стараясь не шуметь и не будить стариков, я собрал чемодан, вышел из дома.

Около проходной меня догнал Иван Андреевич. В руках у него был свёрток, перевязанный шпагатом.

— Вот. . . — сказал старик задыхаясь. — Вам. . . от нас. . .

— Зачем такое беспокойство, Иван Андреевич? — сказал я. — Большое спасибо за всё. Я не хотел вас будить. Тут, наверное, пирог?

— Пирог.

— Вот видите, сколько хлопот. Большой привет супруге. Не поминайте лихом!

Я положил свёрток в чемодан и пошёл к причалам.

ВСЁ-ТАКИ СПЕКЛИ ПИРОГ!

Я зашёл на бот. Проститься с командой МБВ-10.

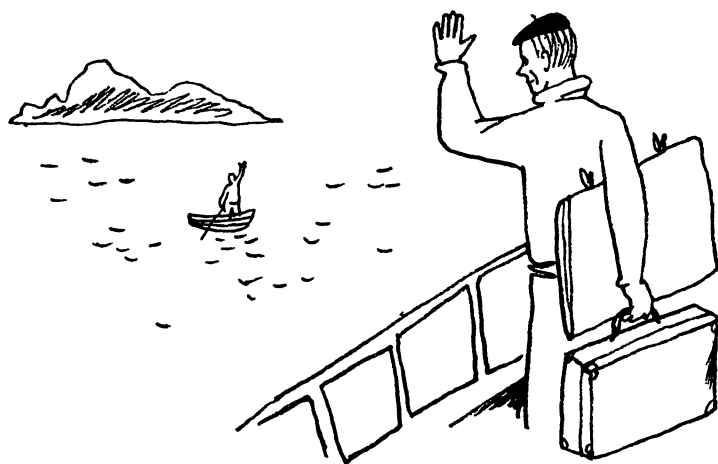
Мы пожали друг другу руки.

— Приезжай! — сказал мне Телеев.

— Зимой иду в школу! — сказал Шапулин.

— Книжку пришлите! — попросил Дед.

Катер почему-то в этот день не подошёл к причалу, а стал на рейде. Меня повёз к нему Жаботинский.

Он положил в лодку мой чемодан, взял одно весло, оттолкнулся от берега.

— А второе весло? — спросил я.

Веня не ответил. Он вставил весло в верёвочную петлю на корме, встал во весь рост и начал раскачивать весло из стороны в сторону. Он раскачивал его и крутил вокруг оси. Весло врезалось в воду, как винт.

Лодка дрожала и шла вперёд.

— Это называется юлить! — весело сказал Веня. — Юли-юли!

ТАК ВОТ КАК НАДО БЫЛО ПОДХОДИТЬ К ВОДО-
ЛАЗУ!

— Я писать вам всем буду, Веня, — сказал я. — Остров Попова, до востребования, Жаботинскому?

— Зачем Жаботинскому? Моя фамилия Томский. Жаботинским меня просто так зовут. Прозвище.

Я засмеялся. Я вспомнил, как Веня носит на бамбуковой трубе стокилограммовые бочки. Конечно, он — Жаботинский.

Лодка подошла к катеру. Я перелез на палубу, Веня протянул мне чемодан.

— До свидания! — сказал я.

Веня поднял руку.

Лодку относил течением. Веня встал на корме, завертел веслом, и нос лодки тотчас же повернул к берегу.

Сегодня вечером я улечу домой.

НА АЭРОДРОМЕ

На аэродроме во Владивостоке я целый час ждал самолёта.

Я проголодался, открыл чемодан и вытащил свёрток.

Попробуем пирог.

Я положил свёрток на стол и развязал шпагат. Внутри была газета, в газете почему-то ДВА СВЁРТКА.

Я раскрыл первый. Пирог. Обещанный пирог!

Во втором свёртке лежали галоши. Мои галоши. Вымытые и блестящие.

ЗАЧЕМ ОНИ МНЕ ТЕПЕРЬ?

Я положил галоши рядом с пирогом и стал думать.

Выбросить? Выбросить их невозможно. Теперь это не галоши, а знак доброго внимания и заботы.

Повезу-ка я их домой. Дома у меня на подоконнике много редких вещей. Там лежат черноморские раковины ропаны, засушенная рыба-игла, бронированный кузовок, которого привёз мне из Индийского океана знакомый матрос.

Там я положу одну галошу. Она ведь тоже редкость. Она плавала со мной к островам Рейнике и Два Брата. Её месяц поливало морской водой, и липкая жёлтая глина пыталась сорвать её с босоножки.

Вторую я поставлю под диван.

Пускай стоят. Они ещё пригодятся. Ведь мои путешествия не кончились!

Я уселся поудобнее и стал жевать старухин пирог.

Он был вкусный и на этот раз непригорелый.

Радио объявило посадку.

В МОСКВЕ

Когда я прилетел в Москву и добрался до своего дома, дверь мне открыла сестра.

— Ты? — воскликнула она. — А мы думали, что тебя уже нет в живых!

— Это ещё почему?

— Из-за твоих дурацких телеграмм.

В переднюю вышла мать и упала ко мне на грудь.

— Ну-ну, мама... — сказал я. — При чём здесь мои телеграммы?

Мать с сестрой положили их на стол:

ИЗ ПОПОВА
ДОЛЕТЕЛ БЛАГОПОЛУЧНО САМОЛЁТЕ
ЗАСТРЯЛА НОГА

КОЛЯ

ИЗ ПОПОВА
ЗДОРОВЬЕ ХОРОШЕЕ УДАРИЛСЯ
ГОЛОВОЙ О СВАЮ

КОЛЯ

— И на этом телеграммы кончились. Что мы должны были думать? — сказала мама. — Признайся: ты сильно разбил голову?

— Да что ты! Пустяки, чуть-чуть стукнулся. Небольшая шишка.

— А нога в самолёте?

— Ещё легче. Совсем ерунда.

— Тогда зачем ты нам об этом писал?

— Ты сама просила писать подробно и писать всю правду.

Мне пришлось рассказать всё, как было.

Потом я достал папку с рисунками и стал показывать их. Тут я сразу вспомнил рыбака и рыбку. Вот эти рисунки совсем другое дело!

Ну и что же, что у меня плохо получаются люди? Теперь я буду рисовать морских животных. Я буду опускаться на дно, наблюдать, как прыгают плоские, как блюдечки, раковины-гребешки, следить за пучеглазыми бычками, красными глубоководными крабами с колючками. Буду ходить на ночной лов кальмаров и на сбор морской травы анфельции.

Я могу разглядеть спрятавшуюся в песок камбалу. Мне ничего не стоит нарисовать плывущего, как голубое облако, осьминога.

Пускай у меня не будет больших, написанных маслом картин. Пускай будут маленькие рисунки в книгах о водолазах. Я сделаю много книг о жизни рыб.

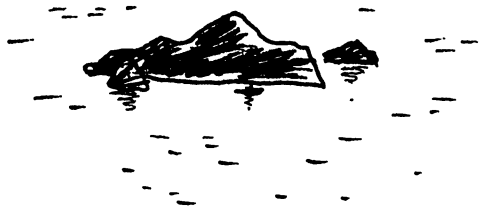
Хорошо, что я слетал на Дальний Восток.

— Что ты бормочешь себе под нос? — спросила сестра.

— Это я так, сам с собой. Вспоминаю отлёт.

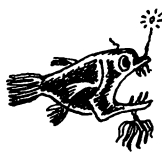
РАДИО ОБЪЯВИЛО ПОСАДКУ. МЫ ВОШЛИ В САМОЛЁТ И ВЗЛЕТЕЛИ. КОГДА САМОЛЁТ ПОДНЯЛСЯ, Я УВИДЕЛ В МОРЕ ОСТРОВ. ЭТО БЫЛ ОСТРОВ ПОПОВА. САМОЛЁТ КАЧНУЛО, И ОСТРОВ НАКЛОНИЛСЯ: ОН ПРОЩАЛСЯ СО МНОЙ, УДИВИТЕЛЬНЫЙ ОСТРОВ, ОКОЛО КОТОРОГО ВОДЯТСЯ ОСЬМИНОГИ И ГДЕ ВОДОЛАЗЫ СОБИРАЮТ НА ДНЕ ТРЕПАНГОВ.

ДОМ пог богай

ЧЁРНОЕ МОРЕ, 1968 ГОД

Звонок среди ночи. Я вскочил с кровати.

— Не туда! — закричала из соседней комнаты мать. — К телефону!

Я закрыл дверь, которую отворил было, и побежал к телефону.

— Завернись в одеяло, — крикнула сестра, — от окна дует!

— Да!.. Да!.. — закричал я в телефонную трубку. — Я слушаю вас... Кто?.. Какой парлен?.. Ах, Марлен!.. Какая бухта?..

Я опустил на стул и, не выпуская из рук трубки, начал соображать.

«Марлена я не видел два года... Это он. Наверно, зовёт меня опять на Чёрное море»...

— Скажи по буквам! — закричал я. — Тебя плохо слышно. Ты откуда? Из Севастополя... Так. Григорий... Ольга... Ласкирь... Улыбка... При чем тут улыбка?.. А-а, Голубая!

«Голубая бухта!»

Я вспомнил: тёплый воздух дрожит над вершинами гор... Прямо в воду опускается отвесная скала. Её поверхность вся изрыта круглыми, как оспины, отметками...

— Хорошо, я подумаю.

В трубке что-то щёлкнуло и стало отлично слышно. Голос Марлена раздавался совсем рядом.

— Нечего думать! — сказал Марлен. — Мы начинаем работы в Голубой бухте. Очень интересно. Приедешь в Симферополь, там тебя встретят и на мотоцикле привезут к нам. Встречать будет человек в белом шлеме. Жду!

И он повесил трубку.

«Вот так раз!»

Я остался сидеть около телефона, завернутый в одеяло.

«Может, и верно поехать?»

Через три дня я уже слезал с поезда на перрон симферопольского вокзала.

Призывы Марлена всегда действовали на меня, как взгляд очковой змеи на мышь.

НЕУСТОЙЧИВЫЕ МОТОЦИКЛЫ

Я вышел на привокзальную площадь и первым делом стал высматривать человека в белом мотоциклетном шлеме.

Вся привокзальная площадь была полна людей в белых шлемах.

Они бродили около своих мотоциклов, заводили их — трах-тах-тах! — и, размахивая руками, обсуждали какие-то свои мотоциклетные дела.

— Что тут происходит? — спросил я одного.

— Мотопробег Симферополь — Феодосия в честь Праздника виноградаря! — ответил мотоциклист.

В это время какой-то человек в кожаной куртке поднял флаг, второй человек выстрелил из пистолета, и все мотоциклы, стреляя и взрываясь, умчались.

Последними укатили на автомашине человек с флагом и человек с пистолетом.

Площадь опустела. Остался один мотоциклист. Он стоял посреди пустой площади и держал в руке белый шлем.

Я подошёл к нему.

— Здравствуйте! — сказал я. — Меня зовут Николай. Вы от Марлена?

— Привет! — сказал он. — От Марлена. Вы когда-нибудь на заднем сиденье ездили? Не упадёте?

— Не упаду, — ответил я.

Я никогда не ездил на заднем сиденье. И вообще никогда не ездил на мотоцикле.

ПО-МОЕМУ, ВСЕ ОНИ СЛИШКОМ НЕУСТОЙЧИВЫ.

120 КИЛОМЕТРОВ В ЧАС

Я нацепил на плечи рюкзак, поставил на сиденье ящик с красками, уселся и положил руки на плечи мотоциклисту.

— Меня зовут Лёсик, — сказал он. — В детстве меня так звала мама.

Он пнул ногой свой мотоцикл, и тот затрясся под нами. Машина редела и подпрыгивала, как ракета перед стартом. И ещё она напоминала необъезженную лошадь.

Я понял:

ОН ХОЧЕТ СБРОСИТЬ НАС.

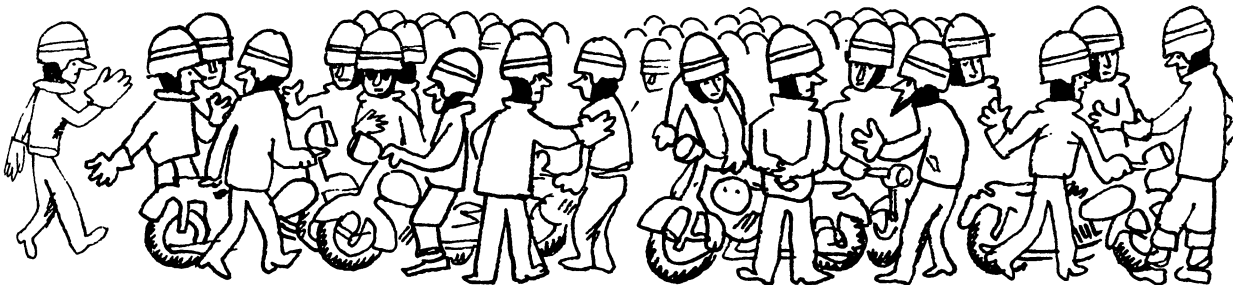
Не успел я так подумать — мотоцикл рывком выскочил из-под меня, я шлёпнулся в пыль.

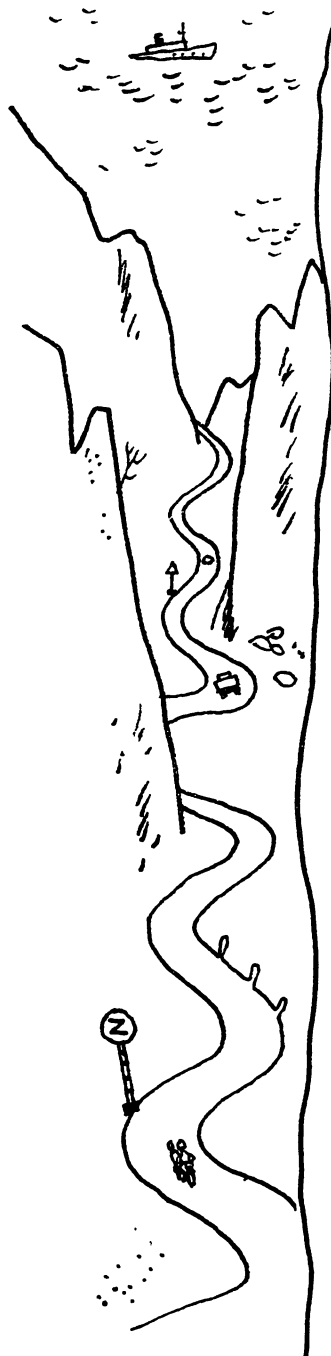
Стреляя синим дымом, Лёсик сделал по площади круг.

— Что ж вы не держались? — удивился он. — Надо держаться крепче.

Я снова уселся и вцепился Лёсику в бока.

— Не щекотите! — закричал он. — Я боюсь щекотки. Сидите спокойно. Держитесь свободно и в то же время крепко. Понятно?

Нет. Понять этого я не мог.

Я нашёл около сиденья металлическое кольцо и впился в него пальцами. Мотоцикл опять затрясся, рванулся вперёд, и мы помчались по симферопольским улицам.

НЕ СЛИШКОМ ЛИ БЫСТРО?

Я заглянул Лёсику через плечо. Стрелка спидометра дрожала около надписи «60 километров в час».

Я крикнул Лёсику.

— Да, да! — недослушав, закричал он. — Это пока. Потом газанём!

Нас вынесло на шоссе. Мимо промелькнули последние городские дома, мотор выликующе и беспощадно. Стрелка дрогнула и покатилась: 100 километров в час... 120...

Я припал лицом к Лёсиковой спине. Встречный воздух стал твёрдым и упругим. Он раздувал брючины и тащил ноги назад, хлестал по лицу и расстёгивал на груди рубашку.

Я так тянул вверх кольцо, что оно должно было вот-вот вырваться. Руки онемели. Из-под ногтей сейчас выступит кровь...

ЧТО ТАМ ПОСЛЕ 120?

ВНИЗУ — ГОРЫ

Мы мчались по крымской степи. Овраги пересекали степь. Они были узкие и глубокие.

Мотоцикл затрясся мелкой дрожью: мы съехали с асфальта и затрусили по неровной каменистой тропе. Тропа повернула к оврагу, сбежала на его дно и, вертясь и петляя, помчалась дальше.

Стало холодно. Мотоцикл завыл и пополз еле-еле. Я высунул нос из-за Лёсикиного плеча. Овраг превратился в самое настоящее ущелье. Вверху громоздились каменные глыбы, между ними вились узкие тропинки, лилась вниз зелень кустов. Оранжевые верхушки скал горели в лучах утреннего солнца.

Станный Крым! Там, наверху, ведь степь. Ровные, как стол, распаханые тракторами поля, жёлтая, пересохшая трава, сусличий пересвист.

А У НАС, ВНИЗУ, ГОРЫ!

ПЕЩЕРЫ

Мы проехали час по дну ущелья, и от нашего мотоцикла пошёл пар.

— Слезаем! — сказал Лёсик и повалил машину набок.

Я едва успел прыгнуть.

Лёсик расстегнул шлем, положил его на землю и лёг.

Сколько я ни встречал мотоциклистов, они все или сидят в машинах или лежат на земле.

НАВЕРНОЕ, ОНИ РАЗУЧИЛИСЬ СТОЯТЬ.

Лёсик вставил в зубы травинку и начал её жевать.

Я поднял голову. Прямо передо мной возвышалась удивительная скала. Это была даже не скала, а останец — остаток очень древней горы. Ветры и время сгладили её вершину, и она стала плоская, как стол. Тропа, по которой мы приехали, обтекала гору с двух сторон.

Верхний край горы был изрыт пещерами. Они опоясывали гору кольцом и смотрели во все стороны, как пустые глазницы. Некоторые дыры были правильной четырёхугольной формы.

Я потянул Лёсика за штанину.

— Что это? — спросил я и показал на странную гору. — Что за пещеры?

— А? — Лёсик даже не поднял головы. — Это Эски. Я посплю пятнадцать минут. Хорошо?

ЧТО ЗНАЧИТ ЭСКИ?

Я подошёл к подножию горы.

Серые, шершавые, источенные водой и ветром камни поднялись надо мной. Они тянулись вверх и заканчивались причудливой вязью ходов.

Скала возвышалась метров на сорок. Подняться невозможно. Я вернулся к Лёсику. Я хотел спросить его: «Что значит Эски?»

Но он спал.

Ровно через пятнадцать минут он вскочил, поднял за рога машину, пнул её, мотор заработал — трах, тах! — я едва успел вскочить на сиденье, и мы уже мчались по тряской дороге.

Свернув шею на сторону, я смотрел, как удаляется источенная дырками, как сыр, каменная громада.

Мотоцикл дёрнул. Мы пронеслись мимо огромного валуна. Он, видно, скатился с вершины останца. В боку его было пробито отверстие, похожее на дверь.

И КАМЕНЬ СТРАННЫЙ...

— Держитесь! — крикнул мне через плечо Лёсик. — Сейчас я вас тряхану!

ОХ, УЖ ЭТА ДОРОГА!

МОРЕ

Теперь дорога шла вниз. Мотор выл легко и радостно. Ветер свистел в ушах. Я уже приловчился сидеть и не так тянул на себя кольцо.

Наконец мы объехали высокую зелёную гору, вылетели на асфальт, промчались по нему и, сделав поворот, очутились перед обрывом.

Лёсик едва успел затормозить.

Под колесом мотоцикла ослепительно и спокойно голубело море.

Ровный ветер лениво гнал по его поверхности едва замет-

ные чёрные морщинки. Зелёный и оранжевый берег петлял внизу.

— Голубая бухта! — сказал Лёсик.

Я узнал её. Вот те скалы, около которых «Тригла» стояла на якоре.

Где-то там грот «Машина». Там мы подняли камень с отпечатками древних животных...

На берегу бухты зеленели палатки. Около них бродили белые и красные букашки — люди.

ПАВЛОВ И ДРУГИЕ

Когда мы подъехали к палаткам, навстречу нам вышли здоровенные парни — все в трусах.

— Вы художник? — спросил самый громадный из парней. — Я Павлов. А вашего Марлена нет.

— Как — нет?

— Уехал в Севастополь за аппаратурой. Привезёт магнитофоны для записи рыб.

— Записи чего?

— Голосов рыб.

ЧАС ОТ ЧАСУ НЕ ЛЕГЧЕ!

— Что же делать? — растерянно спросил я.

— Присматривайтесь... Давайте познакомимся. Я начальник экспедиции. Это мои помощники.

Рядом с ним стояли три парня. Один в очках и с портфелем, второй с водолазной маской в руке. Третий стоял просто так. Стоял и жевал колосок.

— Мой заместитель — Джус.

Парень в очках вежливо наклонил голову.

— Инженеры-подводники Немцев и Игнатьев.

Остальные двое тоже закивали.

— Устраивайтесь. Ваше место в шестой палатке, третья раскладушка с краю. Миска тоже третья, за вторым столом. За питание рубль в сутки.

Между палатками желтели длинные столы из неструганых досок.

Я достал из кармана три рубля.
— Вот, — сказал я. — А вдруг
Марлен не придет?

Все захохотали.

— Приедет ваш Марлен. Да-
вайте больше. Рассчитывайте на
месяц.

ЕГО ЗОВУТ «САДКО»

Я отнёс вещи в палатку и вер-
нулся к Павлову. Мне надо было
понять, что тут происходит.

— Что мы собираемся де-
лать? — спросил Павлов. — Ста-
вить «Садко».

— Садко?

— Подводный дом. У нас научная экспедиция. В ней уча-
ствует ваш Марлен. Он будет изучать голоса рыб. Вернее, зву-
ки, издаваемые морскими животными.

— Ах вот оно что!

К нам подошёл Лёсик.

— Мне теперь в Севастополь?

— Да, в распоряжение Марлена. Не забудь заодно узнать
про матрасы.

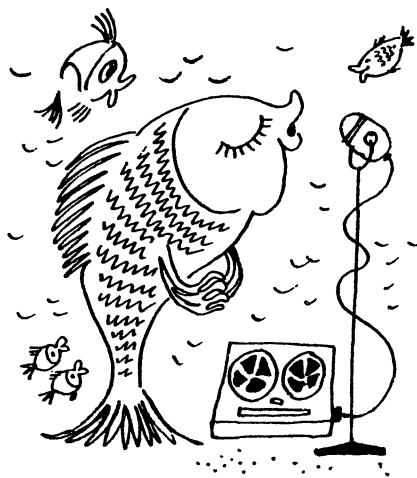
— Сделаю.

Лёсик завёл свой мотоцикл и пулей вылетел из лагеря.

Синий хвост дыма потянулся за ним на гору.

**ВСЕ ПРАВИЛЬНО. САДКО ВЕДЬ ПОДВОДНЫЙ
ГОСТЬ.**

— Мы должны научиться жить под водой, — сказал
Павлов.

БЕЗ НЕГО НЕ ОБОЙТИСЬ

Вечером мы сидели на берегу, швыряли в море камни и
слушали, как они щёлкают по воде. Было темно.

— Если бы я был художником, — сказал Павлов, — я бы писал жизнь на больших глубинах. Вот где краски! Помню, как-то опускался на Шикотане — остров такой есть в Курильской гряде. Скала — обрыв метров сорок. Опустился — ничего не видно. Включил фонарь. Поверите, даже вздрогнул! Скала, а на ней крабы. Да не простые, лиловые, а глубоководные, колючие, красного цвета. Как цветы. Зелёная вода, чёрный камень и красные крабы... Такого нигде больше не увидишь.

Он вздохнул.

— Расскажите про дом, — попросил я.

— Про «Садко»?

Но вместо «Садко» он рассказал про то, как работал английский водолаз.

... Дело было в Северном море. Во время войны там был торпедирован английский транспорт с грузом никеля. Судно затонуло на глубине сто восемьдесят метров.

После войны эти никелевые пакеты решили поднять.

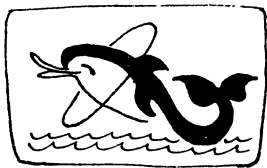
Сперва нужно было обследовать судно. Опустили водолаза. Это был отличный водолаз, который полжизни провёл, опускаясь на самые большие глубины.

Однако сто восемьдесят метров и для него было пределом.

Опускали водолаза медленно, с выдержками, всё время спрашивая, как он себя чувствует.

Водолаз достиг дна и, волоча за собой шланги, обошёл корабль кругом. Шланги были не очень длинные — баллоны со сжатой воздушной смесью были тоже опущены на дно. Но всё равно на такой глубине, под таким страшным давлением, человек двигался очень осторожно.

Водолаз увидел, что судно развалилось на части, а никелевые пакеты разбросаны на большой площади.

Собирать их по одному не было никакого смысла...

— Самое интересное началось потом, — сказал Павлов. — Знаете, сколько времени пробыл на дне водолаз? Пятнадцать минут. А поднимали его? Никогда не угадаете. Двенадцать часов! Нужно было медленно снизить давление в лёгких и крови до нормального. Иначе кессонная болезнь или смерть.

— Знаю, — сказал я. — Если водолаза резко поднять, кровь вскипает. Как газированная вода в откупоренной бутылке.

— Вот-вот. Пятнадцать минут — и двенадцать часов. Это не работа! Нужны дома. Подводные дома, давление в которых равно забортному. Водолаз должен работать и отдыхать без смены давления. Вышел из дома, вернулся, снова вышел. Ходи сколько хочешь.

Я сказал: «А-а!» Я действительно понял, зачем нужен «Садко».

— Где сейчас дом?

— Его буксируют по морю. Скоро будет здесь.

В бухте кто-то вздохнул.

— Ишь как дышит! — сказал Павлов. — Вы дрессированных дельфинов когда-нибудь видели?

— Только в кино.

Мы помолчали.

— Для нас самое главное этим летом — наблюдения над человеком. Сколько времени он может прожить в подводном доме? Как будет работать сердце, лёгкие?.. А дельфина вы скоро увидите, его вот-вот привезут. Будем обучать себе в помощь.

ДЕЛЬФИНА?

Это мне понравилось.

Я брёл к скалам. К тем самым, на которых когда-то мы с Марленом видели вмятины от пушечных ядер и где шумел грот «Машина».

Мои кеды тонули в чёрной гальке. Я вспомнил, как нашёл на тихоокеанском берегу раковину с жемчужиной, нагнулся и стал смотреть под ноги.

Это был не тот берег. Среди чёрных, обкатанных водой голышей лежали обломки маленьких розовых раковин. Мелкие, тонкие, которыми продавцы в Севастополе обклеивают рамочки для фотографий.

И вода здесь не та. И животные. В Чёрном море нет осьминогов, морских звёзд. Тут никто не ловит трепангов и не собирает колючих длинноиглых ежей.

Потом, это очень благополучное море. Ласковое и тихое...

Скалы, к которым я шёл, подступали всё ближе и ближе. Пляж сузился и превратился в тонкую полоску.

Ещё десяток шагов — и галька исчезла. Высокая скала преградила путь.

Я разделся и, придерживаясь руками за выступы в камне, вошёл в воду. Вдоль каменной стены добрёл до поворота. Здесь каменная тропинка, которую я нащупывал ногами, оборвалась, и я погрузился по шею. Оттолкнувшись от скалы, поплыл. Стена повернула, открылся входной мыс — ровный, отполированный волнами и брызгами каменный обрыв. Где-то тут должна быть «Машина».

Я прислушался. Тяжёлых вздохов, которые издавал когда-то грот, не было слышно. Оспин в каменной стене я тоже не разглядел.

Я задрал голову и стал высматривать наверху, среди оползневых жёлтых пятен, то место, где когда-то сорвались и обрушились в воду плиты с отпечатками древних животных.

Я не нашёл и его.

ЗДЕСЬ ВСЁ ТАК ИЗМЕНИЛОСЬ!

Я дёрнул по-лягушачьи ногами и поплыл назад, к тому месту, где светлой горкой лежала моя одежда.

«САДКО»

Не успел я надеть штаны и майку, как из-за скалы показался чёрный обрубленный нос буксирного парохода. Потом — решётчатая стрела и, наконец, кран. Плавающий кран на четырёхугольном, похожем на остров основании.

Затем показался ещё один буксир. Он тащил за собой белое, полупогружённое в воду сооружение, похожее на цистерну. Буксир пошёл шибче. Перед цистерной запенился и зашумел бурун.

Сперва я не понял, что тащат, но потом меня осенило:

ВЕДЬ ЭТО ДОМ!

Прыгая на одной ноге, я вылил из кед воду, надел их и побежал в лагерь.

В бухте грохотали цепи. Это становились на якоря суда. Буксир... Второй буксир... Кран.

Только дом остался свободно качаться на воде.

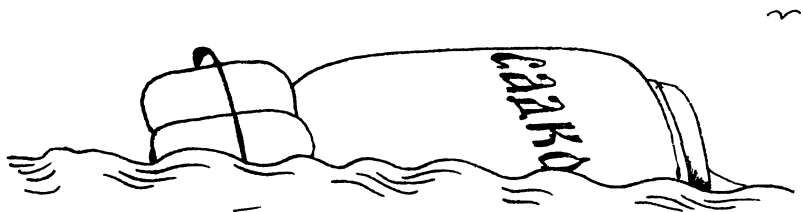
НЕ ДО МЕНЯ

До прихода дома мной все интересовались. Павлов, тот по несколько раз на день заговаривал со мной.

Теперь всё изменилось. Мимо меня пробегали, не обращая внимания. Все были заняты. Дом! Пришёл дом!

Между буксирами и берегом сновали шлюпки. Около плавающего дома их всё время толпилось штук пять.

У всех было дело. Все готовились к чему-то серьёзному. Всем было не до меня.

КАК ЯКОРЬ?

Скоро все стали повторять слово «якорь».

— Как с якорем?

— Якорь обещали к обеду.

— Не видно якоря?

— Ещё нет.

— А блины для якоря?

КАКИЕ ЕЩЁ БЛИНЫ?

— Якорь... Якорь... Якорь...

Я тоже не выдержал.

— Ну, как там с якорем? — небрежно спросил я одного водолаза; тот сидел на корточках и тряпкой с вазелином протирал пружинки от акваланга.

— А?

— Я говорю: как якорь, ничего?

— Я его не видел, — сказал аквалангист. — Его никто ещё не видел. Его только сегодня должны привезти.

В это время из-под скалы выполз ещё один буксирный катер. Он вёл за собой понтон. На понтоне один на другом лежали рыжие чугунные блины. Каждый толщиной в четверть метра. Целый столб.

Под их тяжестью понтон чуть не тонул.

Катер подтащил понтон к крану...

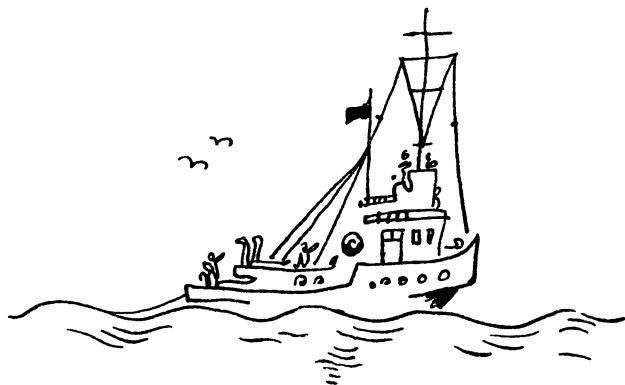
И вдруг я увидел, что из-за палатки вышел Марлен. Он был с каким-то кудрявым человеком в шортах.

— Марлен! — закричал я и кинулся к ним. — Наконец-то!

Марлен остановился и задумчиво посмотрел на меня.

— А, это ты? — сказал он. — Как якорь?

Я разозлился. Мы не виделись два года. Нашёл о чём спрашивать!

— Утонул твой якорь.

Марлен посмотрел на бухту.

— Нет, вижу, вот он... Знакомься, это дрессировщик дельфина. Будет готовить животное.

Человек в шортах протянул мне руку:

— Рощин-второй!

Я сунул ему в ладонь руку и тоже стал смотреть, что делается в бухте.

РОЩИН-ВТОРОЙ... А ГДЕ ЖЕ ПЕРВЫЙ?

ЯКОРЬ ГОТОВ

Буксиры сгрудились в центре бухты.

Кран опустил крюк и подцепил чугунные блины.

— Ишь придумали же якорь! — сказал Марлен. — Тонн двадцать в нём.

Он пошёл в палатку и принёс бинокль.

Кран начал медленно опускать якорь в воду.

Марлен передал бинокль мне.

Якорь был в воде уже до половины. Вот он скрылся... С понтона поползла в воду цепь. Она ползла медленно, как змея, поблёскивая и извиваясь.

Шевельнулся дом. Он качнулся, отошёл от буксира и, вращаясь, поплыл к тому месту, где утонул якорь. Там он покружил, выпрямился и стал.

Теперь он стоял, как скрытая до половины в воде сторожевая башня. Круговой поручень опоясывал её верхушку. Над башней развевался красный флажок.

— Дом стоит. Магнитофоны для записи рыб прибыли, — сказал вечером Павлов. — Всё есть, нет только дельфина.

ДЕЛЬФИН САША

На следующий день появился и дельфин.

Его тоже доставил буксирный катер. Теперь вся Голубая бухта была забита судами.

Дельфина привезли в клетке. Вернее, притащили. Его клетка плавала на воде, привязанная к четырём резиновым, надутым до блеска баллонам. Дно её было глубоко под водой, крыша чуть поднималась в воздухе.

Когда катер подошёл к берегу, Марлен сразу же начал шуметь.

— Эй, на катере! — крикнул он старшине. — Как привязали клетку? Вы что, не понимаете? Зверя утопите. Ему дышать надо.

ДЕЛЬФИН — ЭТО МАЛЕНЬКИЙ КИТ. ЕМУ НУЖЕН ВОЗДУХ.

— Где сопровождающее лицо?

— Оно укачалось. Спит, — мрачно ответил старшина. — Разбудить?

— Будите!

На палубу вышел жёлто-зелёный человек в дамской кофте.

— Вы из дельфинариума? — спросил Марлен. — Сопровождающий?

Человек кивнул.

— Вы знаете, что ваш дельфин чуть не утонул?

Человек заморгал глазами и положил руку на живот. Видно, его здорово укачало.

— Н-нет.

Марлен посмотрел на него свирепым взглядом.

— Почему вы в дамской кофте? — спросил он. — Как зовут вашего дельфина? Чем вы думаете его кормить?

— Саша.

Это было всё, что смог ска-

зять человек. Он положил на живот вторую руку и полез назад в каюту.

— Где он ухитрился укачаться? — возмутился Марлен. — На море ведь штиль.

— Я знаю, откуда у него дамская кофта, — сказал, подумав, старшина. — Его жена провожала, а она была в мужском пиджаке. Перепутали, видно. Не шумите. Дельфина звать Саша. Кормить его надо рыбой. Он даже мороженую ест.

Старшина объяснил это и пошёл на корму — следить, чтобы клетку побыстрее вели к берегу.

Он торопился уйти.

Тогда из каюты снова высунулся жёлто-зелёный. В руке он держал бумажку.

— Распишитесь в получении, — хмуро сказал он. — А то мне не отчитаться. Зверь — он знаете сколько стоит! Вот тут и тут... Два раза.

Он глотнул слюну и, взяв у Марлена бумажку, исчез.

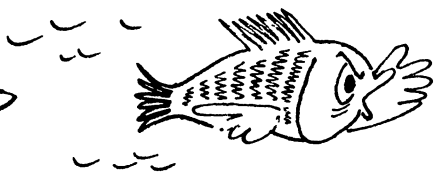

МОРСКИЕ КАНАРЕЙКИ И БОЛТУНЫ

Как-то я спросил Марлена:

— Что же ты собираешься записывать там, под водой?

Он не ответил, отвёл меня в палатку и достал из чемодана кассету с тонкой магнитофонной лентой.

— Один человек привёз, — сказал Марлен. — Несколько лет работал в полярных экспедициях.

Он поставил ленту и включил магнитофон.

Под низкими сводами палатки слышались удивительные звуки.

Сначала звенели колокольчики. Они звенели тихо и мелодично: тень-тень!..

Потом слышался шорох и скрип, как будто волокут по полу мешок с битым стеклом. Потом опять: тень-тень!..

Затем магнитофон замолчал. Началась новая запись. Кто-то чирикал и посвистывал. Весело так: «Свись-свись!» Помолчит, послушает себя и опять: «Свись-свись!» Похоже на канарейку, только резче и солиднее. Сперва один голос, потом появился второй. Они стали перекликаться. Первый: «Свись!» А второй ему отвечает: «Свись-свись!»

ЭТО, НАВЕРНОЕ, ПИНГВИНЫ!

Третья запись была совсем непонятная.

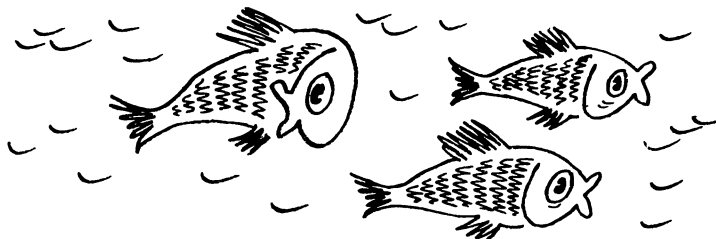
Кто-то скрипел.

Сначала он молчал, потом как заскрипит: «Згrrr-rrr-rrr... rr... р...» Поскрипел и снова замолчал. И вдруг как забормочет: «Бла-бла-бла!..» Сперва один голос, потом несколько. Галдят, как на базаре.

— Что это? — спросил я, когда запись кончилась.

— Отгадай.

— Первая запись — битое стекло, — сказал я. — Вторая — пингвины. Третья — базар. Угадал?

Марлен заулыбался:

— И не гадай. Все записи сделаны под водой. Первая — торожение льда. Лыдина напoлзает на лыдину. Звенел лёд. Вторая — запись голосов белух, жёлтых полярных китов. После этой записи их прозвали морскими канарейками. А третья — сам не знаю кто. Охотится кто-то из подводных хищников. Может быть, кашалот, может быть, дельфин. Скрип — это сигнал, с помощью которого он обнаруживает добычу. Поскрипел и замолчал: слушает, с какой стороны будет эхо. А вот кто там бормотал — и вовсе тайна. Эти существа называли морскими болтунами. Звуки записывают, а кто их издаёт, не знают. Вот почему мы будем записывать рыб в вольере. Там по крайней мере видно.

— Морские болтуны! — сказал я. — Ведь вот как называли! Но кто это? Не киты?

Марлен пожал плечами.

— Я думаю проверить ещё одно очень интересное сообщение, — сказал он. — Утверждают, что испуганная или гибнущая рыба в момент опасности издаёт крик. Конечно, не слышный для нашего уха. Этот крик слышат её товарки. Для них это сигнал: берегись — хищник!

— Да, вот тебе и мир безмолвия! — сказал я.

Марлен кивнул.

— А наш дельфин? — спросил я.

— Что — дельфин?

— Его ты записывать будешь?

— Если хватит времени... Вот думаю — но это на будущий год — устроить тут акустический полигон. Два гидрофона и телевизионная камера. Сажу на берегу, записываю звуки и вижу, кто их издаёт. Мечта!.. Ты к дельфину ходишь?

— Ещё бы!

В ЗАГОРОДКЕ

Каждое утро я ходил к дельфину.

Около берега был отгорожен сетью кусок бухты. Туда поставили клетку.

Я приходил, усаживался на берегу и смотрел, что делает Саша.

Обычно он неторопливо плавал взад-вперёд. Доплывёт до стенки, повернётся и, не всплывая, поплыл обратно. По пути вынырнет, раскроет дыхало — пых! — вырвался вверх белый фонтанчик пара. Дыхало захлопнулось, дельфин — дальше.

Иногда Саша начинал плавать кругами. Тогда он набирал скорость и, как серая молния, мчался вдоль загородки. Он доплывал до угла, делал еле заметное движение хвостом и, описав дугу, опять летел вдоль сети. При этом он кренился, как самолёт.

Когда ему надоедало носиться, он подплывал к берегу и внимательно смотрел из-под воды на меня, на палатки, на горы. Поперёк Сашиной морды тянулся белый шрам.

Дельфин смотрел на меня и усмехался.

В руках у меня был альбом. Толстым угольным карандашом я пытался нарисовать дельфинью морду. Морда получалась скучной и невыразительной.

РОЩИН-ВТОРОЙ

Приходил дрессировщик.

— Рощин-второй! — каждый раз называл он себя и протягивал мне руку.

— Почему второй? — не выдержал наконец я.

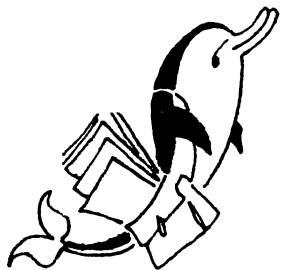
— Рощин-первый был мой отец, — объяснил дрессировщик. — Он работал с морскими свинками. От отца я унаследовал страсть к морским животным.

В детстве мы с сестрой Зиной держали дома двух свинок. Они были чуть побольше крыс, пятнистые и прожорливые, всё время ели, шевеля розовыми плюшевыми носами и едва слышно похрюкивая.

ИНТЕРЕСНО, ЧТО МОГУТ ДЕЛАТЬ МОРСКИЕ СВИНКИ В ЦИРКЕ?

Я долго об этом думал, но так ни к чему и не пришёл.

НЕ МОГУТ ЖЕ ОНИ ПРЫГАТЬ ЧЕРЕЗ ОБРУЧ!

— Какая у вас программа дрессировки? — спросил я.

— Большая. В задании, которое я получил от Павлова, написано: научить дельфина доставлять в подводный дом письма и газеты, научить приносить работающему под водой человеку инструменты, научить отыскивать заблудившихся под водой аквалангистов.

— Ого!

Я с уважением посмотрел на Рощина.
ВОТ ТЕБЕ И ВТОРОЙ!

ПОПРОБУЙ ЕЩЁ РАЗ

Каждый день Рощин с дельфином начинали с разучивания прыжка.

— С азов! С азов! — говорил Рощин, надевал резиновые сапоги, вешал через плечо сумку с мороженой рыбой и, войдя в загородку, стучал ладонью по воде.

Саша подплывал к нему и, высунув из воды голубую морду, ждал.

Рощин хлопал его по макушке, доставал из сумки рыбёшку и протягивал её Саше. Дельфин глотал рыбу и начинал щёлкать челюстями.

— Ещё? Нет, нет. Сначала работать.

Рощин доставал из кармана милицейский свисток. Услышав трель, Саша от восторга переворачивался и начинал носиться вдоль загородки.

Тогда Рощин брал палку и, подняв её над водой, ждал. Он ждал, когда Саша наконец подплывёт и прыгнет через неё.

Я никогда не видел, как дрессируют животных. Я сидел на берегу, смотрел на Рощина и Сашу и удивлялся.

Рощин стоит по колено в воде. В одной руке у него палка, в другой — рыба. Свисток!

Саша подныривает под палку и выхватывает из рук Рощина рыбу.

— Саша! Ну что ты делаешь, Саша! — говорит Рощин и достаёт из сумки новую рыбёшку. — Ещё раз. Попробуй ещё раз.

Дельфин подплывает и снова крадёт рыбу.

— Что за животное! — жалуется Рощин. — Не понимает русского языка!

Он снова лезет в сумку.

— Саша, сюда!

Саша вертится по одну сторону палки, Рощин размахивает рыбой по другую.

Рощин замёрз и чихает: «Ап-чхи!» Чихая, он закрывает глаза.

Саша делает короткий бросок, и третья рыба исчезает в его пасти.

— Негодяй! — кричит Рощин. — Ты будешь прыгать или нет?

Я по-прежнему сижу на песке и смотрю, как Саша отнимает у Рощина рыбу.

ДА! ДРЕССИРОВЩИКУ НАДО ИМЕТЬ ЖЕЛЕЗНЫЕ НЕРВЫ...

ДОЖДЬ

С севера из-за гор наплзли тучи. Погода испортилась. Пошёл дождь. Сперва мелкий, робкий. Дождинки, упав на тёплую землю, тотчас высыхали.

Потом облака стали плотными, серыми и опустились к самой воде. По палаткам забарабанили крупные капли.

Дождь шёл час... два... сутки. Тоскливо стало в палаточном городке.

Мы собрались в палатке номер один — на командном пункте; сидели кто на чём и рассказывали друг другу разные морские истории.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ — ПРО ЗАТОНУВШИЙ КОРАБЛЬ

— Где-то в бухте, — рассказал Немцев, — лежит затонувший корабль...

Корабль лежит ещё с Крымской войны. Тогда английские, французские и турецкие войска окружили Севастополь. Около чёрных балаклавских скал и оранжевых берегов Херсонеса дымили их пароходы.

Чтобы не пустить врага в Севастопольскую бухту, русские моряки собрали свой парусный флот, открыли кингстоны у кораблей, и парусники один за другим легли на дно между входными равелинами порта.

Частокол мачт вознёсся над стылой, холодной водой.

В эти зимние дни 1854 года на обнажённые скалы Крыма то и дело налетали штормы. Однажды в Голубой бухте укрылся английский пароход. Он спрятался в бухте от западного ветра и стал на якорь. Ночью ветер переменялся. Он подул с юга и обрушил на мелкую, открытую с моря бухту неистовство воды и воздуха. Отрёва волн колебались и дрожали скалы. Тонкая водяная пыль поднялась в воздух, смешалась с темнотой и скрыла от моряков берег.

Якорь пополз. Корабль отдал второй. Этот лёг неудачно и тоже не смог удержать пароход на месте. Грохот волн, опрокидывающихся на прибрежном песке, становился всё сильнее.

Капитан-англичанин приказал расклепать обе якорщепи и пустить машину на полный ход. Корабль сделал поворот и пошёл вдоль берега. Но выйти в море он не сумел. Длинная, увенчанная белым гребнем гороподобная волна возникла из темноты и швырнула пароход на скалу. Грохот железа смешался с воплями людей.

Из команды английского парохода спасся лишь один че-

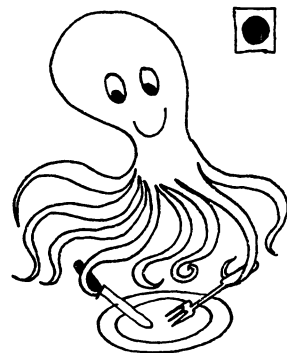
ловек. Он долго лежал в госпитале, не приходя в себя. Когда разум вернулся к нему, он рассказал печальную историю этой стоянки. Воспоминания этого человека вошли в книгу о войне, изданную в Лондоне...

Когда Немцев рассказал эту историю, я спросил:

— Где этот корабль лежит?

Немцев пожал плечами.

— Где-то тут.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ — ПРО ОСЬМИНОГА

Потом в разговор вмешался Роцин.

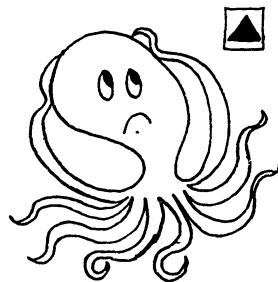
Он сказал, что, как ему кажется, разговоры о способностях дельфинов преувеличены.

— Саша не оправдывает моих надежд, — сказал он. — За это время даже кошка научилась бы гораздо большему.

Тогда не выдержал Джус. Он заявил, что способности дельфинов вне сомнений. Он сам, работая во Владивостоке, видел пример удивительной сообразительности такого, казалось бы, простого морского существа, как осьминог.

Однажды учёные поставили опыт. Они посадили в аквариум осьминога и несколько дней морили его голодом. Потом осьминога стали кормить: ему бросали в аквариум по небольшому крабу. Но прежде чем бросить, осьминогу показывали железную табличку с нарисованной фигурой. Если показывали круг, то краба бросали, а если треугольник, то осьминог не только оставался без пищи, но получал ещё и удар электрическим током.

Опыт продолжался долго, и мало-помалу осьминог стал понимать: когда он видел круг, то выползал из-под камня и нетерпеливо распускал и свивал щупальца — ждал краба, а когда видел треугольник, забивался под камень ещё глубже.

Потом осьминога поместили обратно в большой аквариум к рыбам и актиниям.

Следующий день был выходным, и в лабораторию, где стоял аквариум, двое суток никто не заглядывал.

Когда в понедельник люди пришли на работу, они всплеснули руками...

Весь коридор был залит водой. Под дверью стояли лужи. Открыли дверь. Аквариум пуст, пробка в дне вытащена. На дне лежали мёртвые рыбы. Рядом валялись почерневшие, сморщенные актинии.

Погиб и осьминог.

Ему удалось выбраться из аквариума, он дотащился до стола, на котором стоял второй аквариум, но забраться на стол у него уже не хватило сил.

Учёные стали ломать себе головы: зачем понадобилось осьминогу открывать пробку?

— Знаете, — сказал неожиданно один из них, — я, кажется, догадался. Ведь пробка, если смотреть на неё сверху, похожа на круг. Осьминог, вероятно, смотрел на неё и всё ждал, когда появится краб. А потом решил поискать его за пробкой...

— Да что говорить, — закончил Джус, — морские львы выступали десятки лет в цирках и никто не удивлялся, а теперь, как узнаем что-нибудь новое о морских животных, так ахаем! Ваш Саша не глупей самой умной собаки, только к нему надо иметь подход.

— Какой ещё подход? — пробормотал Рошин.

САША, РОШИН, МАРЛЕН

Когда дождь кончился, Марлен сказал, что он хочет посмотреть, чему научил Рошин дельфина.

— Пожалуйста! — согласился дрессировщик. — Обучение несколько затянулось, но я считаю — в целом оно идёт успешно.

Вместе с Марленом и Павловым к загородке в тот день пришёл и я.

Рощин опять надел сапоги и полез в воду. В одной руке у него была палка, в другой — свисток.

Он свистнул. По свистку Саша должен подплывать к человеку.

Дельфин и не подумал это сделать. Он отплыл в дальний угол и стал шумно дышать: «Пых! Пых!»

— Почему он не плывёт к вам? — спросил Марлен.

Рощин свистнул ещё раз.

— Упрямое животное, — сказал он.

«Пых! Пых!»

Тогда Рощин полез ещё глубже. Он хотел выгнать Сашу палкой из угла, но не рассчитал, вода хлынула ему в сапоги.

Рощин уронил палку и вышел на берег. Тогда Саша двинулся с места, разогнался и перепрыгнул через палку.

— Та-ак... Что он умеет делать ещё? — спросил Марлен.

Рощин сел. Потоки воды вылились из его сапог.

— Снимите сапоги. Может быть, они мешают вам работать с дельфином?

Рощин застонал.

— Попробуйте так.

Рощин послушно вошёл в воду.

Он стоял по пояс в воде и свистел. Саша плавал вокруг.

— Негодяй! — кричал Рощин. — Ты будешь прыгать или нет?

Он побросал дельфину всю рыбу. Саша рыбу съел, но делать ничего не стал.

— Вы устали свистеть, — сказал Марлен. — Даю вам ещё неделю. Если через неделю дельфин не будет вас слушаться, дрессировку прекратим, а вы уедете.

Он повернулся и пошёл прочь.

Мы с Павловым побрели следом.

— Странно, — сказал Павлов. — Я видел в кино океанариум: дельфины прыгают через обруч, играют в кегли, бросают баскетбольный мяч в кольцо.

— При чём тут океанариум? — сказал, оборачиваясь, Марлен. — Каждый дельфин-афалина легко поддаётся дрессировке. Это факт. Об этом пишут все.

— В книжках всё просто, — примитительно сказал я. — Попробуй повожись... Скажи лучше мне, что такое Эски? Я давно хотел тебя спросить, да забывал.

Марлен остановился.

— Ага, — сказал он, — и ты узнал, что на свете существует Эски? Эски Кермен — это удивительное место. Как только выпадет свободный день, пойдём туда.

Нас догнал Рошин-второй. На плече он нёс палку. На ней висели резиновые сапоги. Синие капли, как слёзы, падали с них на песок.

— Я думаю, за неделю вы всё-таки кое-что успеете сделать, — сказал Марлен. — Не может быть, чтобы не успели.

Говорят, вы выступали в цирке с морскими львами?

Рошин неопределённо кивнул.

Он раскланялся с нами и пошёл к себе в палатку.

— С морскими свинками, вот с кем, — сказал я. — И то не он сам, а его отец, Рошин-первый.

Павлов удивлённо поднял брови.

ЭТО ЕЩЁ ЧТО ТАКОЕ?

Из Севастополя приехал Немцев и привёз матрасы. Замечательные матрасы для подводного дома, из поролона, с приборчиками для поглощения влаги.

На таких матрасах акванавты будут не отдыхать, а блаженствовать.

Так сказал Немцев.

Посмотреть, как их будут распаковывать, собралось человек десять.

ЧТО ТАМ ЕЩЁ ЗА ЧУДО?

Каждый матрас был запечатан в пакет.

Три пёстрых пакета лежали у ног начальника экспедиции. Павлов достал перочинный нож и с хрустом вскрыл первый. Из пакета послышался писк.

Павлов вздрогнул.

— По-моему, там кто-то сидит, — сказал Марлен. Он с любопытством смотрел, как Павлов осторожно сдирает с матраса разноцветную бумагу.

Матрас развернулся, как удав, и лёг на песок.

Посреди матраса сидел и ошарашенно смотрел на нас котёнок.

— Это ещё что такое? — спросил Павлов.

— Может быть, его положили против мышей? В каждый матрас по коту.

Это сказал я.

Павлов удивлённо посмотрел на меня. Он вспорол оставшиеся два пакета, и гибкие блестящие матрасы выползли на свет.

Котов в них не было.

— Как же ты сюда попала, киса? — пробормотал Немцев и взял котёнка на руки.

— Случайно завернули, — сказал Павлов. — Улёгся, дурак, на матрас, и всё. Лёсик, поедешь в Севастополь — отвези.

— Кот пригодится, — неожиданно сказал Марлен. — Я включаю его в программу биологических исследований. Павлов пожал плечами.

— Дело ваше.
Он нагнулся над матрасами и стал шупать их.
Он искал приборчики для поглощения влаги.

Немцев сказал:

— Есть предложение—придумать котёнку имя.
Что, если... Садко?

— Громко.

— Тогда Машка.

— Это же кот.

— Черномор, — сказал Джус.

— Мрачно.

— Мальчик.

— Ерундой занимаетесь, — сказал Павлов. Он наконец нащупал приборчики.

Немцев вздохнул:

— Ни одной свежей мысли. Придётся оставить «кис-кис».

ПОРТФЕЛЬ

Я уже давно заметил, что Джус повсюду таскает с собой портфель.

Как-то я не выдержал и спросил:

— Можно задать вам глупый вопрос? Почему вы всюду ходите с портфелем?

Он не обиделся:

— Да, понимаете, привык. Потом, все бумаги с тобой. Как придёт что-нибудь в голову, сразу на карандаш. Я ведь конструктор дома. А что? Очень смешно?

— Да нет.

Мы сидели у палатки. Над вершинами гор тянулась серая облачная нить.

— Ночью я видел вокруг луны светлое кольцо, — сказал Джус. — Погода испортится. Замечаете, уж не так печёт?

Он присел на корточки, раскрыл портфель и вытащил из него пачку бумаг.

— Вот наш следующий дом. Он, вероятно, больше не будет называться «Садко». Видите, совершенно другой: большой, похожий на тарелку. Его легко можно будет переводить с места на место. И глубину он сможет менять сам. Это черновые наброски.

Я взял в руки листки. На них были не успевшие ещё родиться чертежи. Они словно проклёвывались из листков. В каждом только угадывалось — здесь будет то-то...

— Дом будет плавать, а палаточный городок? — спросил я.

— Будет подвижная береговая база. На автомашинах. Это идея Павлова.

Из-за скал показались серые ватные облачка. Они стремительно двигались вниз.

Джус стал собирать листки.

— Как вы относитесь к тому, чтобы сделать дельфина помощником людей? — спросил я.

Он пожал плечами.

— У американцев, когда они погрузили в Тихом океане подводную лабораторию «Силэб», такой дельфин был. Но что вам сказать? Всему есть предел. От дельфинов нельзя требовать невозможного.

Над вершиной хребта стало расти облако, похожее на наковальню.

Оно клубилось, наливалось чернью и не предвещало ничего хорошего.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

В бухте плясали острые волны. Они выскакивали то тут, то там, на вершине каждой вспыхивал белый хохол, и волна падала.

— Толчея! — сказал Марлен.

Мы стояли с ним на берегу и смотрели на бухту. Катера, буксиры, кран сгрудились посередине. В стороне виднелась из воды макушка «Садко».

Ветер дул порывами. Наши плащи трещали и развевались.

Раскачивалась сеть, за которой стояла клетка дельфина.

— Ну и погодка! — сказал Марлен. — А что, если узнать, на сколько дней обещают ветер?

Он сходил в первую палатку, вернулся и, улыбаясь, сказал:

— Двое суток, самое меньшее, работ в бухте не будет. Тебе повезло: мы сейчас же идём на Эски Кермен. У меня есть одноместная палатка. Захвати еду!

ЛЁГКИЙ ПОДЪЁМ

Мы шли по дороге. Впереди Марлен, за ним — я. Когда мы вышли из лагеря, Марлен сказал:

— Тут недалеко. Сначала долиной, а потом лёгкий подъём.

Мы шли долиной уже третий час. Покатые склоны были засажены кукурузой. В ней стояли домики. Пыльные собаки, привязанные у ворот, провожали нас добрыми взглядами.

— Что же такое Эски Кермен? — спросил я.

— Кермен — это крепость, а Эски — это Эски.

Больше Марлен ничего не сказал. Он тащил большой тюк с палаткой.

То моросил, то переставал дождь.

Мало-помалу дома и кукуруза исчезли. Долина сузилась. По сторонам её поднялись белые, обточенные дождём и ветром скалы.

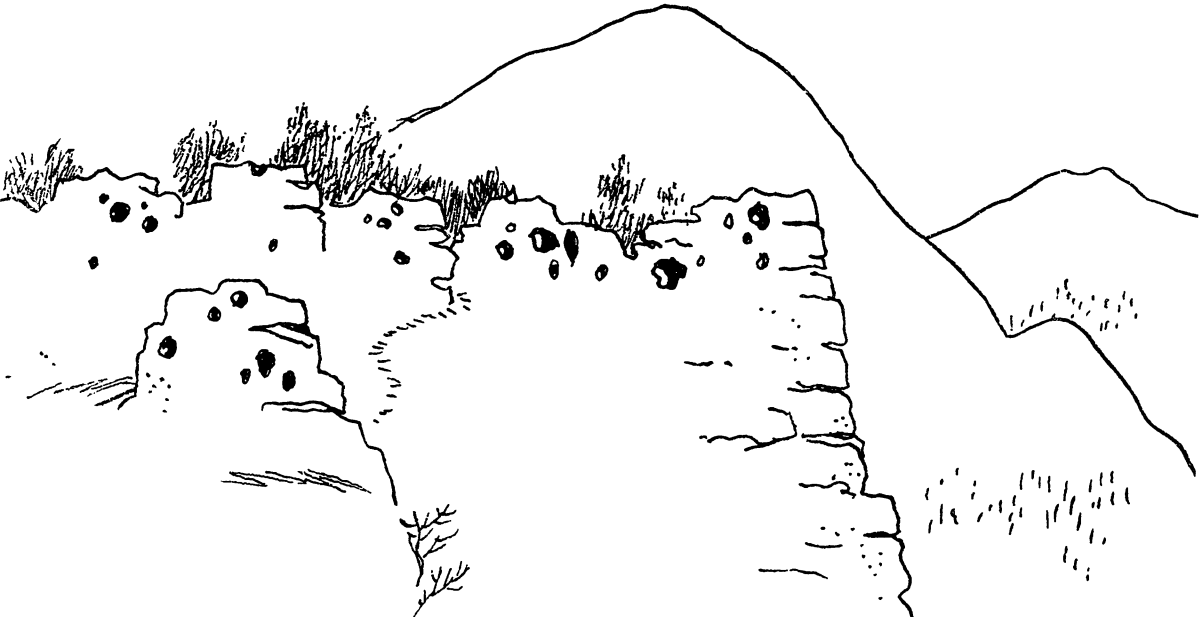
Марлен сошёл с дороги на тропу. Она повела нас вверх, взобралась по склону и начала виться едва приметной ниточкой около скал. Потом исчезла в расселине.

С меня градом катил пот.

— Может, посидим? — предложил я.

Марлен упрямо шагнул вперёд. Огромный рюкзак подпрыгивал на его спине.

— Сейчас выйдем на плоскогорье. — Марлен остановился. Он стаял, широко расставив ноги, и отдувался. — Спустимся, и будет Эски. Мы сократили путь ровно в два раза. По дороге туда идти — нужен день.

На плоскогорье зло и радостно завывал холодный ветер. Он подхватил нас и потащил с тропы. Сухие колючки с лёту ударяли в лицо. Редкие капли, кувыркаясь, летели у самой земли.

Сгибаясь в три погибели, мы шли вперёд. Тропинка, пробитая в жёсткой траве, вывела нас к обрыву. Внизу была лестница из трёх террас, дно ущелья, белая дорога, впереди — вытянутая в длину, вся в дырках причудливая скала, похожая на корабль.

ВОТ И ЭСКИ!

ГОРОД НА СКАЛАХ

Выбитая в скале дорога снова начала карабкаться вверх. Выпуклые лобастые камни Эски нависли над нами. Они были выдолблены изнутри и светились, пустые, как черепа.

Тёмные провалы глазницами смотрели вниз.

— Это казематы. Они защищали вход в город, — сказал Марлен. — Будь мы врагами, то получили бы уже по сотне стрел в грудь.

Мы шли по гладкой известковой плите. Деревянные колёса арб выбили в ней две колеи. Посредине, где ступали копыта лошадей, вилась щербатая тропа.

Дорога сделала крутой поворот, и мы очутились в узком проходе между двух скал.

— Здесь были городские ворота. Справа — часовня, слева — комната стражи.

Я заглянул в помещения. Они тоже были высечены в скале. Розовый свет наполнял их. Хрупкие тонкие стены местами были пробиты. Над полом курилась известковая пыль.

Пройдя ворота, мы очутились на плато. Оно поросло редкими деревьями и кустами кизила. Багряные ягоды светились в пожелтевшей траве. Среди кустов зияли чёрные провалы подземных ходов. Испуганные цикады, оборвав пение, замолкали при звуке наших шагов.

И нигде ни следа домов.

— Значит, жители обитали в пещерах? — спросил я.

Марлен покачал головой.

— Нет. Здесь было много домов, но шесть столетий назад татары сожгли их. Когда-то здесь был настоящий город.

На поляне, продуваемой ветром, у края обрыва, мы поставили палатку. Внизу под нами белел валун с чёрным отверстием в боку. Тот самый, мимо которого промчал меня когда-то Лёсик.

Я показал на него Марлену.

— Это не валун, а часовня, — сказал тот. — Люди Эски так привыкли долбить камни, что когда им понадобилась часовня, они выдолбили её внутри упавшего с горы валуна. Между прочим, первыми русскими, которые увидели Эски, были солдаты Суворова. Они пришли во время русско-турецкой войны.

Я принёс воды, разложил костёр и вскипятил чай.

Облака разошлись. Тусклое солнце двигалось к закату. Прозрачные тени ползли по скалам Эски.

Я лежал на куске брезента, закинув руки за голову, слу-

шал звон цикад и думал о погибшем городе. Мне слышался топот коней и мерный скрип возков. Перекликались на каменных башнях часовые, и безмолвные женщины с кувшинами на головах, как тени, проходили мимо, звеня медными украшениями.

Ещё я представил себе колонну усталых солдат на отдыхе. Прижимая к груди ружья, солдаты удивлённо смотрели вверх. Причудливая плоская гора поднималась над биваком. Серые известковые скалы были усеяны бойницами, узкие ходы вели внутрь. Скалы просвечивали насквозь.

«Пещерный город!» — сказал старый солдат. . .

— Ты здорово устал, — донёсся до меня голос Марлена. — Полежи, я пойду поснимаю.

Он взял фотоаппарат и ушёл, я закрыл глаза.

Когда Марлен разбудил меня, была уже ночь. Мы забрались в тесную, узкую палатку и легли бок о бок.

Звон цикад, от которого сотрясалась скала, было последнее, что я услышал в тот день.

КТО ВИНОВАТ?

Мы вернулись в Голубую бухту.

На берегу у дельфиньей загородки стояли водолазы и что-то горячо обсуждали.

Мы подошли к ним.

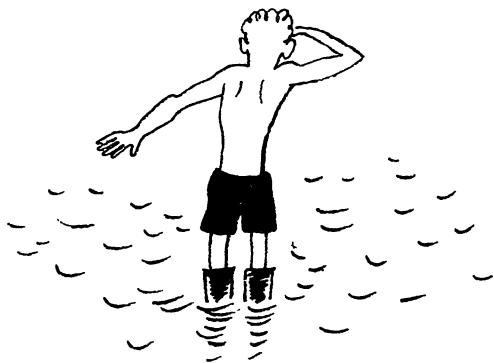
— Что случилось? — спросил Марлен.

— Как — что? — возмутился Павлов. — Уж вам-то надобно знать. Вы отвечаете за биологию. Дельфин — по вашей части. Саша пропал — вот что!

— К-как?

Мы усталились на загородку. Вода в ней была совершенно спокойна. Мы смотрели минуты три. Чёрная спина ни разу не показалась.

«Как же он мог уйти?»

— Волны сдвинули с места сеть. Её надо было проверять каждый день.

Около воды стоял Рошин-второй. Он стоял вытаращив глаза и смотрел на море, словно ждал: вот-вот появится Саша.

— Дельфин — инвентарное имущество, переданное этому человеку, — холодно сказал Марлен. — Этот человек отвечает за пропажу и срыв опыта.

Рошин продолжал смотреть на море.

— Обидно, — сказал Павлов. — Но что сделаешь? Будем работать без дельфина. Ладно. Всё равно у вас ничего не получилось.

Рошин скорбно посмотрел на него:

— Почему? Он уже узнавал меня.

— А вы — его, — сказал Марлен. — Больше вы не нужны. Завтра можете уезжать.

Рошин чуть не заплакал. Он хотел возразить, но только издал горлом непонятный звук: кх-кх-хх...

МАРЛЕН НЕ ПРАВ: НЕЛЬЗЯ БЫТЬ ТАКИМ ЖЕСТОКИМ.

— Хватит о дельфине, — сказал Павлов. — Завтра приезжают корреспонденты, а через два дня начинаем погружение. Может быть, наш художник возьмёт на себя общение с прессой? Как-никак вы родственные души, служители искусств.

Он посмотрел на меня.

Я смутился и сказал:

— Я что... Я с удовольствием.

НЕ ТЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ!

Они приехали на следующий день

Ждали не только из газет — из кинохроники тоже, но приехали одни газетчики. Двое мужчин и женщина.

Один мужчина был маленький и лысый. Он представлял молодёжную газету, всё время прятался в тень и закрывал голову от солнца.

Второй был весёлый и толстый. Его прислала областная газета. Этот всё время бродил по лагерю и рассказывал смешные случаи, которые бывают с работниками печати

Женщина носила огромную шляпу и чёрные очки. Она ходила следом за толстым мужчиной и ждала, что он расскажет. Тогда она говорила:

— А вы злой! — и легонько ударяла его по руке.

— Не те корреспонденты! — сказал Павлов. Он отвёл меня за палатку и стал чесать подбородок. Я уже заметил: он всегда чешет подбородок, когда чем-нибудь озадачен. — Нам бы кино. Как же так: ставим подводный дом, а кино нет? Надо найти оператора. Придётся самому ехать... Вы тут общайтесь с ними, общайтесь.

И он уехал.

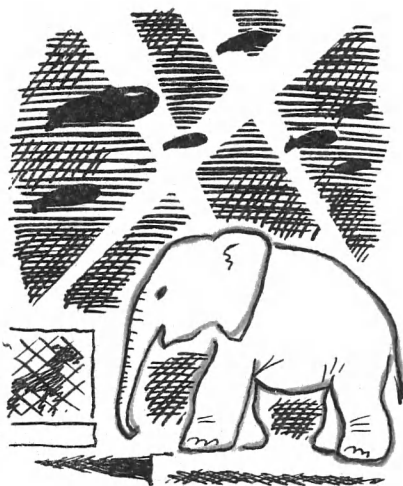
ЧЕЛОВЕК И СЛОН

Я разговорился с корреспондентом. С тем толстым, что рассказывал смешные случаи.

— Хотите, — сказал он, — расскажу, как я не написал свою лучшую статью?

— Давайте.

— Дело было в Ленинграде. Я тогда ещё учился на журналиста. Раз меня вызывают и говорят: «Вот первое задание. В университете есть студент, который написал очень ценную работу про слонов. Найдите его и напишите о нём статью». Иду, узнаю — есть такой. Получаю адрес, вечером являюсь. Он дома. Маленькая комнатка, в углу какие-то кости, прикрытые простынёй. Разговорились. Действительно, студент написал работу: «Особенности скелета слона».

— Вот, — говорит, — в углу кости.

— Слон?

— Слон.

— Откуда вы его взяли?—спрашиваю.

— Выкопал.

— Где?

— Тут, в Ленинграде.

Я решил, что парень врёт или сумасшедший. Обиделся на него и ушёл. Так статьи и не написал. А потом узнал: чистая правда. Только послушайте, какая история.

До войны в Ленинграде был слон. Очень знаменитый слон, вернее, слониха Бетти. А этот парень был юннатом и часто ходил в зоопарк. Можно сказать, они с Бетти были знакомы. Когда настала война, парня забрали на фронт. А Бетти убило шальной бомбой. Её тело разделили на части и закопали на территории зоопарка. Война кончилась, парень стал учиться. На старшем курсе он стал писать работу. О чём? О слонах. А о судьбе Бетти он знал. Получил разрешение директора зоопарка, достал лопату и давай копать. Два месяца искал. Перекопал весь зоопарк. И что вы думаете? Собрал весь скелет. Описал его, получилась блестящая работа. Недавно встретил его фамилию в журнале — Вадим Евгеньевич Гарутт. Крупнейший специалист по слонам. Вот так. А я о нём не написал. Смешно?

Я покачал головой.

— Не очень. Даже наоборот — трогательная история. Человек и слон... Как вам вообще пишется?

— Так себе. Плохо начинаю. Иной раз интереснейший факт, замечательные люди, а начну писать — скукота. Для меня самое трудное — начало придумать, зацепку. А для вас?

Я вздохнул:

— Конечно, зацепку. Поверить в свои силы ещё нужно. Обязательно...

РИСУНКИ

Я мало рисовал.

Мне казалось: ну что рисовать?

Дельфин удрал. осьминоги и трепанги в Чёрном море не водятся. Рыб в бухте?

Я взял альбом, сел под скалой и нарисовал по памяти всё, что случилось в эти дни.

Я нарисовал, как буксиры тащат огромный кран с наклонной стрелой.

Как плавает посреди бухты на боку дом «Садко».

Нарисовал похожие на пчелиные соты известковые стены Эски Кермена, выдолбленные изнутри скалы, и чёрные входы в подземелья среди зелёных кустов кизила.

Ещё я нарисовал Рощина-второго. Он стоял на берегу моря и тоскливо всматривался из-под руки в даль. Он ждал: не вернётся ли дельфин.

ДАВНЕНЬКО Я НЕ РИСОВАЛ ЧЕЛОВЕКА!

Когда я кончил рисовать Рощина, около скалы появилась женщина-корреспондент. На руках у неё была кошка.

— Вот, нашла на берегу, — сказала она. — Это ваш кот? Лагерный? Чуть не утонул.

— Наш, — ответил я. — Только кошки не тонут, они боятся воды. Отнесите Немцеву, это его кот.

И женщина ушла.

ВЕРНУЛСЯ ПАВЛОВ

Всё было готово к постановке дома. Не было только Павлова.

— Везёт! Везёт! — раздались однажды около нашей палатки крики.

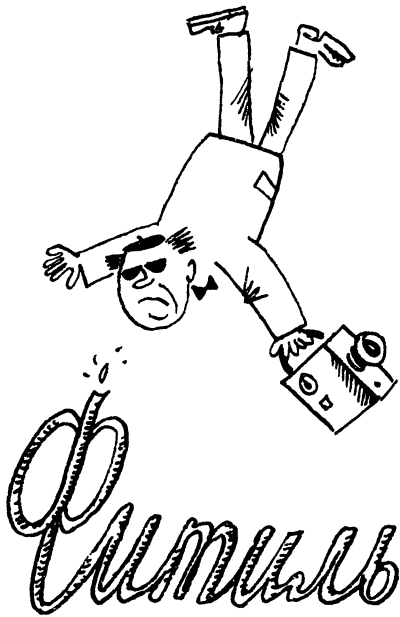
Мы с Марленом выскочили наружу. Мимо нас пробежали полуголые водолазы.

— Кто везёт? — спросил Марлен.

— Павлов! Оператора! Бежим!

Мы побежали.

По дороге спускался к бухте грузовой «газик». За ним тянулось жёлтое облако пыли. «Газик» доехал до палаток и остановился. Из кабины вылез Павлов.

— Пожалуйста. Прошу вас! — сказал он.

Показался человек. Он лез спиной вперёд и тащил за собой жёлтые кожаные сумки.

— Знакомьтесь, — сказал, обращаясь ко всем, Павлов, — кинооператор Центральной студии. Будет работать у нас.

Человек повернулся, и я ахнул. Тот самый киношник, который снимал Телеева с осьминогом! Мой Главный киношник.

Я толкнул Марлена в бок.

— Помнишь? — спросил я его шёпотом. — Шхуна. Взрыв мины. Рыбы под водой... Это ведь тот самый!

— Ага.

МАРЛЕНА НЕ УДИВИШЬ!

— Где мне располагаться? — спросил Главный киношник.

— В палатке, вместе с художником.

Павлов подтолкнул меня:

— Вот и он сам.

— А мы знакомы, — сказал Главный киношник. — Я очень хорошо вас помню по Тихому океану. Вы ещё советовали мне изменить сценарий.

— Да, это я.

Я помог ему перенести сумки в палатку.

— А я вас тоже знаю, — сказал Главному киношнику Марлен. — Помните, вы снимали фильм — взрыв мины под водой? Тут, на Чёрном море.

— Я много что снимал, — устало сказал киношник, и я вдруг увидел, что он здорово постарел. — Может быть, и был взрыв мины.

— Вы всё ещё снимаете морских животных? И бываете часто за границей?

Главный киношник вздохнул:

— Как вам сказать... В общем, нет. Бросили на «Фитиль». Знаете, такие сатирические фильмы. Бичую недостатки.

— А-а-а...

ВОТ ОН УЖЕ И НЕ ГЛАВНЫЙ!

Я решил называть его для себя теперь просто Киношником.

— А почему вы тогда здесь? Тут нет никаких недостатков.

— Попробую тряхнуть стариной: снять документальную ленту. У вас тут надолго затянется?

— Экспедиция рассчитана на месяц. Но дом поставят завтра-послезавтра.

Киношник сел на раскладушку и стал расшнуровывать ботинки. Ботинки у него были отличные — прессованная подошва с шипами и медные блямбы вместо пистонов.

И носки хорошие. И костюм.

ТОЛЬКО САМ ОН ПОПЛОШАЛ.

ДЕСЯТЬ МЕТРОВ И ВОЛЬЕР

Прежде чем погрузить дом, опустили вольер.

Это было громадное круглое сооружение вроде циркового шатра. Большой сетчатый цилиндр. Его поддерживали на воде пустые бочки. Бочки затопили, и вольер погрузился.

Можно было начинать постановку дома.

Мы собрались у лебёдки. Она стояла под навесом на берегу и была похожа на горбатого рыжего медведя.

Наступил торжественный момент.

Павлов подумал и сказал:

— Пошёл!

Мне казалось, что он должен сказать по случаю первого погружения дома речь. Или разбить о лебёдку бутылку, как это делают при спуске корабля.

Но он просто сказал: «Пошёл!»

Завыли электромоторы, скрипнули шестерни. Лебёдка ожила. Скрипнул и двинулся с места канат.

Я стоял метрах в десяти от него и смотрел, как он натягивается, ползёт, исчезает внутри лебёдки. Она поглощала его. Большой барабан, вращаясь, наматывал канат виток за витком.

Дом посреди бухты подрагивал, оседал. Вода уже лизала площадку с поручнем.

«Садко» тонул.

Наконец исчезла выпуклая верхушка дома, площадка, поручень...

Когда «Садко» скрылся, на поверхность выскочило много пузырей. Вода закипела. Белое пенное пятно постояло несколько минут и растаяло.

Лебёдка застучала быстрее.

Канат, который выходил из воды и полз к лебёдке, нёс по воздуху красный лоскут. Это была метка. Когда она подойдёт к лебёдке, будет «Стоп!». Глубина, которой достигнет дом, будет ровно десять метров.

— Стоп!

Красный лоскут остановился.

— Готово! — сказал Павлов.

С одного из буксиров спустили шлюпку. Она подошла к месту, где погрузился дом, повертелась и направилась к берегу. В шлюпке сидел Игнатьев.

— Пузырей нет! — сказал он. — Всё в порядке.

АКВАНАВТЫ

Мы провожали в дом первых акванавтов. Джуса и Марлена.

Я очень удивился, когда Марлен стал готовить акваланг.

— Ты чего? — спросил я.

— В дом.

— Жить?

— Жить.

Я обиделся:

— Почему ты мне раньше не сказал?

— Ты ведь читал план испытаний.

— Нет.

Как-то Марлен дал мне маленькую книжечку в розовом картонном переплёте. Она так и называлась: «Эксперимент «Садко». Но я, вместо того чтобы прочесть, сунул её под подушку.

Мы уходили тогда на Эски Кермен.

— Между прочим, — сказал Марлен, проверяя замок у своего акваланга, — там есть и твоя фамилия. Вернее, ты без фамилии. Там сказано — деятели искусств.

Я сунул руку под подушку и достал книжечку.

И верно: «Первый этап. Глубина 10 метров. Экипаж — Марлен, Джус... Последний этап — всплытие. Посещение дома корреспондентами и деятелями искусств».

— М-да! Только после всплытия.

В плане было много интересного, даже монтаж на дне буровой вышки.

— Это ещё зачем? — спросил я Марлена. — Тут же нефти нет?

— Нет. Просто опыт — заработает или нет. А искать нефть будут потом на Каспии. Сперва научиться надо, доказать всем...

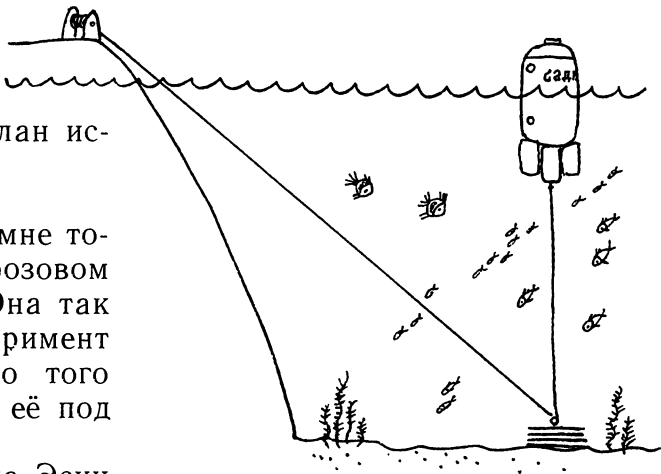
Я стал смотреть, что написано про моего Киношника. Вот звёздочка и примечание: «Съёмки кино на всех этапах эксперимента, по плану студии».

Мы вышли с Марленом на берег. Там уже стоял Павлов и около него Джус с портфелем.

НЕУЖЕЛИ ОН ВОЗЬМЁТ ЕГО С СОБОЙ?

Вещи акванавтов положили в контейнер. Сверху впихнули портфель.

ВСЁ-ТАКИ ВЗЯЛ!

Подошла шлюпка, контейнер отнесли в неё. Туда же сели Павлов, Марлен, Джус.

На том месте, где недавно стоял дом, качался буёк с флажком. Шлюпка ушла к нему.

МНЕ ВЕЗЁТ

Вечером я вышел посмотреть на этот флажок.
ГДЕ-ТО В ГЛУБИНЕ ПОД НИМ — ЛЮДИ.

Я стоял, скрестив на груди руки.

— Не рисуете? — раздался позади меня голос Павлова. Он незаметно подошёл и стал рядом. — Я думал, художники — чуть свободная минута — рисуют. Вон корреспонденты так и строчат. И то им объясни, и это. Еле сбежал.

Я смутился. Я понял, что не оправдываю его надежд.

— Понимаете, — сказал я, — мы, художники, такой народ... Как бы это сказать проще... Мы смотрим, смотрим, а что получится, сами не знаем. Хотите, я нарисую ваш портрет?

Теперь покраснел он.

— Бросьте валять дурака, — сказал он. — Я ведь так. Конечно, смотрите. Между прочим, у меня дома есть несколько книг с вашими рисунками. Морских животных вы рисовали?

Я очень обрадовался:

— Я. Конечно, я! Это где осьминог, трепанги, кальмары?

— Ага. Очень хорошо нарисованы. Как живые. Вы в доме сколько дней хотите прожить?

Я задохнулся от неожиданности.

ВОТ ТАК РАЗ!

— Хотелось бы подольше.

— Проверитесь у врача. Будете жить со вторым экипажем.

— Я проверялся.

— Ещё раз. Вот беда — корреспонденты просят. Вы, я знаю, водолаз, а они-то нет!

Павлов пошёл проверять связь с домом, а я остался.

Второй экипаж — Игнатьев и Немцев.

БУДУ ЖИТЬ В ДОМЕ! НЕ ОЖИДАЛ!

КОМАНДНЫЙ ПОСТ

В первой палатке, где расположился командный пост, было много проводов, много приборов, стояли телевизор и телефон. Правда, телевизор так и не сумели наладить. Когда его включали, мелькали одни полосы.

— В доме не хватает света. И ещё — много помех, — объяснили телевизионщики. — А так у нас всё в порядке.

Я пришёл на командный пункт — дежурил Игнатъев — и попросил, чтобы мне дали поговорить с Марленом.

Мне казалось, что получится очень интересный разговор: человек первый раз в подводном доме. Что-то он скажет?

— Минутку, — сказал Игнатъев. — Запишу показания приборов и соединю.

Он раскрыл толстую тетрадь и начал писать: температура воздуха в доме... давление... влажность...

— А знаете, — сказал я, — может быть, мне скоро доведётся с вами там жить. Павлов обещал.

Игнатъев кивнул.

— Как у вас уши?

Я вспомнил погружение на Дальнем Востоке:

— Так себе.

— Продувать надо.

Он придвинул телефон.

— Марлена вызывает берег.

РАЗГОВОР

— Привет, Марлен, это я — Николай. Ну, как там у тебя?

В трубке шумело. Так шумит воздух в морских раковинах.

— Ничего, — сказал Марлен.

И замолчал. Я тоже ничего не придумал. О чём говорить?

На этом наш разговор и кончился.

РАЗРЕШИТЕ, Я ВАМ ПОМОГУ

Все-таки Павлов разрешил корреспондентам побывать в доме.

Мы сели на буксир.

— Не больше десяти минут, — сказал Павлов. — Если пробудете в доме дольше, придётся потом сидеть в декомпрессорной камере.

— Сколько? — поинтересовался корреспондент с лысиной.

Павлов посмотрел в книжечку.

— Два часа... Значит, так, — он сурово посмотрел на нас, — опускаться будут только мужчины. По очереди. С каждым идут трое обеспечивающих. Двое держат за руки, третий — сзади...

Я вспомнил, как страховал когда-то Марлена, когда тот опускался на сорок метров.

— Внутри дома, повторяю, находиться десять минут. Ответственный за все погружения Немцев.

На лысого нацепили акваланг. Он посопел и сказал, что готов.

— Тогда пошли.

Немцев первый прыгнул в воду. Потом свалился корреспондент.

Прыгая, он не придержал рукой маску. Её сбило, он захлебнулся. Немцев подхватил его под мышки.

Корреспондент долго плевался и икал.

— Может, не надо? — спросил, перегнувшись через борт, Павлов. — Ну, что там интересного?

Корреспондент замотал головой. Он снова вставил себе в рот загубник и показал рукой вниз: «Пошли!»

Они нырнули. Четыре пузырьчатые дорожки свились в клубок. Вода зарябила. Потом пузыри исчезли.

— Вошли в дом! — сказал Павлов. — Я думал, не войдут.

Через десять минут вода забурлила и показались четыре головы. Пловцы работали ластами и отдувались.

Их втащили на буксир. Корреспондент стянул со лба маску. Тусклое солнце вспыхнуло на его лысине.

— Ух как интересно! — сказал он. — Вот это дом!

Опустили второго. Этот плавал, как морж, вода вокруг него кипела и расходилась кругами. Он никак не мог погрузиться.

— Навесьте на него грузы! — сказал Павлов.

Толстяку повесили на пояс несколько свинцовых плиток.

Когда, побывав в доме, пловцы вынырнули, толстяк сбил на лоб маску, перевернулся на спину и захохотал.

— Что с ним? — встревожился я. — Может, нервное потрясение? Говорят, есть опьянение глубиной.

— Ему просто весело, — сказал Павлов.

Толстяк влез по трапу на буксир.

— Шикарный дом, — сказал он. — Только я в нём чуть не остался. Туда влез легко — был мокрый и скользкий. А там высох и застрял в люке.

Он снова захохотал.

Тогда вперёд выступила женщина.

— Мне этот надеть? — спросила она и тронула рукой акваланг.

— Пойдут только мужчины, — неуверенно сказал Павлов. Он сказал это, не глядя на неё.

Женщина подняла баллоны.

— Разрешите, я вам помогу, — сказал Немцев.

Павлов отвернулся.

Немцев почесал в затылке, продул загубник и в третий раз пошёл к трапу.

— Туфли снимите, — сказал Павлов женщине.

— Ах да...

— Шут его знает! У неё есть все бумажки, — сказал наш начальник, когда женщина и Немцев скрылись под водой. — Все разрешения. Прошла курсы лёгких водолазов.

Эта пара возвратилась ровно через десять минут. Я помог женщине взобраться на буксир. Она сняла плавательную шапочку и отжала воло-

сы. Светлые струйки побежали по немолодому лицу. Она даже не запыхалась.

— Дом как дом, — сказала она.

Корреспонденты попросили шлюпку и ушли на берег передавать по телефону в редакции свои сообщения.

Немцев сказал:

— А что? Ничего ребята. Первый и второй немного дрыгались, а эта — совсем спокойно. Всё-таки десять метров. Не в ванне!

Я спросил Павлова:

— А я?

Он пожал плечами.

— Стоит ли? Заселим дом вторым экипажем — и пойдёте. Не стоит портить впечатление. Насмотритесь ещё.

— Ладно, — сказал я.

Последним опускался в дом сам Павлов. Я сидел на корме и смотрел, как он плывёт, поплёскивая ластами. Когда он приблизился к дому, навстречу ему выплыла ещё одна человеческая фигура. Их было еле видно. Они были как два пятна — дрожащие и неверные.

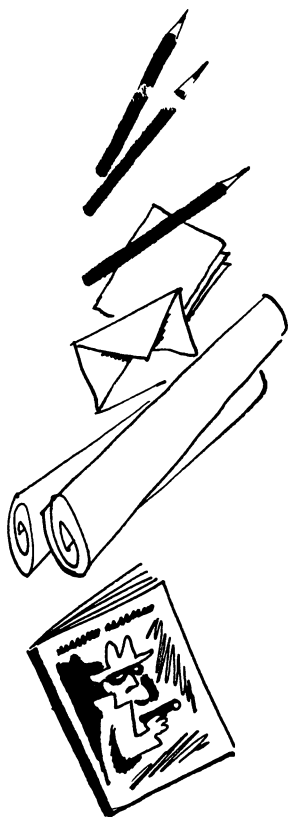
Мне показалось, что они пожали друг другу руки.

Я посмотрел на берег. Из палатки, где стоял у дежурного телефон, вышел маленький корреспондент. Он, как видно, передал своё сообщение. Он прикрыл голову газетой и пошёл к себе в палатку отдыхать.

ЭТИ ТРОЕ-ТО МОЛОДЦЫ!

НЕ ПОВРЕДИТ

Когда мы вернулись на берег, я встретил Игнатьева.

Он поманил меня.

— Соберите заранее себе пакет, — сказал он. — Книжки, бумагу для писем. А то после дома нам ещё сидеть трое суток в камере — вот где будет скучища.

Я так и сделал. Завернул в газету карандаши, бумагу, конверты. Положил книжку. Я долго думал, что лучше всего читать от скуки? И решил — про шпионов.

Конечно, шпионские книжки — это не литература, но ничего.

ОДНА ШПИОНСКАЯ КНИЖКА НА ТРОИХ НЕ ПОВРЕДИТ.

ПРОБКА

Марлен и Джус прожили в доме три дня. Затем их сменили Игнатьев и Немцев.

— Пусть и эти проживут два денька, — сказал Павлов, — а уж потом мы вас...

Когда два дня прошли, я напомнил ему.

— Да, да!

Он стоял передо мной и смотрел на меня сверху вниз.

БЫВАЮТ ЖЕ ТАКИЕ ГРОМАДНЫЕ ЛЮДИ!

— Зубную щётку возьмите, — сказал он, — бельё, мыло.

Я уложил всё в полиэтиленовый мешок, и Павлов повёл меня к врачу.

— Нуте-с, — сказал врач.

Он послушал моё сердце, измерил давление крови, а потом вложил мне в рот мундштук. На столе стоял прибор для измерения объёма лёгких.

— Дуйте!

Я напыжился и дунул изо всех сил. Прибор забулькал. Его крышка медленно поползла вверх. Она доползла до числа 1500 и остановилась.

— Ого! — сказал Павлов.

Он сидел тут же рядом и с любопытством смотрел, как я тужусь.

— Н-да! — удивился врач.

Я почувствовал что-то неладное.

— Что такое? — спросил я. — Плохо дул?

— Дули хорошо, — сказал врач. — Но такой объём лёгких бывает только у детей. Полторы тысячи кубиков — это ребёнок лет десяти.

— Как же я вас пушу под воду? — сказал Павлов. — У водолаза лёгкие должны быть за четыре тысячи.

— Я знал одного водолаза, — сказал врач, — у того в лёгких помещалось семь литров воздуха!

— Вот как надо! — сказал Павлов и взял у меня из рук мундштук. Он пополоскал его в баночке с розовой водой и, набрав полную грудь воздуха, стал дуть.

Крышка поднялась чуть выше моей отметки.

— Две тысячи! — удивился врач.

— Ага! — сказал я. — Две тысячи — это ребёнок лет двенадцати.

Врач задумался. Потом он вытащил резиновую пробку — ею был заткнут прибор, чтобы не выходил воздух, — повертел её в руках, поднёс к глазам и сказал:

— Всё ясно! Пробка подсохла.

Он достал откуда-то новую пробку.

Павлов насупился, сделал несколько вдохов и дунул изо всех сил. Крышка чуть не подскочила до потолка.

— Шесть пятьсот! — весело сказал врач. — Не лёгкие, а кузнечные мехи. Теперь, пожалуйста, вы.

Я выдул ровно четыре тысячи кубиков.

— Вот это другое дело! — сказал Павлов. — Как, доктор, противопоказаний нет?

— Нет.

И он написал в моей водолазной книжечке: «РАЗРЕШАЮ».

Когда я вернулся в палатку, Марлен сказал, что, кроме меня, в доме будет жить немецкий кот.

Это тоже будет эксперимент.

— Ты знаешь, — сказал я, — что-то ноги болят. Уже несколько дней. Я врачу, конечно, не жаловался.

— И правильно сделал. Это после Эски. В подводном доме отдохнёшь!

ЕЩЁ О ДЫХАНИИ

Когда Павлов выдувал свои шесть тысяч, я вспомнил, как мы с ним сидели однажды на буксире.

От дома к судну плыли два водолаза. Людей не было видно; две дорожки пузырей тянулись от «Садко» к нам.

— Справа Игнатьев плывёт, — сказал Павлов. — А слева... Не знаю, может быть, Джус.

— Как это? — удивился я. — Человека не видно. Как же вы можете знать?

— По пузырям. Какой у человека характер, такие и пузыри. Игнатьев — скала. Его расшевелить — надо гору взорвать. Он и дышит соответственно. Выдох от выдоха через минуту. А Джус у нас быстрый, всё торопится. Раз-раз! — сообразил и сделал... Пожалуй, это он дышит!

Аквалангисты доплыли до борта и, шлёпая ластами по стальной лесенке, стали выходить.

Они сняли маски. Первым шёл Игнатьев. Вторым — Джус.

Помню, я тогда сказал:

— О-о-о-о!

В «САДКО»

Провожать меня пошли на шлюпке Павлов и Марлен.

Мы выгребли на середину бухты, привязали шлюпку к буйку и стали надевать акваланги.

— Всё взяли? — спросил Павлов. — А щётку?

— Взял я зубную щётку.

— Послушай... — сказал Марлен. — Я Немцеву говорил уже: будете плавать, посмотрите хорошее дно для акустического полигона. Чтобы чистое было, много рыб и укрытия — камни, что ли. Надо аппаратуру так спрятать, чтоб незаметно к ней можно было подплывать.

— Угу!

Я бросил в воду полиэтиленовый мешок, слез сам, нырнул. Под водой мешок надулся и, как маленький аэростат,

потасил меня вверх. Я ухватился за него. Мешок вырвался и ракетой взвился к шлюпке.

Я всплыл, поднял маску на лоб и пожаловался Павлову:

— Не хочет тонуть!

— И не захочет, — сказал Павлов.

Он достал из-под скамейки сумочку с грузиками, положил внутрь моего мешка грузик и бросил в воду.

Мешок плавно пошёл на глубину. Я еле успел схватить его. Рядом прошумело — это прыгнули из шлюпки Павлов и Марлен.

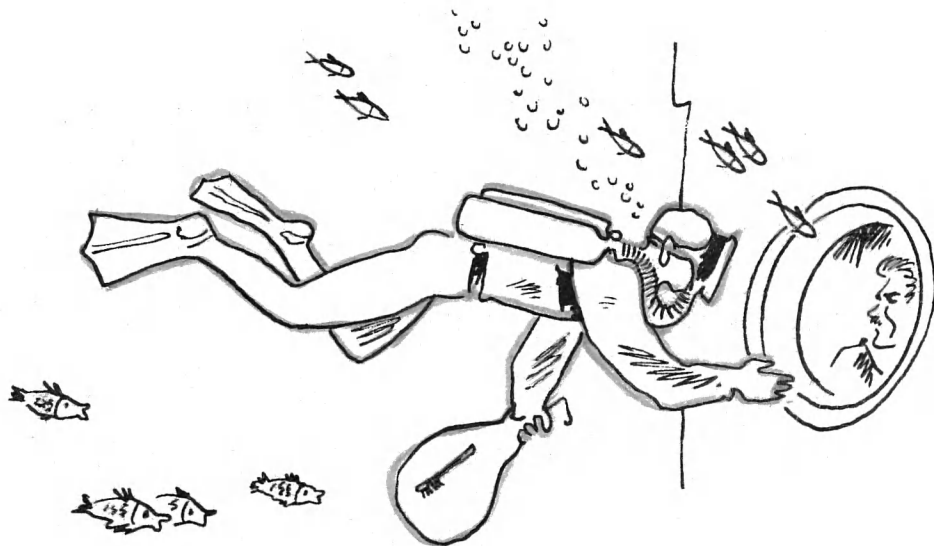
Подо мной колыхалось огромное белое пятно. Оно покачивалось и двоилось.

Это был «Садко».

В стороне смутно виднелся вольтер.

Я опустил на верхнюю площадку дома, цепляясь за выпуклую стену, подобрался к иллюминатору.

Прямо на меня через толстое стекло смотрел Немцев. Он

смотрел на меня изнутри очень серьёзно и беззвучно шевелил губами. Должно быть, разговаривал с Игнатьевым.

Сзади кто-то проплыл. Я обернулся, Павлов делал знаки: «Пошли!»

Мы нырнули под дом. Вот и вход.

Павлов подтолкнул меня, и я очутился внутри стальной трубы — тамбура.

В глаза ударил электрический свет, по стеклу маски показались струйки воды.

Кто-то подхватил меня под руки.

Ноги нащупали ступеньку.

Стоя в воде по пояс — голова и грудь в воздухе, — я снял маску, увидел Игнатьева и сказал:

— Привет!

Голос у меня оказался глухой, ватный.

Снизу меня толкали и дёргали.

Я вылез из воды и, сев на лавочку, стал стаскивать с себя снаряжение. Мешок я положил на пол. Через белую плёнку огоньком светилась зубная щётка.

ВОТ Я И В ПОДВОДНОМ ДОМЕ!

У ног колыхалась жидкая прозрачная дверь. Никакой двери в тамбуре не было. Это была вода. Сжатый внутри дома воздух не давал ей подняться и залить дом.

Водяное зеркало раскололось. Показалась голова Павлова.

Он спросил:

— Всё в порядке?

И скрылся.

ДОМ

Первым делом Немцев показал мне помещения.

— Осторожно, — говорил он, — тут можно удариться коленом, тут — головой.

Мы карабкались по железным лесенкам, как белки. В доме было три комнаты — три отсека. Нижний, через который я вошёл, жилой и лаборатория.

В нижнем стояла скамеечка, висели на крючках гидрокостюмы и акваланги.

Ещё тут было много кранов.

— Ох, сколько их! — сказал я. — И каждый небось нужен.

— Конечно. Воздух, вода.

— А если не тот повернёшь?

Немцев даже удивился. Он потрогал свои — щёткой — усы и сказал:

— Скорее всего утонете. Или взорвётесь... Не шутите. Идёмте в жилой отсек.

В жилом отсеке было всё: и столовая, и спальня, и каюткомпания. Стояли в два яруса койки, обеденный стол, висело радио.

Через люк мы поднялись в лабораторию. В ней было много приборов, и она походила на кабину космического корабля.

Я облазил весь дом и почувствовал, что в нём чего-то не хватает.

Чего? И вдруг понял: кухни!

— Где же вы готовите пищу? — спросил я.

— Как, разве вы не видели? У нас есть шикарная плита с необыкновенной вентиляцией.

Меня повели снова в лабораторию. У стены стоял никелированный, с пластмассовыми ручками и кучей циферблатов прибор.

ВОТ ТАК ПЛИТА!

— Электрическая! — с гордостью сказал Немцев. — Сюда ставите сковородку. Здесь устанавливаете температуру, здесь — время. Закрываете дверцу. И через несколько минут — гудок! Пожалуйста, обед готов... Вы сколько дней пробудете с нами?

— Десять.

Он показал мне мою койку.

— Между прочим, — сказал Немцев, — деликатный вопрос. Вы не храпите?

— А что?

— Должен предупредить. Здесь и без того повышенная нагрузка на нервы. Говорят, у американских гидронавтов был

случай: один водолаз храпел, так другой чуть не выбросил его из дома.

— Что вы, я сплю, как ангел!

Мы оба засмеялись.

Смех в доме звучал странно, тоже глухо и как-то ватно.

Вдруг неподалёку от койки я заметил портфель Джуса.

НЕУЖЕЛИ ЗАБЫЛ?

— Не поместился в контейнер, — объяснил Немцев. —

Бумажки Джус взял, а портфель оставил. Сказал — потом.

КАК ЖЕ ТЕПЕРЬ ДЖУС БЕЗ ПОРТФЕЛЯ?

ВОЛЬЕР

С берега позвонили: в вольер будут сажать рыб.

— Надо проверить сеть, — сказал Немцев. — Пойдёте со мной?

Мы вышли из дома.

Вольер висел неподалёку от «Садко». Он парил, как воздушный шар, невесомый, раздутый. Снизу его держали якоря, вверх тянули поплавки. Их было много — целая гирлянда поплавков.

Мы подплыли к вольеру, нашли дверь. Отведя засов, проплыли внутрь. Никаких повреждений сети не было.

Только мы вышли из вольера, как над нами появились два тёмных пятна. Это опускались люди и буксировали за собой мешки. В них за прозрачной плёнкой беспокойно металась рыба.

Водолазы подплыли ближе. Немцев открыл дверь вольера. Мешки затолкали внутрь и открыли. Пёстрая стайка заключилась внутри вольера: вилохвостые ласточки-монашки, серебристые лобаны, зеленоватые с чёрными копеечками на хвостах ласкири...

Дверь закрыли, и один из водолазов похлопал меня по плечу. Через овальное стекло маски на меня смотрели внимательные глаза Марлена.

Я показал ему большой палец.

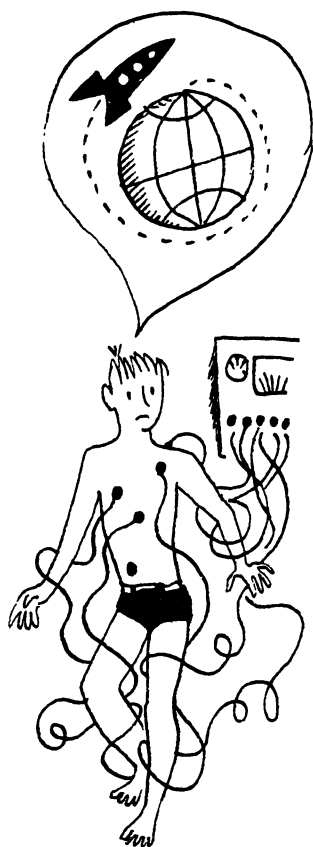
ВСЁ В ПОРЯДКЕ!

Мы с Немцевым вернулись в дом.

Там опять звонил телефон.

— Волнуются наверху, — мрачно сказал Игнатьев, — как вы переносите пребывание на глубине. Приказали надеть вам комплект датчиков. Вы никогда не летали на космическом корабле? Сейчас получите представление.

ДА-А... ТУТ Я, КАЖЕТСЯ, ОТДОХНУ!

ВИТОК ВОКРУГ ЗЕМЛИ

Меня усадили посреди лаборатории и стали обвешивать датчиками.

Они все были со шнурами и присосками. Очень смешные: электрический шнур, на конце присоска, внутри присоски пластинка. Одну присоску мне прилепили напротив сердца, вторую — у самого горла, две или три — на спину, ещё одну — к рёбрам.

Я вспомнил Лёсика и нервно засмеялся.

— Боюсь щекотки... — сказал я. — У вас холодные руки.

— Всё, можете ходить, — сказал Немцев.

Я встал и сделал несколько шагов. Шнуры, извиваясь как змеи, потянулись за мной.

— Это космические датчики. Такие надевают космонавтам, — объяснил Немцев. — Сейчас можно позвонить на берег и узнать, какая у вас температу-

ра. — Он снял трубку. — Сообщите показания... Температура тридцать шесть и девять. Пульс семьдесят четыре... Дыхание нормальное... Всё в порядке... А знаете: бывают датчики, которые прикрепляют к голове. Для этого надо обрить макушку.

— Нет уж, увольте, — сказал я. — С меня довольно температуры. Тридцать шесть и девять? Обычно у меня тридцать шесть и шесть. И пульс обычно шестьдесят.

— Это от высокого давления. Ничего, привыкнете.

Я хотел подойти к столу, запутался в шнурах и остановился.

— Ходите только взад и вперёд, по радиусам, — сказал Игнатьев. — Не вальсируйте. И не прыгайте.

Я обиделся, сел на стул и просидел на нём неподвижно целый час.

— С берега передают — можно снять, — сказал наконец Игнатьев. — Они говорят, вы идеальный пациент. Ни одной помехи за счёт движений. Немцев — тот уже оборвал два шнура.

Я отлепил от груди датчик. На том месте, где только что была присоска, розовело маленькое круглое пятнышко.

— Тоже мне космический полёт, — сказал я. — Час на стуле!

— Виток вокруг Земли! А есть кабель, с которым можно плавать. Плыёте, и все датчики на вас. По кабелю показания передаются в дом. Это очень ценно: врачи всё время знают, как чувствует себя водолаз.

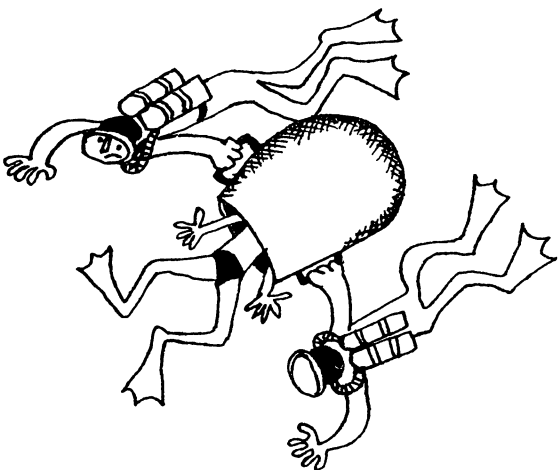
ПЕРВАЯ ПОДВОДНАЯ НОЧЬ

Вечером после чая я залез на свою койку, лёг на знаменитый бело-голубой матрас и попытался уснуть.

С непривычки и от давления отчаянно колотилось сердце. Шумело в голове.

Простыня сразу сделалась мокрой. Приборчики не помогали.

Над койкой к стене была приделана маленькая лампочка-

ночник. Она была очень слабая, и волосок в ней горел не белым, а красным светом.

Я попробовал смотреть не мигая на лампочку и считать. Говорят, это лучший способ уснуть.

— Вам неудобно лежать наверху? — спросил Немцев. — Поменяемся?

— Нет, почему...

Я вертелся до полуночи. Внизу на столике стоял будильник. Когда я засыпал, на нём было десять минут первого.

Мне приснилось, что какие-то люди в чёрных водолазных костюмах тащат под водой металлическую клетку. Они хотят поймать меня. Я плыву, судорожно перебирая ногами, но люди не отстают. Вот они подняли клетку, опустили. Удушливая темнота окружила меня. В чёрной воде белыми полосами светились прутья. Я дёргаю загубник, и в рот мне льётся вязкая, как смола, вода...

Я вздрогнул и проснулся. Тускло горел ночник. Внизу на столе мерно тикали часы.

Ночь... Первая подводная ночь. Она тянулась бесконечно долго. Медленно, как стальной трос, который устало тащит из воды лебёдка.

КОРАБЛЬ

— Так что, поищем Марлену полигон? — спросил Немцев. — Поплывём...

— Поплывём! — обрадовался я.

Когда мы уже собрались выходить, Игнатьев сказал:

— Возьмите эту маску.

Он достал из ящика стола и протянул мне маску с резиновым мешочком у носа — для пальцев, чтобы зажимать нос и продвигать уши.

КАК ОН ЗАПОМНИЛ, ЧТО ОНИ У МЕНЯ СЛАБЫЕ?
И МАСКУ ПРИБЕРЁГ...

Скоро мы с Немцевым уже удалялись от дома. На руке у каждого был компас.

Мы плыли на юго-восток.

Дно было хорошее, ровное, но без укрытий. Белое, покрытое галькой дно.

Среди мелких камней торчали редкие рыжие водоросли. Лобастые барабульки бродили от куста к кусту, щупая дно усами.

НЕТ, ЭТО ДНО НЕ ПОДХОДИТ!

Зелёная, как бутылочное стекло, вода стеной стояла перед нами.

Мы плыли вперёд, и стена отдалялась.

Впереди показалось смутное пятно. Немцев направился к нему.

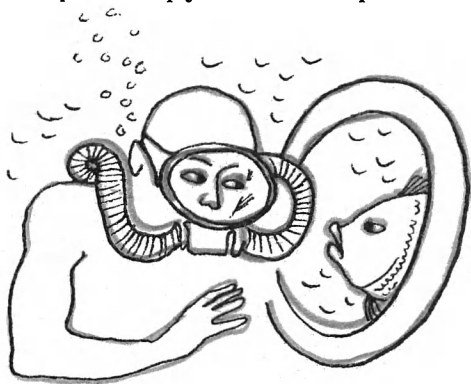
Мы подплыли ближе. Пятно уплотнилось, изменило цвет и превратилось в грудку железного лома. Бурые с красными и чёрными потёками листы.

Тлен, запустение...

Стаи мелких рыб бродили около железной горы; рыбы скрывались в проломах и появлялись вновь.

КОРАБЛЬ! ДА ВЕДЬ ЭТО ТОТ САМЫЙ ЗАТОНУВШИЙ КОРАБЛЬ!

Я вспомнил историю английского парохода и поднял обе руки вверх. Немцев понял и ткнул сжатым кулаком в ладонь: кораблекрушение — трах!

Мы висели бок о бок и разглядывали остатки корабля.

Тихий зелёный свет лился на наши лица.

Наконец Немцев тронул меня и, поминутно оглядываясь, поплыл вперёд. В борту зияла пробоина. Немцев остановился, заглянул в пролом, сделал лёгкое движение ластами и скрылся внутри корабля.

Я тоже заглянул в пролом.

Далеко впереди в темноте светилась похожая на звезду точка. У неё был спокойный зеленоватый цвет.

Осторожно, чтобы не задеть баллонами за железо, я пробрался внутрь. Я влез туда, помогая себе руками, то и дело цепляясь ластами за острые рваные края обшивки.

И вот я внутри корабля.

Неподвижная тёплая вода. Темнота.

Я В ПОДЗЕМЕЛЬЕ!

Кто-то схватил меня за руку. Я вздрогнул. Невидимка потянул, и я послушно поплыл следом.

Меня тянули к зелёной точке. Мы приближались к ней, точка росла, раздавалась вширь и, наконец, превратилась в круг. Это был корабельный иллюминатор.

Лицо Немцева выплыло из темноты и, блеснув маской, снова ушло в тень.

Я осмотрелся. Из полумрака выступали вертикальные стойки, изогнутые перекладины. Вероятно, это был трюм. Может быть, здесь висели солдатские койки. Это их покинули по тревоге люди в ненастную ночь, которая стала для парохода последней...

Лёгкие тени замелькали перед иллюминатором. Я поднёс к нему руку и выставил её наружу. Вилохвостые ласточки-монашки весёлым клубком окружили ладонь. Рыбы тыкались твёрдыми губами в подушечки пальцев.

Вдруг ласточки бросились врассыпную. Я отдёрнул руку. Прямо на меня из иллюминатора смотрел выпученными глазами большой каменный окунь. Он жевал губами и тяжело дышал. Синие и коричневые полосы на его теле шевелились.

Окунь вильнул хвостом и неторопливо поплыл прочь. Он плыл, растопырив грудные плавники и раскачиваясь всем телом.

В освещённом пространстве около иллюминаторов снова появилось лицо Немцева.

Мы повернули назад. Светлый треугольник пролома указывал нам путь. Мы выплыли через него, и поток лёгкого света подхватил нас.

Здесь бушевал солнечный ветер. Светлые пылинки вились перед лицом. Упругая прохладная вода обтекала мышцы.

МЫ ВЫШЛИ ИЗ ПОДЗЕМЕЛЬЯ.

Когда мы вернулись в дом и рассказали Игнатьеву о находке, тот сказал:

— А что? Спросите Марлена. Чем ему не полигон?

Мы с Немцевым тотчас кинулись звонить.

— Посмотрю, — ответил мой друг.

Особой радости он не проявил.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ПЛИТА

Я решил сделать для товарищей что-нибудь хорошее.

Я решил приготовить им обед.

— А вы умеете? — удивился Немцев. — А то смотрите, обычно готовлю я. Ну, если вам так хочется...

Он пожал плечами.

Я принялся за дело.

Легче всего было приготовить суп. В термосе хранился кипяток. Я налил его в три чашки, бросил туда бульонные кубики.

Салат — тоже не проблема. Я открыл банку горошка.

Котлеты! Оставалось поджарить котлеты. Они лежали в холодильнике. Рубленые и обсыпанные сухариками.

— Жарьте пятнадцать минут! — сказал Немцев и ушёл.

Я положил котлеты на сковородку, бросил туда кусок масла, закрыл крышкой и поставил в духовку.

ГДЕ ТУТ ТЕМПЕРАТУРА? ГДЕ ВРЕМЯ?..

Как только я включил плиту, она загудела, как самолёт. Все плиты, с которыми я имел дело раньше, спокойно стояли на месте. А эта гудела и подрагивала, как «ТУ-104» перед разбегом. Мне сразу это не понравилось.

Пока котлеты жарились, я ходил вокруг плиты и принюхивался. Чтобы котлеты хорошо прожарились, они должны чуть-чуть подгореть. Это не страшно: подгорает сухарная крошка, зато

само мясо делается вкусным. Но запаха гари всё не было. Я повернул ручку температуры раз, потом ещё раз... Через пятнадцать минут запищал гудочек: туу-у-у!

Я выключил плиту, достал из духовки сковородку и осторожно снял крышку. Клуб чёрного дыма вырвался из-под неё.

На дне лежали три уголька.

Обжигая пальцы, я завернул угольки в бумажку и выбросил в ведро. Потом начал скрестить сковороду. Не успел я вычистить и повесить её на место, как в отсек спустился Немцев.

— Ну как? — спросил он, потирая руки и принюхиваясь. — Что на обед?

— Бульон, — ответил я, — и горошек.

— Лёгкий обед! — удивился он. — Разгрузочный день?

— Горошек улучшает зрение, — ответил я уклончиво.

После обеда я стал мыть посуду, а Немцев сказал:

— Знаете, ничего! Чувствуешь себя лёгким-лёгким. С вами не потолстеешь. А разве не морковь улучшает зрение?

— Морковь,—согласился я.—А котлеты у меня сгорели...

И вдруг я сообразил. Я сообразил, почему не было запаха гари. Дыма не было потому, что работала НЕОБЫКНОВЕННАЯ вентиляция.

Нет, всё-таки простые плиты лучше!

ВТОРАЯ ПОДВОДНАЯ НОЧЬ

Вторую ночь я спал тоже не очень спокойно. Мне несколько раз снился большой ржавый корабль. Он лежал на дне, и вокруг него хороводили рыбы.

Потом корабль исчез. Вместо него на дне стояла электрическая плита. Из неё шёл дым. Дым был такой сильный, что у меня засвербело в носу. Я чихнул и проснулся. Часы показывали пять утра.

ГОЛОСА РЫБ

— Сегодня будем записывать рыб, — сказал Игнатьев. — Придёт Марлен.

Марлен появился сразу после завтрака. Не успели с берега позвонить, чтобы мы встречали, как около входного тамбура послышалось царапанье, вода забурилась и появился человек.

Серебряные пузыри, как тарелочки, всплывали вместе с ним.

Человек пробил головой плёнку воды, сбил маску на лоб, вытащил изо рта загубник.

— Привет! — сказал Марлен отдуваясь. — Ну, как у вас дела?

— Живём.

Он выбрался из воды и пошёл вместе с Игнатьевым готовить аппаратуру.

Ничего особенного в этой аппаратуре не было: обыкновенные магнитофоны. Только у некоторых приставки — запись звука пером на бумажную ленту.

Вот так:

Когда они всё приготовили, Марлен сказал:

— Сделаем так. Мы остаёмся в доме, а вы идите в вольер. Повесьте гидрофоны и ждите. По команде будете кормить рыб. Несколько раз придётся рыб испугать. Запишем испуг. Ясно?

— Ясно.

Мы отправились в вольер. Мы тащили с собой два гидрофона.

Плыли и тянули за собой шнуры.

Вот и вольер — весь будто сотканный из паутины. Невесомый, прозрачный...

Мы заплыли в него, повесили гидрофоны, и Немцев стал ждать команд.

Вот он снял с пояса мешочек с кормом. Вывернул. Коричневое облачко повисло в воде, весёлая рыба карусель закружилась вокруг него.

Немцев не двигался.

Вот он бросился вперёд. Рыбы, как одна, поёрснули в стороны.

ЗНАЧИТ, БЫЛА КОМАНДА ПУГАТЬ!

И так несколько раз.

Плывя вдоль проводов, мы вернулись в дом.

В тамбуре я столкнулся с Марленом. Он что-то промышчал в маску, похлопал меня по ноге и, оставляя за собой тучу пузырей, нырнул.

— Всё нормально, — сказал Игнатьев, когда мы забрались к нему в лабораторию.

Он показал записи.

На бесконечных бумажных лентах дрожали извилистые коричневые линии — запись звуков, которые издавали рыбы во время еды.

В нескольких местах линии становились размашистыми и тревожными.

— Это вы пугали рыб.

— А магнитофонная запись?

Игнатьев включил магнитофон.

В лаборатории зашумело, забулькало. Послышалось чавканье и скрежет.

— Ничего себе уплетают! За обе щеки! — сказал Немцев. — А где же испуг?

Сколько мы ни прислушивались, криков испуга услышать не смогли.

— Видно, у нас с вами не рыбий слух, — сказал я. — Недаром говорят: тихо, как под водой. Оказывается, есть и неслышный шум!

КЕССОН

На другой день нам приказали встречать контейнер с каким-то особым грузом.

— Что в контейнере? — спросил Немцев.

— Увидите.

Его приволокли два водолаза. Они всплыли в тамбуре, и вместе с ними всплыл круглый, похожий на высокую кастрюлю с крышкой, контейнер.

Мы с Немцевым подхватили его и вытаскивали из воды. Водолазы, хрипя и булькая, ждали.

Немцев открыл крышку.

«Мяу!»

На дне контейнера сидел кот.

Водолазы засмеялись.

— Всё в порядке, жив! — сказал Немцев, и они без слов погрузились.

— Смотри-ка, и пакет с песком положили!

Котёнок тряс головой и тёр лапами уши.

— Что, давит? — спросил Немцев и потащил котёнка наверх, в жилой отсек.

— Я знаю, как его назвать, — сказал он Игнатьеву. — Нашёл водолазное имя. Кессон. Хорошо?

— Сойдёт.

УТРО, ДЕНЬ И ВЕЧЕР

Теперь каждый день мы записывали рыб.

Бумажные ленты с записями ползли из приборов на пол.

Я брал в руки ленту и, не глядя на часы, знал, что там наверху — утро, день или вечер.

Утром рыбы просыпались и начинали шуметь. Записи делались колючей и размашистей — рыбы ели. Игнатьев включал репродуктор, и наш дом наполнялся хрустом и скрежетом. Рыбы чавкали, урчали, пережёвывали еду.

Около полудня шум стихал. Коричневая дорожка на ленте делалась узкой.

К вечеру всё повторялось. Размахи пера, чертившего на ленте извилистую линию, снова становились большими, а сама линия — колючей. Рыбий день шёл к концу.

Кессон слушал рыбий скрип и скрежет, склонив голову набок, подняв одно ухо. Когда репродуктор выключали, он вставал и шёл по столу, мягко переступая через провода, мимо белых циферблатов, на которых дрожали тонкие блестящие стрелки.

Немцев записывал показания приборов. Кессон садился около его руки и внимательно смотрел, как скользит по бумаге красный шарик автоматической ручки.

АКУЛА

— Акула, смотрите, акула!

Мы с Игнатьевым бросились к иллюминаторам. Немцев возбуждённо тыкал пальцем в стекло. Там, у вольера, стояла остроносая полутораметровая рыба. Я сразу узнал её: маленькая акула-катран.

За прозрачной сетью беспокойно металась рыбы-ласточка.

— Могли бы и не бояться,—сказал Немцев.— Катран предпочитает крабов.

— Это уж позволь ему лучше знать...

Игнатьев ушёл возиться со своими магнитофонами.

Вдруг акула насторожилась, медленно повернулась и поплыла к нам. Не доплыв до «Садко», она опустила нос и быстро пошла под дом.

— Смотри, увидела кого-то! — сказал Немцев.— Нет, плывёт назад!

Катран вёл себя непонятно. Он несколько раз возвращался к вольеру, останавливался, смотрел на рыб и вдруг срывался с места и стремительно бросался под дом.

— Что он там нашёл? — удивлялся Немцев.

Он поднялся наверх к Игнатьеву.

— Идите скорей сюда!

Я полез в люк.

Игнатьев сидел на корточках и копался в ящике с инструментами. Оба магнитофона работали. Коричневые ленты змейками перебегали с одной катушки на другую.

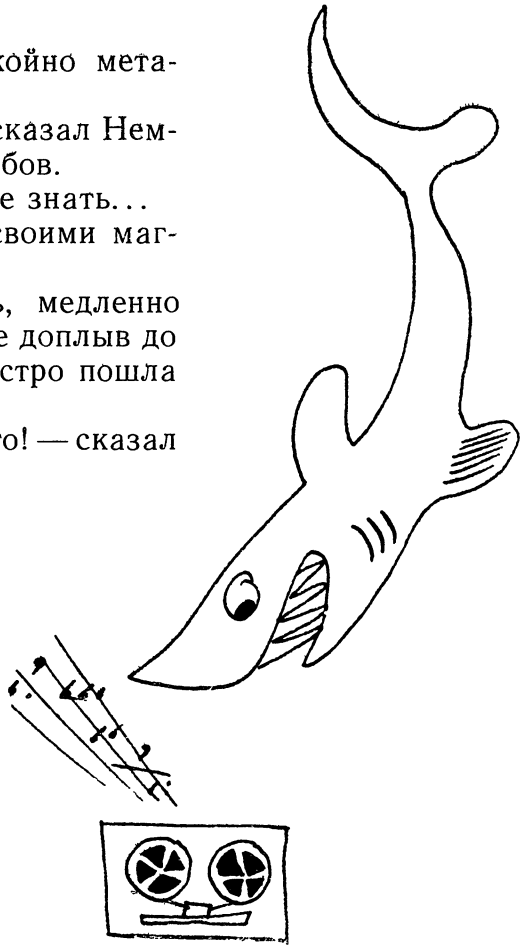
— Повтори, что у тебя тут записано,—сказал Немцев.

Игнатьев недовольно поднялся и посмотрел на ленты.

— Ты записан,—сказал он.— Пугаешь рыб и занимаешься прочей ерундой.

И тут меня осенило: катран подходит к дому, потому что слышит испуганные крики рыб! Наверно, звук передаётся через стальные стенки в воду, катран думает, что там кто-то охотится, и спешит, торопится к чужому столу.

Но скоро катран понял, что его дурачат.

Когда мы с Немцевым вернулись к иллюминатору, акулы не было. Она ушла.

СУМЕРКИ ДНЁМ

Позвонил Павлов и сказал:

— Опускаем буровую!

Шёл уже девятый день моего подводного сидения.

Я стоял у иллюминатора и смотрел, как опускаются одна за другой части буровой вышки. Мимо проплыли суставчатые ноги, пузатый, похожий на бочонок, мотор, разделённый на части вал, лебёдка с тросом.

Со дна навстречу им поднялось зелёное облако. Потревоженный ил клубился. Облако росло, как перед грозой.

Я посмотрел на часы — три часа дня.

Это там, наверху. А у нас всё те же сумерки.

КЕССОН И ОБЛАКА

Кессон не любил ходить по железу.

— Он же босиком! — объяснял Немцев.

Ел котёнок на столе, спал в коробке из-под печенья.

Больше всего его интересовала в доме прозрачная дверь. Когда ему удавалось пробраться в нижний отсек, он садился около люка, вытягивал шею и смотрел вниз.

Внизу тускло и таинственно светилась вода. Поверхность её была совершенно неподвижна, где-то у самого дна бродили тени. Я сначала думал, что это рыбы, но потом сообразил, что таких огромных рыб в Чёрном море нет.

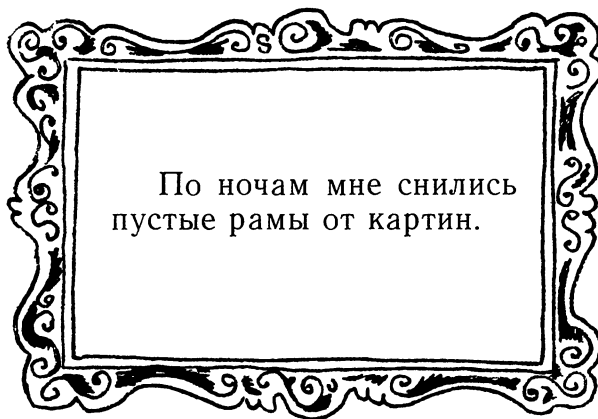
И тогда я понял — это облака. Тени облаков, плывущих над морем.

Кессона они очень занимали. Несколько раз он пытался, опуская лапу, достать эти тени.

Неподвижность воды его пугала.

Приходил Немцев, говорил:

— Свалишься, дурак! — и уносил котёнка наверх.

БОЛЬШЕ ЗВЕРЕЙ НЕТ?

Наконец настал десятый день. Последний день нашего пребывания в доме.

С утра началась суматоха. Звонил телефон. Несколько раз приплывали аквалангисты — они проверяли лифт.

Пришёл доктор и внимательно осмотрел нас. Он выслушивал Игнатьева, когда с пола на стол прыгнул Кессон.

— И тебя послушаем, — сказал доктор и стал слушать, как бьётся у кота сердце.

— Значит, так: в декомпрессионной камере будете трое суток, — сказал он. — И этот зверь с вами. Насколько я помню, случаев декомпрессии кошек мировая наука не знает. Так что ты — первооткрыватель!

Он щёлкнул Кессона по лбу.

Котёнок пищал и вырывался. Доктор посчитал у него пульс и что-то записал в блокнот.

— Здоровый организм! — сказал доктор. — Больше зверей у вас нет?

Мы пошли провожать доктора.

Вместе с ним должен выйти Немцев. Он будет снимать в вольтере гидрофоны.

Вольтер тоже опустят на 25 метров.

И ещё в нём заменят всех рыб.

НОСОК

Мы стояли в нижней кабине и смотрели, как одеваются Немцев и доктор.

Кессону не приходилось ещё видеть, как одевается водолаз.

Ему не понравилось, что его друг неожиданно стал весь резиновый и блестящий. Котёнок мяукнул.

Доктор опустил по лесенке в люк, помахал нам рукой и скрылся.

За ним полез Немцев.

Кессон завертелся и потянулся за ним.

Стоя по пояс в воде, Немцев говорил с Игнатьевым.

Он просил осторожно тащить шнуры гидрофонов.

Котёнок тревожно смотрел на него. Немцев отпустил руки и без всплеска ушёл под воду. Его силуэт хорошо был виден на фоне светлого дна.

И тогда произошло неожиданное. Кессон пискнул, перелетел через кольцевой порог-комингс и шлёпнулся в воду.

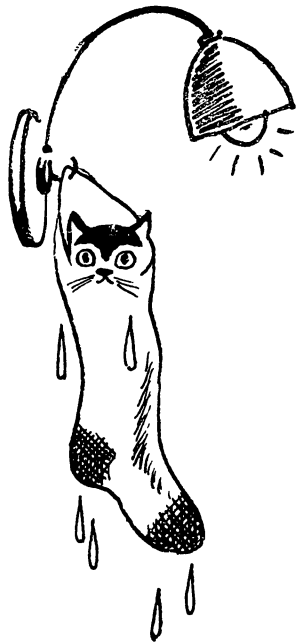
Мы с Игнатьевым бухнулись на колени и вытащили котёнка.

Кессон шипел, дрожал всем телом и озирался.

— Вот видите, — сказал я, — а ещё говорят — кошки боятся воды.

— Так то нормальные кошки, а это — подводная.

Игнатьев завернул Кессона в полотенце и положил на стол. Котёнок

распутался, сел на лабораторный журнал и оставил на нём мокрое пятно.

— Так он весь перемажется! — сказал я. — И всё испачкает!

Тогда Игнатьев полез в ящик с водолазной одеждой, достал шерстяной носок, засунул в него Кессона и повесил носок на лампу.

Носок был толстый, плотный, котёнок не мог вытащить лапы. Из носка торчала одна его голова.

От лампы струилось тепло.

Кессон сначала ворочался в носке, потом согрелся и уснул.

КИНОШНИК

Когда до нашего выхода оставалось совсем немного, позвонил Павлов.

— Направляю к вам кинооператора, — сказал он. — Будет снимать эвакуацию дома. Если надо, задержитесь на часок.

Мы с Немцевым тут же поспорили: сам приплывёт Киношник или его опустят в лифте?

— Конечно, в лифте, — говорил Немцев. — Всё-таки известный человек. Снял несколько картин.

Я покачал головой.

— Киношники отчаянный народ. Они для искусства идут на всё. Помню, этому режиссёру надо было на Дальнем Востоке снять битву водолаза с осьминогом, так что вы думаете — построили аквариум кубов на тридцать...

— И хорошо получилась?

— Битва? Не очень, — уклончиво ответил я. — Но грандиозное было дело! А ещё он корову с парашютом однажды сбросил. Тоже надо было. Для искусства.

Услыхав про корову, Немцев и Игнатьев сказали:

— Ну орёл!

Опять позвонили с берега и приказали: «Встречать!»

Приплыли трое. Из люка появились один за другим: Пав-

лов, Марлен и Киношник. Павлов и Марлен поддерживали его под мышки.

— Быстро мы вас? — сказал, отдуваясь, Марлен.

Киношник снял маску, потряс головой и показал на уши: «Не слышу!»

Все трое разделись и поднялись в лабораторию.

Киношник сел на стул и поморщился. Видно, ему здорово давило на уши. Потом он потрогал сердце.

— У нас всего пятнадцать минут, — сказал тусклым голосом Павлов.

Киношник кивнул.

— Я предлагаю снимать так, — сказал Марлен. — Люди складывают постели, вынимают ленты из приборов, просматривают вахтенный и приборные журналы. Затем выход через люк, мы закрываем лифт, лифт уходит наверх. А?

— Что? — спросил Киношник. Он вдруг позеленел и икнул.

— Начинайте снимать.

— Дайте мне пить.

Ему дали стакан воды.

— Где-то должен быть экспонометр, — сказал Киношник. Он вяло похлопал себя по карманам. — Где мой экспонометр?

— Мы не брали его.

— Осталось десять минут, — сказал Павлов. — Вам помочь?

— Понимаете, положил в палатке на стол экспонометр. Японский экспонометр. Я купил его в Токио на фестивале...

— Время уходит! — чуть не плача, сказал Марлен.

— Семь минут. — Павлов нервничал. — Если быстро снимать...

— Как же я буду снимать без экспонометра?

Тут наш гость совсем оглох. Минут пять он просидел, хватая воздух ртом.

— Четыре минуты, — сердито сказал Павлов. — Три... Две. Времени осталось только чтобы надеть акваланги.

Мы проводили их. Павлов и Марлен шли злые и молчали.

— А вы знаете, мне лучше! — сказал Киношник, когда на него надели баллоны. — Может быть, попытаться снять на глазок, без экспонометра?

— Осторожно, не упадите в люк! — мрачно сказал Павлов. — Разрешите, я вас поддержу...

Они скрылись под водой.

С берега позвонили, что лифт у дома.

Мы стали укладывать вещи в контейнер. Поверх вещей посадили Кессона.

— Стойте! — сказал Немцев. — Звонил Джус, просил захватить портфель.

— Ну куда же его? — сказал Игнатъев. — Задавим кота.

Мы оставили портфель и стали по одному выходить.

Рядом с «Садко» неподвижно висел в воде белый цилиндр. В нём снизу был открыт люк. Мы забрались внутрь лифта и уселись на кольцевой скамеечке, тесно прижавшись друг к другу. Контейнер мы держали на руках.

Игнатъев прикрыл люк. Цилиндр качнулся. За выпуклым стеклом маленького иллюминатора побежали пузырьки, начался подъём. Потом цилиндр лёг набок, и за стеклом вспыхнул дневной свет.

В стекло струями била вода. Нас буксировали к берегу. Наконец тряска прекратилась, и раздался скрип. Цилиндр везли на тележке по рельсам. Удар!.. Металлический лязг. Что-то скрипело и позвякивало. Лифт состыковали с камерой.

— Можно открывать люк? — спросил Игнатъев. Он так и не снимал наушников. — Есть открывать!

Мы осторожно отодвинули крышку. Раздалось лёгкое: пшш-шш! Это уравнилось давление.

Через люк по одному мы вышли в камеру.

— Вот тут другое дело! — сказал я. — Какой простор! Ноги вытянуть можно.

— Трое суток в такой душегубке! — сказал Немцев.

Игнатъев уже завинчивал крышку камеры. Сейчас отсоединят лифт, и мы начнём отсчитывать долгие три дня.

КАКОЕ ЯРКОЕ, ВЕСЁЛОЕ НЕБО ВИДНО В ИЛЛЮМИНАТОР!

Небо было затянуто облаками.

КУСОК КОРАБЛЯ

Первым делом открыли контейнер и вытащили Кессона. Кот потянулся.

— С этим всё в порядке!

Немцев доставал свёртки.

— Чьё бельё?.. Мыло и полотенце... Краски, кисти... Журналы с записями...

Он положил на стол длинную щепку, чёрную и влажную.

— Это ещё что такое? — удивился Игнатьев.

— Кусок палубы английского корабля. Понимаете, я подумал: дерево в воде пролежало сто лет, по нему пробегали матросы, топали солдаты. Всё-таки кусок исторического корабля! Решил взять. В Ленинграде положу на стол. Буду работать и смотреть.

В плоском стекле иллюминатора показалось озабоченное лицо Джуса.

Немцев развёл руками и показал на котёнка:

— Оставили! Или его, или портфель.

Джус ничего не услышал.

— Скажи ему по телефону.

Немцев взял трубку:

— Не беспокойтесь, пожалуйста, портфель на месте. Он в доме.

Джус покачал головой.

Начались первые сутки нашего заключения.

ТРИ ДНЯ СО ШПИОНАМИ

Я читал. Я лежал на узенькой жёсткой койке и читал. Когда мне надоедало читать, я думал.

Я думал, как можно использовать записи — звуки голосов рыб? Можно отпугивать рыб от плотин электростанций, от работающих земснарядов... Можно привлекать их к сетям и местам лова...

Время от времени я поглядывал на манометр. Большой чёрный манометр висел на торцовой стене камеры.

Мы все смотрели на него. Тонкая стрелка изнурительно медленно ползла влево. Давление падало. Оно снижалось так неторопливо, что казалось, стрелка никогда не дойдёт до нуля.

КОГДА ОНА ДОСТИГНЕТ
НУЛЯ, ОТКРОЮТ ЛЮК.

Я потянулся и швырнул книжку на пол. Все книжки, которые мы взяли с собой, оказались про шпионов. Немцев взял про шпионов, Игнатьев — про шпионов. И я.

Из-за этих книжек у меня пропал аппетит. Стоило закрыть глаза, как из всех углов начинали вылезать шпионы. Они были с чёрными накладными бородами, подходили ко мне и шёпотом называли пароль.

Однажды, когда я задремал, шпион наклонился надо мной, вытащил из кармана пистолет и выстрелил мне в живот.

С диким криком я вскочил и ударился лбом о потолок.

С живота на ноги ко мне скатился Кессон.

— Ты что? — спросил Немцев. С перепугу он сказал мне «ты».

Я тяжело дышал и мотал головой.

— Вам на живот прыгнул котёнок — только и всего! Я перевёл дыхание.

— Давайте поговорим о литературе, — сказал Игнатьев. — Всё-таки просидеть три дня в камере с художником и ничего не услышать от него о книгах — обидно. Какие книги вы любите?

— Без шпионов! — ответил я.

МНОГО ЗВУКОВ И ВЕТРА

Серебряная стрелка упёрлась в нуль и остановилась.

Сейчас нас выпустят.

— У нас всё в порядке! — сказал в телефон Игнатъев. — Ждём.

Снаружи послышался скрип винтов. Мы сели каждый на свою койку и приготовились. Только Кессон, услышав скрип, побежал к двери. Он, наверное, думал, что это скребётся мышь.

Наконец скрип кончился. Что-то звякнуло, и круглая крышка люка шевельнулась. Она медленно приоткрылась. Жёлтый изогнутый луч солнца упал нам под ноги.

Люк был открыт.

Мы по одному выбрались из камеры.

СКОЛЬКО ЗВУКОВ И КАКОЙ ВЕТЕР!

Звучало всё: море, толпа, которая собралась вокруг камеры, воздух, который струился над бухтой, корабли, даже горы. Лёгкий звенящий звук слетал с их вершин и, долетев до нас, повисал в воздухе.

А какой был в этот день ветер! Воздух так и ходил. Он был и жгуч, и прохладен, то и дело менял направление и отдавал нас то запахом морской воды и соли, то густым ароматом трав.

Я посмотрел на мачту. Флаг на её верхушке бессильно жался к шесту.

НАВЕРНО, ЧЕРЕЗ ЧАС И МЫ НЕ БУДЕМ НИЧЕГО ЗАМЕЧАТЬ.

Я осмотрелся.

В первом ряду стояли корреспонденты. Киношник стоял позади всех.

— Товарищи! — сказал Павлов. На этот раз он решил всё-таки сказать речь. — Разрешите от вашего имени поздравить экипаж подводного дома...

За моей спиной раздалось мяуканье.

Павлов замолчал.

Мяуканье доносилось из камеры.

— Это Кессон! — сказал Игнатъев.

— Какой Кессон? — удивился Павлов.

Немцев забрался в камеру и появился с котёнком.

Кессон щурил глаза, шипел и вырывался. Он не хотел выходить из камеры. Все засмеялись.

— Это кошка, — сказал доктор, — первая подводная кошка в мире. Она прожила под водой неделю. Как видите, она хорошо перенесла декомпрессию и теперь не рвётся на воздух.

Павлов махнул рукой. Как видно, он решил не говорить речь.

— Можно расходиться, — сказал он.

— Ура! — сказал толстый корреспондент. — Ура и ещё раз ура! Я знаю, с чего начать корреспонденцию. Я начну её с этой удивительной кошки. Кошка-акванавт!

И он побежал писать статью.

Ко мне подошёл Марлен.

Мы отправились побродить. Я рассказал, что сделал за десять дней пребывания под водой. Мы дошли до загородки с дельфином и остановились. Я замолчал. Я смотрел на пустую загородку и вспоминал Сашу.

Вода в загородке шевельнулась.

Она раздалась, и из неё на секунду показалась блестящая чёрная спина.

ЧУДЕСА!

Я ахнул.

— Это что — новый дельфин? — спросил я.

Марлен засмеялся:

— Угадай.

— Новый. Вместо Саши.

— Нет.

— Тогда не знаю.

— Посмотри лучше.

Мы подошли ближе.

В загородке по пояс в воде стояла женщина. Она была в чёрном купальном костюме. На воде дрожало и изгибалось её отражение: чёрно-розовое пятно. В руке у женщины была щётка.

Женщина похлопала ладонью по воде, и около её ног вынырнула узкая дельфинья морда. Поперёк лба у дельфина тянулся белый шрам.

САША!

Дельфин повернулся на бок, и женщина начала тереть его щёткой.

— Саша... Саш... — приговаривала она. — Ну повернись ещё, повернись...

Почесав дельфина, женщина вышла на берег, взяла с коврика гаечный ключ и, размахнувшись, бросила его в воду.

Саша перевернулся и без всплеска скрылся. Прошло не больше минуты, он вынырнул и стал медленно приближаться к берегу. Он плыл к тому месту, где стояла женщина. В зубах он держал что-то чёрное. Я удивился: это был гаечный ключ.

Женщина взяла ключ, потрепала Сашу по голубой птичьей челюсти и повернулась к нам. У неё было усталое лицо, редкие волосы стянуты сзади узлом.

— Видите, сейчас принёс, — сказала она. — Ещё неделю, и, думаю, этот номер мы закрепим.

Я подошёл и стал рядом с ней.

— Что же ты, Саша? — сказал я. — Столько времени дурачил нас.

Дельфин пытливо смотрел на меня удлинённым глазом. Он медленно тонул, погружался. Зелёная вода скрыла его рот, лоб с характерным уступом, макушку с дыхалом.

Когда мы отошли от загородки, я сказал:

— Чудеса! Откуда он взялся?

И тогда Марлен рассказал удивительную историю возвращения дельфина.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЕЛЬФИНА

... На второй или на третий день моего сидения под водой в лагерь привезли газету. На последней полосе была напечатана заметка.

Вот уже несколько дней, как около евпаторийского пляжа каждое утро появляется дельфин-афалина. Животное позволяет подплывать к себе, трогать руками, охотно берёт из рук рыбу. Работникам спасательной станции дано указание оберегать доверчивое животное.

Сперва заметке удивились, потом у Джуса мелькнула мысль.

— Стойте! — сказал он. — Подозрительный дельфин. Уж не Саша ли это?

Решили отправить в Евпаторию человека.

Поехал на мотоцикле Лёсик.

В Евпаторию он примчался в полдень. Поставив мотоцикл около спасательной станции, разделся и в трусах — они у него были ярко-жёлтые — пошёл по берегу.

На пляже люди лежали, как шпроты в банке: они все были коричневые и лежали бок о бок. Потом Лёсик увидел толпу. Купальщики стояли кто на берегу, кто по колено в воде и смотрели на море.

В море дрейфовала лодка. Люди в ней свесились за борт. Один, опустив руки, трогал что-то чёрное и блестящее.

Лёсик прыгнул в воду и поплыл. Он доплыл до лодки и увидел дельфина. Это был Саша. Он описывал вокруг лодки круги, подплывал и тёрся спиной о борт.

В лодке стоял ящик с рыбой.

Время от времени люди бросали в воду рыбёшку. Дель-

фин коротким броском настигал её — ап! — и рыба исчезала в его пасти.

— Саша! — позвал Лёсик. — Саша!

— Зачем вы называете его Сашей? — сказали из лодки. — Это Разбойник. Наш пляжный дельфин Разбойник.

И тут Лёсик совершил ошибку.

— Это наш дельфин! — сказал он.

— Смотрите, — возмутились в лодке, — стоило нам завести дельфина, как появляются нахалы и предъявляют на него права! Плывите назад и помните, что среди нас есть боксёр — чемпион области.

Лёсик выбрался из воды и помчался в Голубую бухту.

Он нёсся так быстро, что на одной горной тропе перепрыгнул на мотоцикле через маленькое ущелье.

— Плохо дело! — сказал Павлов, когда Лёсик рассказал о результатах поездки. — Теперь пляжники настороже, будет трудно. . .

Стали думать, что дальше делать.

— Надо обратиться в исполком и потребовать дельфина обратно.

— Дельфины не относятся к исполкому. Исполком — это то, что на берегу, а тут море.

— Надо попросить рыбаков, чтобы они поймали дельфина сетью.

— Около пляжа лов сетями запрещён.

— А что, если просто приехать на машине? Одна группа будет сдерживать толпу, а вторая поймаёт Сашу.

— Среди них боксёр. Его сдержишь!

— Пойдём катером и посмотрим, — сказал Павлов. — Я возьму документ с печатью.

Катер пришёл в Евпаторию под вечер. Народу на пляже было тьма.

Сашу заметили сразу. Он плавал взад и вперёд у буйков. На буйках гроздьями висели люди. Они смотрели, как резвится дельфин.

Катер подошёл к буйку. Заглушили мотор. Катер сейчас же окружили человеческие головы. Они торчали из воды и отдувались.

— Зачем пришли? — спросила одна голова.

— Это они. Вон тот приезжал! В жёлтых трусах! — закричала вторая. — Не давайте им дельфина!

— Боксёра надо позвать, боксёра... Петя! Петя-а-а!.. С берега приплыл Петя. Он был большой и гладкий.

— Кто тут хочет дельфина? — спросил Петя. На спине у него играли мускулы.

— Да, добром тут не выйдет! — сказал Павлов. — Пошли на станцию.

Катер завёл мотор и ушёл к спасательной станции. Там Павлов показал бумагу с печатью. В бумаге говорилось, что дельфин Саша является государственным имуществом и входит в состав экспедиции «Садко».

— Против бумаги не попрёшь! — вздохнув, сказал начальник станции. — Жаль: мы сами привыкли к дельфину. Очень ласковое животное. Любит, когда его гладят. Ну ладно, делать нечего. Как будете забирать?

Разработали план. Несколько спасательных лодок стали у буйков и оттеснили купальщиков. Потом подошёл катер, и Павлов стал бросать в воду рыбу.

Саша тотчас же подплыл. Катер дал малый ход и стал удаляться от берега. В воду с него то и дело летели серебристые рыбёшки.

— Караул! — закричали купальщики. — Дельфина уводят!

Они попытались заплыть за буйки, но работники станции были неумолимы.

— Назад, назад!.. — кричали они.

Двух самых нахальных пляжников, которые заплыли за

буйки, втащили в лодки и стали им выписывать квитанции — штраф.

— Дельфина уводят! . . Петя! . .

Петя плавал около последнего буйка и, высунув из воды большой, как арбуз, кулак, грозил катеру.

Джус и доктор слезли с катера в воду, погладили Сашу, а потом, схватив его крепко за плавники, стали держать. Он не вырывался.

Под них подвели сеть и всех троих подтащили к борту.

— Осторожнее, черти! — просил Джус. — Кости сломаете.

Они с доктором выбрались из сети. Сашу перевалили через борт и положили в длинный узкий ящик. В ящик налили воды. Саша сразу же запыхтел: пых! пых! . .

— Вот как было дело! — закончил Марлен.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ

Дом переставили на новую глубину. На двадцать пять метров. Его притопили, как притапливают непокорные, набитые воздухом понтоны, подтащили ко дну, как подтаскивают к земле слишком высоко поставленные аэростаты.

Скрипела лебёдка. Толстый маслянистый трос, дрожа и звеня, медленно выползал на берег и наворачивался на барабан. Натужно выли моторы.

— Есть двадцать пять! — сказал Павлов.

Он стоял около лебёдки и смотрел, как движется новый красный лоскут.

С катера, стоявшего посреди бухты, бросили лот и сообщили флажками:

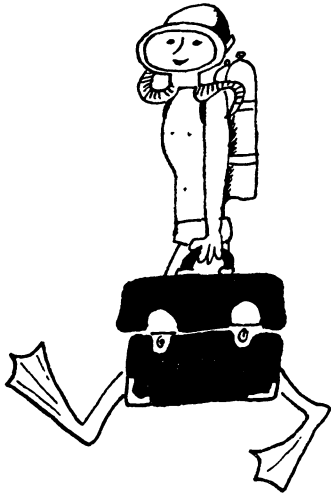
— Двадцать пять!

Новый экипаж — три водолаза — ушли в палатку врача. Сегодня они будут спать отдельно. За ними будет всё время следить доктор. Всё будет строже. Их дублёры тоже ушли готовиться.

Это как полёт в космос.

Новый экипаж будет жить в доме месяц. Когда до конца срока останется пять дней, одного водолаза сменит Марлен.

ОПЯТЬ ПОРТФЕЛЬ

Я сидел на берегу и писал письмо. Я писал, что вот-вот буду дома.

В бухте всплывали пузыри. Они всплывали всё ближе и ближе. Вода шевельнулась, и показался человек. Заблестели баллоны. Шлёпая ластами по воде, к берегу шёл водолаз. В руке у него был портфель.

Я даже вздрогнул.

Водолаз вытащил изо рта загубник, поднял маску и сказал:

— Здравствуйте!

Мне стало так весело, что я смог сказать только:

— Здра...

Джус перевернул портфель, из него полилась вода.

— Так вы всё-таки сплавали за ним? — сказал я. — Вы герой!

— Понимаете, привык. Трудно без него. Как без рук.

Я лёг на песок и стал хохотать. Я единственный в мире, кто видел, как из моря выходит человек с портфелем.

Джус не понял, отчего я смеюсь. Он потряс ещё раз портфель. Чёрные капли упали на песок.

— Я думаю, он быстро высохнет, — задумчиво сказал Джус. — Привычка большое дело. Вчера мне пришла в голову мысль, как сделать в следующем доме воздух более сухим. Надо использовать плиту, а трубы от неё провести во все отсеки.

«ФИТИЛЬ»

Корреспонденты ходили по лагерю весёлые — их сообщения о ходе экспедиции брали нарасхват.

— Ну как, теперь ясно, с чего начинать? — спрашивал Марлен толстого газетчика.

Тот хохотал и похлопывал Марлена по плечу.

— Молодой человек! — говорил он.

МАРЛЕНУ ДАВНО ЗА СОРОК.

Однажды его отвёл в сторону Киношник.

— Понимаете... — сказал он и начал крутить у Марлена на куртке пуговицу.

— Я слушаю вас.

— Понимаете, неуспех моей миссии под водой ставит меня в неловкое положение, — сказал Киношник.

— Осторожнее, оборвёте.

— Нет, я аккуратно. Так вот, я говорю, моё пребывание здесь не может не иметь какого-то результата. Улавливаете?

— Смутно.

— Сейчас объясню. За эту поездку я должен отчитаться плёнкой. Снятыми метрами. Сюжетом.

— Что вы хотите от меня?

— Я предлагаю: давайте придумаем. «Фитиль» имеет специфику. Разыграем сюжет.

— Я должен надеть акваланг, и вы снимете меня под водой? Или выходящим из воды?

— Нет, нет, сделаем проще. Вы бросите окурочек в траву. Она загорится. Я сниму. Это будет: «Берегите крымский лес от пожара».

— Я не курю.

— Тогда сядьте. Ешьте рыбу, а кости бросайте на пляж. «Природу надо беречь».

Марлен посмотрел на него зелёными глазами.

— Я занят, — сказал он. — У меня много работы. Возьмите другого. Вон двое отдыхают.

Киношник вздохнул и пошёл прочь.

— Чёрт его знает что! — сказал Марлен. — Ты слышал?

Я кивнул.
Он спохватился:
— Где моя пуговица?
Вместо пуговицы висела одна нитка.

ТРЕТИЙ ЭКИПАЖ

Водолазы ушли под воду. Мы провожали их, стоя на палубах катеров.

Потом мы сошли на берег и из командного пункта снова увидели их. Техники наладили телевизор. На голубом экране были видны спины ребят. Они возились с магнитофоном. Потом один повернулся. Он не знал, что мы видим его. Он смотрел на нас серьёзно и не улыбался. Даже морщился. На лбу у него были капли.

— Двадцать пять метров — это уже не шутки! — сказал Марлен.

Он догадался, о чём я думаю.

Через неделю придёт из Азовского моря танкерок. В цистерне он привезёт рыб: осетров, кефалей, камбал. Обещают достать и катранов. На дне смонтируют и пустят буровую вышку.

НАЧНЁТСЯ САМАЯ ГЛАВНАЯ РАБОТА.

А я уеду. О том, что пора уезжать, я думаю каждый день.

ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Только я собрался ехать, как пришло штормовое предупреждение.

— В течение ближайших часов ожидается юго-западный ветер до десяти баллов. Дождь. Я не могу отпустить вас на мотоцикле. Вас смочет, — сказал Павлов.

— Ладно, — сказал я. — А как же ребята там, в доме? Конечно, я останусь — вдруг понадобится помощь. Всё-таки лишняя пара рук. А не поднять ли дом?

— Поднимать опасно.

Павлов задумался. Потом он поскрёб подбородок и сказал:

— Попробуем оставить. . . Всё-таки двадцать пять метров.

На всякий случай он пригласил в палатку Марлена и ещё несколько человек.

Все выслушали его и тоже сказали:

— Оставить!

Небо на юге начало темнеть. Над морем появились низкие, рваные облака. Они неслись над самой водой и светились розовым светом.

Горы притихли. Дышать стало трудно.

— Надо всё закрепить по-штормовому, — сказал Павлов. — Лодки вытащить на берег. Передайте буксирам — перейти под защиту скал.

Вершины гор озарились первой вспышкой. Сухой треск прокатился над бухтой. Море почернело. Над палатками тонко запел ветер.

Около Сашиной загородки суетились водолазы. Ими командовала женщина. Сашу вытащили на берег, положили в ящик с водой. Шесть парней поволокли ящик в глубь берега.

— Осторожнее, осторожнее! — говорила женщина. Она шла следом.

Саша послушно пыхтел.

БУДЕТ ШТОРМ!

ШТОРМ

Ветер усилился. Волны, до сих пор беспорядочно плясавшие у входа в бухту, выстроились рядами. Они шли теперь, как солдаты на приступ, вал за валом. Белые одиночные шапки пены слились в длинные гребни. Плеск воды превратился в угрожающий гул. По брезентовому пологу палатки застучали первые капли дождя.

Мы сидели на командном пункте и смотрели, как на экране телевизора неторопливо перемещаются силуэты наших товарищей.

— Надо им сказать, — пробормотал Павлов.

Он взял телефонную трубку, нажал кнопку вызова и, когда человек на экране тоже поднёс к уху трубку, сказал:

— У нас ветер южный, семь баллов. Ожидаем дальнейшего ухудшения погоды. Как себя чувствуете?

Силуэт на экране закивал головой и громко, через динамик, ответил:

— У нас всё в порядке.

Павлов кивнул.

— Будьте внимательнее!

Палатку рвануло. Дождь зашумел ровно и сильно. Через минуту он уже хлестал, как из пожарного рукава.

Грохот волн на берегу превратился в сплошной рёв.

Стемнело.

— Надо пойти посмотреть, как лагерь, — сказал Павлов.

— Я с вами.

Мы закутались в плащи и вышли из палатки в темноту.

Ветер подхватил нас. Потоки воды били по лицу, мелкие холодные струи бежали за воротник.

Прикрывая глаза рукой, я посмотрел, где Павлов. Его чёрная фигура маячила впереди. Павлов размахивал руками и что-то кричал.

Увязая в песке, я направился к нему.

Впереди метались и шумели люди: опрокинуло палатку. Трое парней собирали и прятали под упавший брезент вещи, заново крепили углы. Верёвки в их руках извивались, как черви.

Мы вышли на берег. Море слабо светилось. Было видно, как возникают в темноте волны. Они появлялись, росли и опрокидывались, заливая пляж сияющими потоками.

Под ногами шевелился песок, перемешанный с водой. Он двигался, тёк.

В разрыве между тучами показалась луна. Призрачный зелёный свет упал на скалы. Позади нас гудели и надувались парусами палатки. Пробиваясь сквозь рёв ветра, откуда-то из-за палаток доносился неясный шум.

— Бежим туда! — крикнул Павлов.

Спотыкаясь и увязая в мокром песке, мы выбежали из

городка. Огибая наш лагерь, к морю стремился поток. Незвестно откуда взявшаяся река рвалась к бухте. С водой мчались ветки, охапки травы, стволы деревьев.

Край берега, на котором я стоял, зашатался. Я отпрыгнул. Подмытый водой берег обрушился, распался на куски и исчез, унесённый течением.

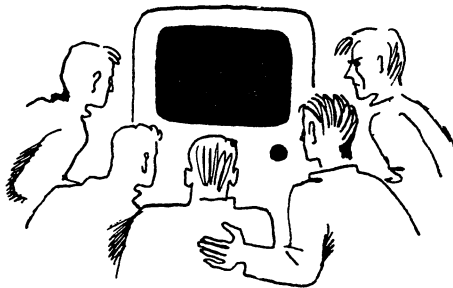
— Надо поставить тут человека! — крикнул мне в ухо Павлов. — Может смыть лагерь!

Мы побрели назад.

Откинув полог, мы протиснулись внутрь первой палатки. Голубой экран на пульте управления не горел.

Люди, тесным кружком стоявшие около него, молчали.

— Нет связи с домом, — сказал дежурный. — Оборвало все кабели!

ЧТО С ДОМОМ?

В эту ночь в лагере не спал никто. Мы сидели на командном пункте и ждали.

Ждали рассвета. Ждали, когда утихнет шторм.

В голову лезли нехорошие мысли. Дом может дёрнуть или наклонить. От этого выйдут из строя электрические батареи, и люди будут сидеть в кромешной тьме.

От удара может дать трещину корпус, часть воздуха выйдет, и люди окажутся в тесном воздушном пузыре, под самой крышей.

Если бы я не прожил в доме десять дней, я, быть может, не представлял себе это так ярко. . .

Павлов молчал.

К утру переменялся ветер. Он сбил волну. Ливень прекратился. В воздухе повисла мелкая капельная изморось.

Мы вышли из палатки. Поток, бушевавший за лагерьем

ночью, иссяк. Угасли белые гребни в бухте. Тяжёлая, идущая против ветра зыбь лениво катила на берег ровные жёлтые валы. От глины и песка, принесённых с гор, вода в бухте стала непрозрачной.

Буёк с флажком, который стоял над домом, исчез.

— Если бы их сорвало с якоря, дом был бы уже на берегу, — сказал Немцев.

— Не каркай!

Павлов сказал это и стал раздеваться. Он натянул на себя гидрокостюм и прицепил баллоны.

— Я тоже, — сказал Игнатъев.

Ступая пятками вперёд, они вошли в воду. Первая же волна отбросила их назад.

Отдуваясь и отплёвываясь, они встали, проверили автоматы дыхания — не попал ли песок? — и пошли снова. Их опять опрокинуло.

— Надо не так, — сказал Марлен. — Сейчас вдоль берега идёт отбойное течение. Надо найти место, где оно поворачивает в море.

Он набрал кучу палок и стал бросать их в воду.

— Вроде бы тут! — сказал он наконец. Палки плыли от берега.

Павлов и Игнатъев пошли опять. Они не стали ждать прихода волны, а сразу повернулись и, работая изо всех сил ластами, ушли под воду.

Мы уселись на мокрый песок и стали ждать.

Наши плечи медленно, капля за каплей, покрывались плёнкой воды. Дождь сеял, как из сита. Сквозь эту пелену казались призрачными громады входных мысов. Окружающие бухту горы исчезли в серой мгле.

Прошло полчаса.

— Вижу! — закричал Немцев.

Он вскочил и показал рукой на середину бухты.

Там, то скрываясь, то выходя на гребень волны, маячила чёрная точка. Рядом с ней появилась вторая.

— Плынут! Оба плывут!

Точки росли. Наконец среди жёлтых гребней заблестели костюмы и баллоны.

Люди, видно, выбились из сил и не стали искать место, где им лучше выходить. Они плыли прямо на нас. Огромная волна выросла над их головами, подняла, понесла их, опрокинула. Люди закружились на месте, пена и песок покрыли их тела, уходящая вода потащила обратно.

Несколько человек без команды бросились в воду. До одного аквалангиста удалось добраться. Его ухватили за руки.

Следующая волна поднесла второго.

Людей вытащили на берег. С них сняли маски и баллоны.

Павлов и Игнатьев лежали на песке, тяжело дыша. Потом нехотя сели.

— Ну, как там? Что в доме? — спросил Марлен.

Мы настороженно ждали.

Павлов поскрёб подбородок.

— Пьют растворимый кофе, вот что.

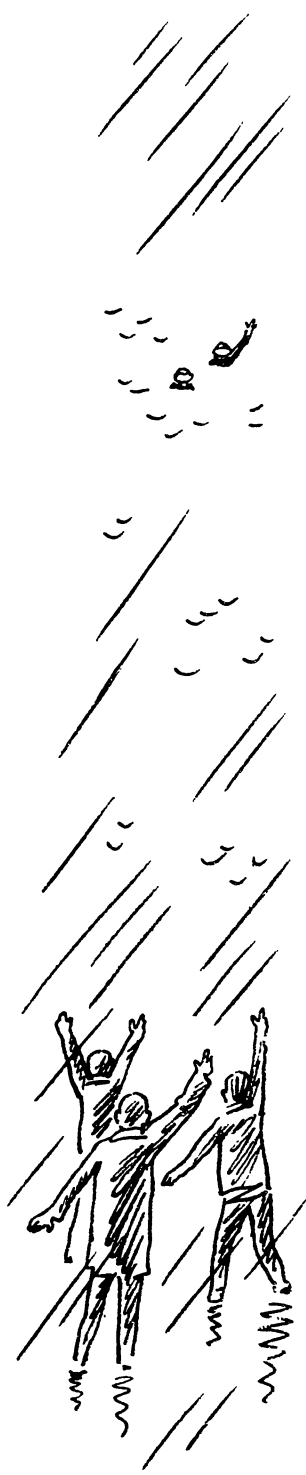
Он выплюнул изо рта песок.

— Кейфуют они там. Даже не качнуло. Всё-таки двадцать пять метров! А вот видимость под водой — ноль. Где дом — получше, а кругом облака. Муть с берега идёт.

— Сейчас они выпустят аварийный буёк с антенной, — сказал Игнатьев.

Он сказал это и замолчал. На жёлтой взгорбленной поверхности бухты уже плясал красный буёк. Он торчал из воды, как стручок перца, качался, скрываясь в ложбинах волн, и появлялся вновь.

— Быстро они!

Со стороны палаток что-то кричал дежурный. Он стоял около палатки № 1 и махал руками.

— Что там случилось? — спросил Павлов.

— Он кричит, что есть связь, — сказал Немцев.

Он показал рукой: «Поняли!» — и дежурный ушёл.

ГОВОРЮ С КИНОШНИКОМ

На следующий день погода наладилась. Я ходил между палатками и прощался с водолазами.

Около первой палатки я встретил Киношника.

— До свидания! — сказал я. — Уезжаю.

Он мне очень обрадовался. Выглядел он неважно и был весь какой-то помятый.

— Очень жаль, — сказал он. — Всё-таки ещё один человек искусства. Мы так с вами и не поговорили. Как ваши дела?

— Так себе. Не рисовалось.

— И у меня хоть плачь. Я не могу уехать отсюда, не сняв какой-нибудь сюжет. Придётся снять о недостатках. Должны тут быть какие-нибудь недостатки?

— Почему должны?

Я разозлился на него и ушёл не попрощавшись.

ПРОЩАЮСЬ С МАРЛЕНОМ

С Марленом мы говорили долго.

— Понимаешь, — сказал он, — звуки животных под водой — это, очевидно, то, к чему я шёл всю жизнь. Всё остальное, оказывается, было только подготовкой. Разведкой. Ты в разведку ходил?

— Нет.

— Так вот, когда идёшь в разведку, всегда знаешь, зачем идёшь. Сказано — засечь огневые точки. За ними и охотишься. Или — взять «языка». Ловишь «языка». А в науке, чтобы найти дело, которому стоит посвятить всю жизнь, нужно всё

время искать. Что я за эти годы не изучил! И стаями рыб занимался, и органами чувств... И вот оно: новое, интересное, настоящее моё дело!

— Счастливый ты!

Марлен промолчал.

— После обеда двину.

— Пешком через горы — не хочешь?

— Поеду на мотоцикле до Симферополя, — сказал я. — Хотел было заехать в Севастополь — не получается. Нет времени.

— Знаешь, — сказал Марлен, — когда я был в Севастополе, я пошёл на Биологическую станцию, гляжу, у причала шхуна... «Тригла»! Представляешь, она. Списывают. Новый получили катер: мотор двести лошадиных сил, пять кают. Даже радиолокатор есть. В тумане будет ходить, как днём. Кончился век нашей шхуны.

— Она не была шхуной, — сказал я. — Мне пришлось как-то смотреть справочник. У шхуны должно быть не менее двух мачт. Это просто моторный бот.

— Какая разница... Это наша «Тригла».

Марлен помог мне собрать вещи.

После обеда около палатки затарахтел мотоцикл.

С заднего сиденья слез Павлов.

— Как вы на нём ездите? — сказал он. — Ногами за землю цепляешь. На грузовике надо ездить.

Я навьючил на себя рюкзак. Пачку листов с рисунками я положил под рубашку.

— Ну пока! — сказал я.

— Пока! — сказали Павлов и Марлен.

Мотоцикл выстрелил длинной синей струёй и вынес нас с Лёсиком на тропу.

— С ветерком прокатить? — крикнул через плечо Лёсик.

— Дава-а-ай!...

Мы мчались по ухабистым крутым подъёмам, ныряли в ущелья, неслись мимо выветренных, угрюмых скал.

Наконец прямо передо мной выросла серая

громада Эски Кермена. Гора лежала, как броненосец, как погибший броненосец с плоской палубой. Жухлая зелень водой стекала с его бортов. Чёрные дыры пещер зияли, как разбитые иллюминаторы.

Не останавливаясь, мы пронеслись под отвесными скалами, обогнули северную, тупую, как корма, окончность горы и помчались дальше, в глубь ущелья.

Я не утерпел и оглянулся.

Эски Кермен серым уступом высился позади. Он был всё ещё похож на корабль. Кроны одиноких деревьев на его вершине развевались, как флаги.

ЭТО ОЧЕНЬ ЗДОРОВО: ТАМ ПОД ВОДОЙ БЕЛЫЙ ДОМ, А ТУТ МЁРТВЫЙ ГОРОД НА СКАЛЕ.

Мы выехали на шоссе, и Симферополь стал приближаться к нам со скоростью 120 километров в час.

НЕ СКОРОСТЬ, А ПУСТЯКИ!

Я даже не держался за кольцо.

В СИМФЕРОПОЛЕ

В городе я распрощался с Лёсиком и пошёл на вокзал покупать билет.

Около закрытой кассы стояли Рощин-второй и человек в зелёной кофте. Рядом с ними сидела на чемодане женщина в мужском пиджаке.

— А, художник! — сказал Рощин-второй. — Как ваши дела? Вы откуда?

Я кивнул.

— Домой?

— Да.

— А мы в Батуми. Там, говорят, есть бассейн с морскими животными. Хочу устроиться. Этот товарищ со мной. Вы его помните?

Жёлто-зелёный человек с отвращением посмотрел на меня.

— Нет.

— Кассу скоро откроют?

— Билетов на сегодня не будет.

Я ушёл с вокзала, снял комнату в гостинице, купил в магазине пачку картона и новую коробку красок.

Я заперся и стал писать.

На первом листе я написал густо-зелёную воду. Сквозь неё угадывалась скала. На скале сидели крабы. Красные, как кровь, глубоководные крабы, про которых рассказывал Павлов.

Из глубины спиной к нам всплывал водолаз.

Он засмотрелся на крабов и висел в воде, раскинув руки. Ноги его касались скалы, потревоженные животные сплелись около ног в красный бесформенный клубок.

На картине было плохо виден водолаз, плохо скала, и только крабы выступали из чёрно-зелёной воды, как капли крови.

В этой картине было что-то интересное. Мне она сразу понравилась, хотя это был всего-навсего эскиз, жалкий кусок картона, с которого ещё придётся писать на холсте настоящую картину. Тут всё было написано сумбурно. Я волновался. Я никогда так не волновался, рисуя картину.

Я разложил на полу картонки и стал набрасывать на них сюжеты будущих картин.

На одной я нарисовал тонущий мяч и креветок, нападающих на него. «Креветки, играющие в мяч» — так я решил назвать этот рисунок. Ещё был дом. На нескольких картинах был дом. Серый, как облако, плохо различимый из-за мутной воды дом и парящие около него люди.

Я писал эти эскизы неделю. Только когда кончились листы и краски, я купил на последние деньги билет и в жёстком, переполненном вагоне уехал на север.

Я лежал на верхней полке под тусклой лампочкой и, закрывая глаза, представлял себе будущие картины.

Поезд ревел и мчал душный вагон навстречу северной непогоде.

МАРЛЕН ОБЕЩАЛ МНЕ ПИСАТЬ.

ПИСЬМО

Письма от Марлена не было с месяц.
Наконец оно пришло.

Коля, привет!

Пишу тебе с опозданием, потому что работы было невпроворот и не то что сесть написать другу, ложку ко рту поднести было некогда. Пять дней своих под водой я отбарабанил, записал кучу рыб. Теперь на всю зиму работы хватит — обрабатывать записи. Посмотрел площадку около корабля, что нашли вы с Немцевым. Площадка что надо. Гидрофоны я установлю перед кораблём, а телекамеру спрячу внутри. И ещё там же устрою себе место, чтобы можно было забраться понаблюдать, пофотографировать. Помнишь иллюминатор? Вот там.

Считай, что полигон у меня есть. Правда, всё это на будущий год.

Тут последние дни удивлял Саша. Прошёл ускоренный курс наук. Если бы не позднее время, быть бы ему уже в этот раз в составе экипажа. Конечно, во всём виноват был Роцин.

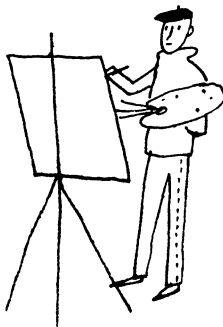
У нас уже осень. «Садко» подняли и увели из Голубой бухты. Ребята уехали в Ленинград. Вот и всё. Как твои рисунки? По-прежнему царапаешь ракообразных?

Марлен.

Я сложил письмо, спрятал его в конверт и тихонько засмеялся.

На столе у меня лежала толстенная пачка летних эскизов. Теперь всё пойдёт по-другому. Что я делал до сих пор? Учился. Искал. Пробовал силы, разуверился было в себе. Теперь я начинаю работать по-настоящему. Буду писать картины.

Это будут картины о море. Только не о том, которое видят все, а о том, которое видят рыбы и люди, живущие под водой.

Книгу, которую вы только что прочитали, написал ленинградский писатель Святослав Владимирович Сахарнов.

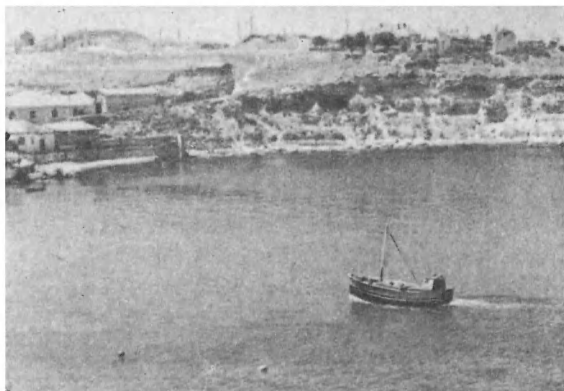
В 1940 году сразу после школьной скамьи он поступил в морское училище, и с тех пор начались для него годы плаваний, странствий, наблюдений и встреч.

Был в его жизни такой случай. Отвоевав, молодой моряк пришёл в одно из научных учреждений. Вступительную беседу с ним вёл старый опытный штурман, учёный. Между делом он попросил юного лейтенанта записать название книги. Протянул лист бумаги и карандаш. Юноша быстро записал. Старик взял у него из рук бумажку, с трудом прочитал написанное, вздохнул и сказал:

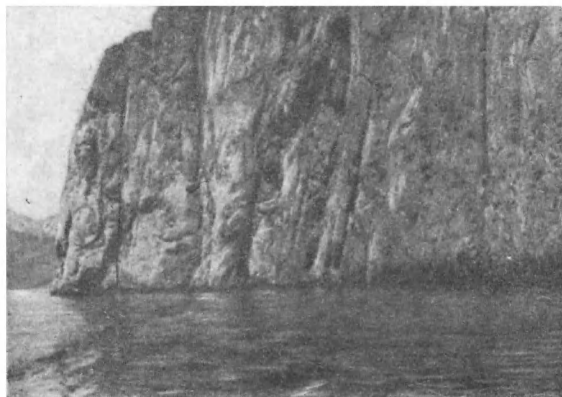
— Штурман в любых записях должен быть аккуратен и предельно точен. Не думаю, чтобы кораблевождение было вашей судьбой. . .

Старый моряк оказался прав. Святослав Владимирович стал писателем. Но годы плаваний и научной работы взяли своё — в том, как он теперь пишет, есть аккуратность и точность бывшего штурмана.

Первая повесть в этой книге рассказывает о путешествии на «Тригле». Однажды автору предложили участвовать в лёг-

ководолазной экспедиции на Чёрном море. Экспедиция эта не занималась поисками древних отпечатков на дне, в её составе не было художника или женщины, способной одной рукой выбросить за борт взрослого мужчину, как об этом рассказано в повести. Учёные, плававшие на моторном боте, изучали морских животных. Люди интересные, мужественные... Именно для того, чтобы показать их наиболее

ярко и полно, автор заставил реальных людей действовать бок о бок с придуманными.

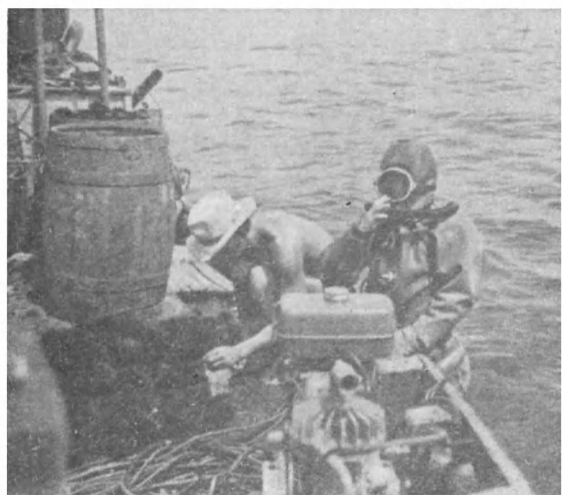
Посмотрите на фотографии, сделанные во время плавания. Моторный бот входит в бухту. Марлен, а у его ног — скат-хвосток. Да, в повести скату повезло значительно больше...

Скала с отпечатками пушечных ядер. Во времена Нахимова и Ушакова она действительно была мишенью для кораблей, уходивших в боевые походы. Всё это подметил и перенёс в книгу автор. А вот капитан мотобота и моторист. Капитан очень похож на того, который описан в повести, а моторист — нет. И, наконец, сам автор. Он только что вылез из воды и, не сняв ласты и маску, карабкается вверх по скале.

Вторая повесть, «Трепанголовы», была написана несколько лет спустя после «Путешествия на «Тригле». Для того чтобы написать её, писателю пришлось ехать на Дальний Восток, работать там вместе с водолазами, добытчиками продуктов моря. Работа под водой — это всегда и опасность, и тяжёлый труд. Вот почему повесть местами сурова, местами даже печальна.

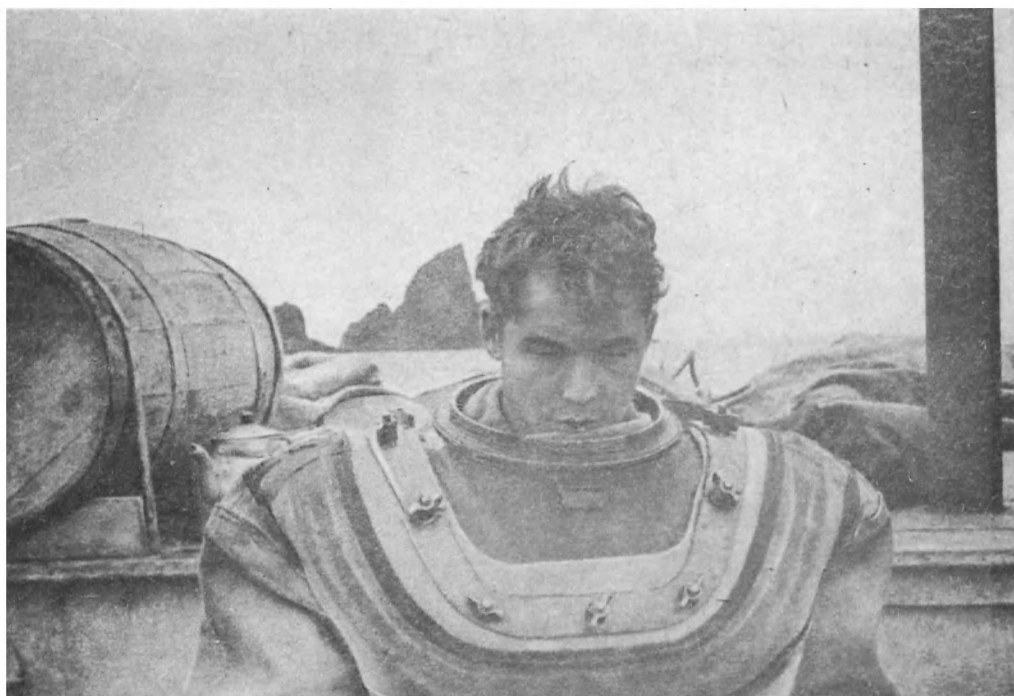
Вероятно, водолазы, которые на дне моря собирают в верёвочные мешки трепангов, мидий, морских ежей, — это люди одной из самых редких профессий в нашей стране. За страницами книги то и дело угадываются реальные люди, места, обстоятельства.

На снимках рыбацьи сейнеры у причала. Такие сейнеры ходят на ночной лов кальмаров. Это они «как город, который качается на воде». Это на их палубы льётся поток кальмаров, брызжущих водой и чернилами... А вот водолазы уносят на берег, на завод, бочку с трепангами. Вот когда пригодился бамбуковый ствол, увиденный на катере автором! Следующий снимок — добыча морских ежей. За день водолазы должны наполнить четыре такие бочки. А за бортом, на лесенке, — автор. На нём необычного вида водолазный костюм, именно тот, что описан в книге.

За рулём бота —

Телеев. На нём выдававшая разные погоды кепка. И о ней не забыл упомянуть автор, когда описывал старшину бота.

И, наконец, перед нами ещё один герой «Трепанголов» — водолаз Шапулин. Он только что вышел из-под воды. С него едва успели снять шлем. Посмотрите на его лицо, и вы поймёте, как тяжёл труд человека под водой.

Во время первой встречи автора с акванавтами на вопрос: «А что внутри дома?» — Джус вместо ответа вырвал из записной книжки листок и набросал этот чертёж. Правда, дом, описанный в повести, не-

Заканчивает книгу повесть «Дом под водой». Её герои тоже пришли на страницы повести из жизни.

Вот фотографии, связанные с этой повестью. Самый большой из подводных домов — «Садко-три». Его бережно опускает на воду подъёмный кран.

сколько отличается от настоящего. Следующий снимок подтверждает, что входят в подводный дом... действительно снизу, подныривая и не боясь стукнуться головой о дверь. Двери в подводном доме, как помните, нет.

Экипаж акванавтов покинул «Садко-три». Крайний справа — Джус.

И в заключение фотография едва ли не самого знаменитого участника экспедиции «Садко» — котёнка Кессона. Его сняли в подводном доме на глубине двадцати пяти метров.

Долго и нелегко создавалась эта книга. Виталий Бианки, который был учителем Сахарнова в литературе, говорил: «Нужно наблюдать сто раз, как взлетает птица, чтобы один раз описать это».

Автор «Подводных приключений» старался следовать этому совету.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ НА „ТРИГЛЕ“	5
ТРЕПАНГОЛОВЫ	71
ДОМ ПОД ВОДОЙ	137
Послесловие	233

Для младшего школьного возраста

Сахарнов Святослав Владимирович

ПОДВОДНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Повести

Ответственный редактор *Л. И. Доукиш*. Художественный редактор *Т. М. Токарева*. Технический редактор *Е. М. Захарова*.
Корректоры *В. К. Мирингоф* и *Г. С. Муковозова*.

Сдано в набор 29/XII 1971 г. Подписано к печати 3/VI 1972 г.
Формат 70×90¹/₁₆. Печ. л. 15. Усл. печ. л. 17,55. (Уч.-изд. л. 13,54).
Тираж 100 000 экз. ТП 1972 № 250. Цена 82 коп. на бум. № 2.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. 2-я Советская, 7.
Заказ № 198.

ЦЕНА 82 КОП

